

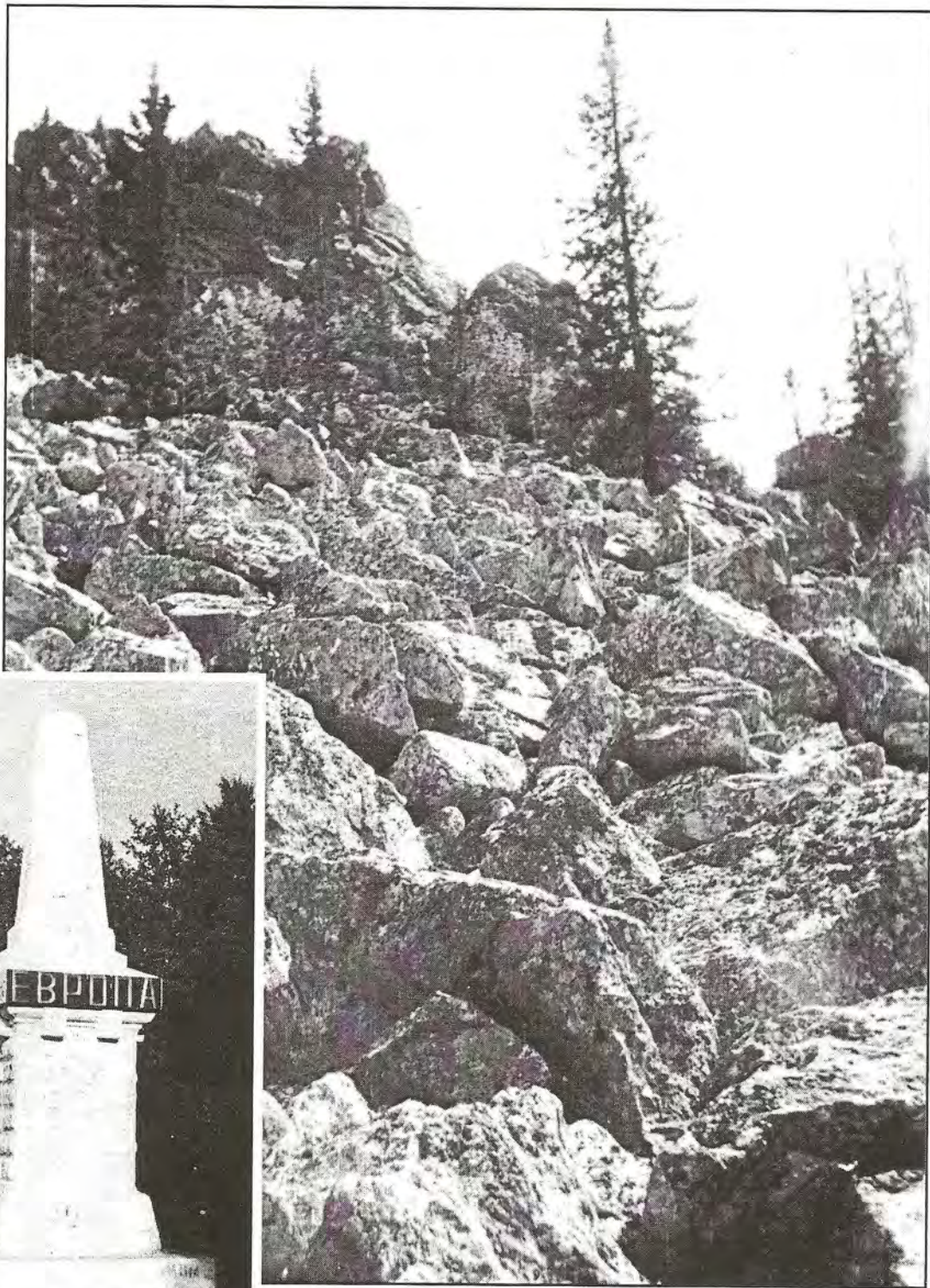
У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134-241X
с л е д о н ъ м
1 • 2000

**ТЮМЕНСКАЯ ДЕРЖАВА ПОТОМКОВ ЧИНГИС-ХАНА * РОССИЙСКИЕ ФАМИЛИИ
* ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН * БИОГРАФИЯ ПЕРВОГО СКАУТА * ПОЭЗИЯ * ПРОЕКТЫ**

Александровская сопка

*Александровская сопка. Хребет Урал-Тау.
Фото Олега ЩЕТИНИНА.*

«Хочешь
двигаться -
ищи
попутчика»

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

1 '2000

**РЕКА
ВРЕМЕНИ**

ИСТОРИЯ
КРАЕВЕДЕНИЕ
ПРОЗА
ПОЭЗИЯ

СТР. 3-20

АЭЛИТА

ФАНТАСТИКА
ФЭНТЕЗИ
КРИТИКА
ПУБЛИЦИСТИКА

СТР. 21-52

**ВСТРЕЧНЫЙ
ВЕТЕР**

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СПОРТ

СТР. 53-79

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

УралРелком

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ЭКСПЕДИЦИЯ «ЛХОЦЗЕ — 2000»
май 2000 года

ЦЕЛЬ ПРОЕКТА: ПЕРВОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ НА ВЫСОЧАЙШУЮ ИЗ НЕПОКОРЕННЫХ ВЕРШИН МИРА ЛХОЦЗЕ СРЕДНЯЯ (8426 МЕТРОВ, ГИМАЛАИ).

РОССИЯ — ТВОЙ ШАНС СТАТЬ ПЕРВОЙ!

Валерий ПЕРШИН

На рубеже тысячелетий и в год 50-летия покорения французами первого восьмитысячника Анапурны российские альпинисты ставят перед собой сверхзадачу — подарить Родине свой «русский восьмитысячник», на который еще не ступала нога человека.

В экспедиции примут участие сильнейшие альпинисты России. В их числе: Е. Виноградский, В. Першин (Екатеринбург), А. Фойгт (Новокузнецк), Г. Соколов (Новосибирск).

Евгений ВИНОГРАДСКИЙ

ОРГАНИЗАТОРЫ ЭКСПЕДИЦИИ:

**Федерация альпинизма и скалолазания Свердловской области,
Екатеринбургский городской клуб альпинистов «Урал».**

Адрес: 620019, Екатеринбург, ул. Московская, 28, б, Федерация альпинизма и скалолазания Свердловской области. Тел.: (3432) 51-38-82, E-mail: valeri@dialup.utk.ru

Организаторы экспедиции «Лхоцзе — 2000» приглашают все заинтересованные организации к участию в финансовой и материальной поддержке проекта на взаимовыгодной основе.

РЕКА ВРЕМЕНИ

«Должно быть, таких усадеб немало разбросано по европейским странам. Возможно, есть они и в срединной России. Но эта расположена там, где ее не ожидаешь найти — на Урале, в старинном горнозаводском поселке Суксун.»

Наталья ТОКАРЕВА, Владимир ШКЕРИН «Каменский из Суксуна», стр. 9

СОДЕРЖАНИЕ РАЗДЕЛА:

Новости	стр. 4
Алексей ЗЫКОВ, Анатолий ШАШКОВ. «Тюменская держава Шейбанидов»	стр. 5
Наталья ТОКАРЕВА, Владимир ШКЕРИН. «Каменский из Суксуна»	стр. 9
А. ЯКОРНОВ. Рассказы	стр. 15
Ирина МАЛОГРИЦЕНКО. Стихи	стр. 20

НЕМОЕ КИНО

Нынешнему молодому поколению точно не повезло. Оно без сомнений наглодается того, чем досыта накормили наше поколение и поколение наших родителей. Сначала нас пичкали песнями о том, как плохо было «при царях» и как хорошо стало при тех, кто их сменил. Потом — о том, что все было наоборот, особенно, по сравнению с 1913-м... Нынешние молодые запутаются окончательно. Потому что те, кто сменил тех, которые сменили, вряд ли скажут доброе слово о своих предшественниках.

Будь моя воля, я вырвал бы Историю язык. Пусть она будет зрячей, но пусть она будет немой. Как черно-белое документальное кино начала уходящего века. Только картинки, только факты и никаких комментариев, разговоров и оправдательно-обвинительного словоблудства. То, что произошло, уже произошло, и мы не в праве и, слава Богу, не в силах что-либо изменить. Прошлое можно только принять и полюбить. Именно полюбить — как должно любить родителей независимо от того, как их оценивают и что о них говорят другие.

Именно так я хотел бы относиться к Истории. Потому что, когда в заброшенной и загаженной церкви стираешь с росписей похабщину и имена тех, кто «здесь был», на стене остаются только лики и глаза, которые смотрят на тебя молча и ничего не требуют. И ты не знаешь, что с этим делать.

В школе мне говорили, что полковник Линч был расистом, что он был плохой и вешал негров без суда и в свое удовольствие. Но там оказалось иначе. Его сын убил приезжего иностранца, и Линч, согласно закону и долгу, посадил сына в тюрьму, приговорив к повешению. Жена Линча и мать его сына собрала горожан, и те встали у ворот тюрьмы, чтобы не допустить казни. Тогда Линч нарушил судебную процедуру и, следуя долгу, повесил сына в камере...

Я не знаю, что с этим делать. Я не хочу с этим ничего делать и не могу ничего сделать. Уж лучше пусть это будет немое кино.

...а словоблудство политиканов-историков я приравнял бы к мату с упоминанием единственного существа, давшего тебе жизнь.

«Урожайным» выдался минувший 1999 год для искусствоведа члена-корреспондента Российской Академии художеств С.В. Голицына — у него вышли в свет три новых книги. Первая — «Сергей Дягилев. Пермь — Петербург — Париж» продолжает и углубляет давнюю, даже лично близкую Сергею Васильевичу тему. Вторая — «Василий Денисов. Живопись и графика из собрания Евгения Ройзмана. Современники о художнике» по сути дела воскрешает для отечественной культуры имя забытого художника-символиста. Наконец, третья — «Леонард Туржанский, его окружение, его время» воссоздает художественную атмосферу Екатеринбурга годов «серебряного века». Все три новинки — свидетельство рабобы духа и результат неустанных архивных поисков.

20 января — 100 лет памяти Павленкова Флорентия Фёдоровича (20.10.1839 — 20.01.1990)

Издатель и просветитель Флорентий Павленков родился в Тамбовской губернии в дворянской семье. Определенный волей отца, отставного полковника, на военную службу, в возрасте 26 лет подал в отставку, поселился в Петербурге, открыл книжный магазин и занялся издательской и переводческой деятельностью.

Самое значительное издание Павленкова — серия «Жизнь замечательных людей», в которой вышло около 200 биографий выдающихся деятелей мировой науки, литературы и искусства. Не менее известными были в свое время и другие его серии: «Научно-популярная библиотека для народа», «Иллюстрированная Пушкинская библиотека» и «Иллюстрированная сказочная библиотека», доступные по цене простому люду.

Перед смертью весь свой капитал он завещал на создание бесплатных народных читален. Преемники издателя выполнили его волю, открыв в деревнях и поселках 2018 библиотек. С 1997 года благое дело, начатое по воле Павленкова, возрождено общественным движением «Демидовский конгресс», учрежденным по инициативе депутата Государственной Думы В.А. Язева. Действующее ныне «Содружество Павленковских библиотек» объединяет сегодня 316 сельских читален.

21 января — 50 лет памяти Джорджа Оруэлла (25.06.1903 — 21.01.1950)

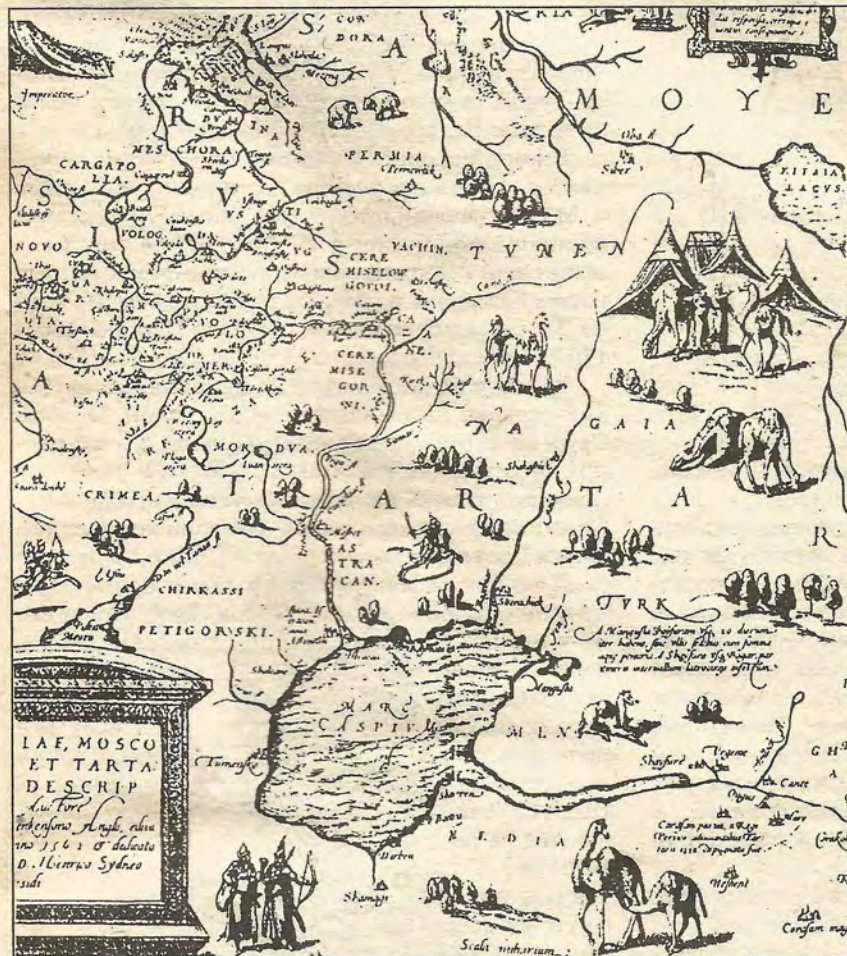
Джордж Оруэлл (настоящее имя Эрик Блэр) — английский писатель, родился в англо-индийской семье, служил в юности в английской полиции в Бирме, затем жил в Париже и Лондоне. В 30-е годы, увлеченный социалистическими и коммунистическими идеями, с оружием в руках участвовал в национально-революционной борьбе испанского народа на стороне республики. Далее его постигло жестокое разочарование, и две наиболее его известные книги «1984 год» и «Скотный двор» («Ферма животных») проникнуты осознанным неприятием коммунистической идеологии.

Судьба книг оказалась разной. «1984 год» — антиутопия, описывающая Англию времен победы мировой революции, так и осталась фантастикой, и это хорошо. «Скотный двор» — полная сарказма и сатиры пародия на историю страны победившего социализма, оказалась пророческой, и это печально. Самая известная цитата Дж. Оруэлла — «Все животные равны. Но некоторые животные — равнее» («Скотный двор»).

Алексей ЗЫКОВ, Анатолий ШАШКОВ

ТЮМЕНСКАЯ ДЕРЖАВА ШЕЙБАНИДОВ

Когда в 1206 году верховным правителем всех монгольских племен был провозглашен Чингис-хан, его старший сын Джучи совершил поход в Южную Сибирь и присоединил к Монгольской державе Туву, Хакассию и Алтай. Тогда же были завоеваны киргизы. На Иртыше окончательно разгромлены остатки найманов и меркитов. Все эти земли и составили первоначальное ядро улуса Джучи, ставка которого располагалась в долине Иртыша. Потом к его владениям добавились земли Средней Азии и казахских степей. В 1224 году Джучи стал отцом-правителем Хорезма и всего Деиш-и-Кыпчака. После смерти Джучи в 1227 году этот улус перешел к его сыновьям.

Карта Московии Антония Дженкинсона 1562 г., восходящая к чертежу московских земель 1497 г. (фрагмент)

Зыков Алексей Петрович. Археолог, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, специалист по позднему средневековью.

Шашков Анатолий Тимофеевич. Кандидат наук, доцент, зав. кафедрой истории России УрГУ, занимается историей Сибири и Урала XV-XVIII веков.

Живут в Екатеринбурге.

ЧИМГИ-ТУРА

В результате походов Бату-хана (Батыя), второго сына Джучи, возникло государство Джучидов. Его составили земли Казахстана, Западной Сибири, Восточной Европы, Крыма, Поволжья, Северного Кавказа, левобережного Хорезма, а также низовий Сыр-Дарьи. В русских источниках оно получило название «Золотая Орда». (Земли северо-восточной Руси, завоеванные монголами, составили вассальный «русский улус»,

Чингис-хан
Китайский рисунок

сохранявший известную автономию, прежние княжеские династии и христианство).

В военно-территориальном отношении Джучиев улус делился на два крыла. Левое (так называемая «Синяя Орда», где правили потомки Орду-Ичена, старшего сына Джучи), занимало территории современного северо-восточного, центрального и южного Казахстана и нижнего течения Сыр-Дарьи. Правое (так называемая «Белая Орда», где правили потомки Бату-хана), включало все остальные земли. Центром Белой Орды был сначала Сарай-Бату (стоял в низовьях Волги), а затем, со времен хана Узбека, — Сарай-ал-Джедид (находился близ нынешнего Волгограда).

В состав правого крыла входили личные улусы Бату (Поволжье) и его брата Берке (сначала степи северо-западного Кавказа, а затем Заволжья), а также и улусы многочисленных монголо-татарских князей и военачальников. К северу от самостоятельного улуса Хорезм располагались обширные пространства плато Устюрт и полуострова Мангышлак, принадлежавшие еще одному из сыновей Джучи — Туга-Тимуру. Шейбану (Шибану), младшему сыну Джучи, достались личные владения его отца, включавшие Кулундинские и Барабинские степи, а также земли по Иртышу и Тоболу.

Шейбаниды, потомки хана Шейбана, владе-

ли в своем улусе лучшими степными пастбищами по долинам рек Иртыша, Ишима и Тобола. Здесь кочевников-кипчаков они оттеснили на северные окраины своих владений. Заселяли тюрки также и южную тайгу в низовьях рек Ишима, Тобола, Туры и Тавды, вытеснив, в свою очередь, на север обских угров. В непригодных для кочевого скотоводства местах пришельцы осваивали оседлый образ жизни. Наряду со скотоводством, охотились и рыбачили. Появилось у них и земледелие. Это оседлое тюркское население Западной Сибири, кипчакское по языку и по происхождению, растворило в себе часть лесных угров и стало предком современного народа — сибирских татар.

Кроме многочисленных сельских поселений, не позднее середины XIV века возник один из первых городов на юге Западной Сибири — Чимги-Тура (Тюмень), ставший впоследствии политическим центром Шейбанидского улуса.

В пору расцвета город состоял из трех комплексов: Царева городища (цитадели), Большого и Малого городищ. Занимал около 70 гектаров площади. Кроме того, к Чимги-Туре прилегал обширный неукрепленный торгово-ремесленный посад. По своим размерам татарский город конца XV века превосходил русскую Тюмень 1668-1703 годов.

Золотая Орда между тем переживала глубокий кризис, вызванный междоусобной борьбой. Судя по всему, шейбанидские ханы в этой распря активно не участвовали. В 1379 году они признали власть хана Тохтамыша из рода Туга-Тимура, сумевшего вновь объединить распавшееся государство.

И во время войны Тохтамыша с правителем Средней Азии и Ирана эмиром Тимуром в 80-90-х годах XIV века Шейбаниды тоже выступали на стороне золотоордынского хана. Но в 1399 году в битве на реке Ворскле Тохтамыш вместе со своим союзником, великим князем Литовским Витовтом, был разгромлен новым военным правителем Золотой Орды — эмиром Едигеем. Тохтамышу пришлось бежать за

Родовое знамя Чингис-хана

Тимур

Реконструкция М.М. Герасимова

Урал. Здесь он создал свой улус и, помирившись с Тимуром, попытался вернуть власть в Золотой Орде. Это предприятие успехом не увенчалось: в 1406 году Тохтамыш погиб в битве с Едигеем под Тюменью. А Едигей в борьбе с сыновьями Тохтамыша приблизил к себе шейбанидского царевича Хаджи-Мухаммеда, пообещав сделать его золотордынским ханом. Но во время сражения на Яике с одним из сыновей Тохтамыша, Едигей погиб. Хаджи-Мухаммед однако сумел спастись. В 1421 году, опираясь на помощь эмира Мансура, сына Едигея, он провозгласил себя в Тюмени ханом Шейбанидского улуса.

РАСЦВЕТ И ПАДЕНИЕ ТЮМЕНСКОГО ХАНСТВА

Придя к власти, Хаджи-Мухаммед соперничал с появившимся в его владениях царевичем Бораком, выходцем из Синей Орды. Борак захватил Шей и объявил себя рез три года жи-Мухаммед-власть в Шей-улусе стали осадельные род-Борака, сре-

Иван III

Западноевропейская гравюра

выделялся юный царевич Абулхаир. В 1430 году ему удалось захватить Тюмень и казнить Хаджи-Мухаммеда.

Став таким образом ханом, Абулхаир объединил под своей властью весь Шейбанидский улус. Впрочем, это продолжалось недолго. В том же году родственники казненного Хаджи-Мухаммеда вытеснили Абулхаира на юг. А ханом провозгласили Махмуда, сына Хаджи-Мухаммеда. Столицей его улуса вновь стала Тюмень.

Это был расцвет тюменской державы Шейбанидов. Тюменский хан Ибак, сын Махмуд-хана, заключил союз с великим князем Московским Иваном III. В 1480 году они вместе с крымским ханом Менгли-Гиреем выступили против Ахмада, хана Большой Волжской Орды. Всем троим союзникам улыбнулась удача. Иван III одолел Ахмада в бескровном «стоянии на Угре»; крымские татары совершили набег на владения польско-литовского короля Казимира IV, являвшегося союзником Ахмада, а тюменский хан совместно с ногайцами разгромил ослабленную Орду самого Ахмад-хана. В результате все Нижнее Поволжье оказалось под властью Тюмени.

Тогда же тюменский хан попытался переместить направление пушной торговли на древнюю магистраль, минуя Волгу и Каму. Он перевел в свою зауральскую ставку корпорацию ордынских купцов — так называемый Орда-Базар. Однако на пути торгового каравана к Тюмени на него напали на Каме ушкуйники устюжанина Андрея Мишнева и, перебив охрану, разграбили купцов. Тем не менее караванный путь, еще до новой эры связывавший Поволжье с государствами Средней Азии через лесостепное Зауралье, усилиями хана Ибака был восстановлен.

Ибак провозгласил себя ханом всех Джучидов. Он стремился к возрождению Золотой Орды, и был достаточно близок к этому. В некоторой зависимости от Тюмени теперь находился даже

Батый

Китайская миниатюра

*Стояние на р. Угре в 1480 году.
Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.*

Татары уводят в плен местных жителей. С миниатюры XV века.

хан Казани. Но это привело к конфликту с Иваном III, обеспокоенным чрезмерным усилением своего союзника. В 1487 году русские войска взяли Казань и посадили на казанский престол московского ставленника Мухаммеда Эмина.

Между тем, разорив в 1492 году Астрахань, Ибак-хан перевел свою ставку в Заволжье, о чем вскоре сообщил в своем послании Ивану III.

Созданная тюменскими ханами держава оказалась непрочной. Ее постоянно сотрясали восстания местной татарской знати. В 1495 году один из ее представителей Мухаммед-бек, который вел свой род от легендарного Тайбуги, убил Ибака. Разорив Тюмень, он ушел на Иртыш и обосновался здесь. После смерти Ибака тюменским ханом стал его брат Мамук.

Ханы Тюмени еще пытались какое-то время сохранить свою власть на Туре. В последние годы правления здесь Шейбанидов их политика носила явный антирусский характер. Не оставляли тюменские властители надежды на восстановление своего главенства среди татарских государств. В 1496 году Мамук-хан сумел захватить Казанское ханство, но после неудачной осады Арского городка был изгнан оттуда местными князьями при помощи русских войск. По дороге домой он умер. В 1500 году безуспешную попытку овладеть Казанью предпринял его брат Агалак.

Последним же известным деянием тюменских ханов стал набег сына Ибака — Кутлуг-Султана на русские владения в Перми Великой весной 1505 года. После осады городка Покчи, который некоторое время был столицей края, отступающее татарское войско, разорившее перед

этим Соль Камскую, настигла русская судовая рать на «перевозе» между Сылвой и Уфой. Татары, отягощенные добычей и пленными, были разбиты, а их арьергардные отряды уничтожены. После этого поражения шейбанидские ханы еще какое-то время удерживали Тюмень, а потом ушли в Заволжье либо к своим родственникам в Среднюю Азию. Земли Тюменского ханства были частично присоединены к государству Тайбугидов. Город Тюмень (Чимги-Тура), не сумевший возродиться после разгрома 1495 года, был окончательно оставлен своими жителями.

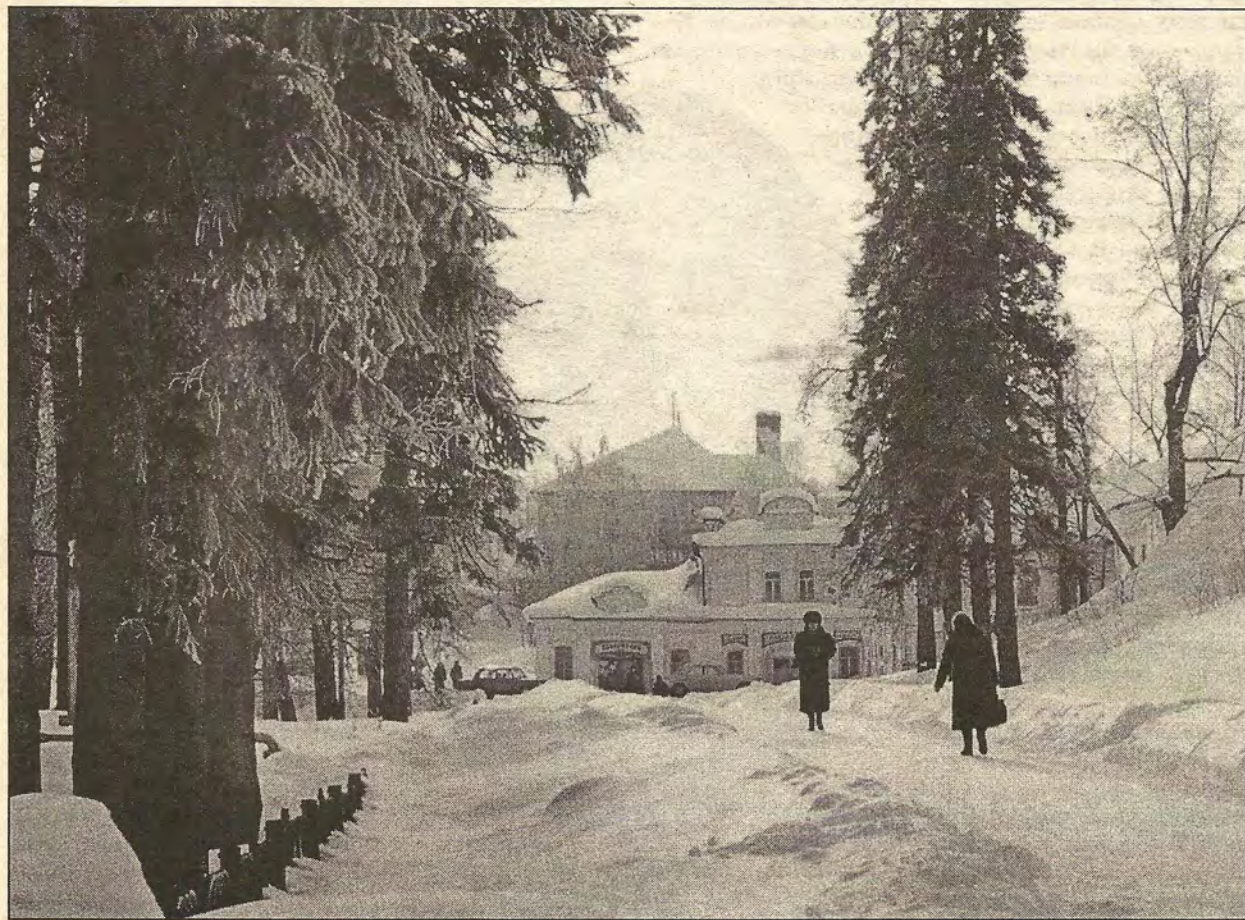

Наталья ТОКАРЕВА, Владимир ШКЕРИН

КАМЕНСКИЙ ИЗ СУКСУНА

Это место из тех, где время теряет свою власть. Старый дом в старом парке, остроконечная крыша над угловой башней, в кронах деревьев колонии вороньих гнезд. С одной стороны невысокая белая стена, с другой — стеклянная гладь пруда очерчивает пределы уединенного мирка. Должно быть, таких усадеб немало разбросано по европейским странам. Возможно, есть они и в срединной России. Но эта расположена там, где ее не ожидаешь найти — на Урале, в старинном горнозаводском поселке Суксун.

Перенесемся теперь на полторы сотни километров к западу. Неподалеку от железнодорожной станции Пермь-II, в тесном кольце жилых многоэтажек прячется белая церковка, увенчанная одиноким голубым куполом. Храм во имя иконы Казанской Божьей матери — все, что осталось от некогда процветавшего монастыря. Истории этих двух зданий связаны судьбой одного человека — Ивана Григорьевича Каменского.

Аллея возле дома Каменских. Современный вид.

Путь, пройденный основателями династии Каменских Федором и Григорием Козьмичами от крепостных ямщиков князя Голицына до богатейших купцов города Перми, поражал воображение современников и множил легенды. Известный пермский краевед В.С. Верхоланцев писал в начале XX столетия: «Происходя из подгородной Перми деревни Данилихи и не получив никакого образования, они личным трудом составили себе капитал, достигший нескольких миллионов». Революционер В.Н. Трапезников в своей неопубликованной «Летописи города Перми» утверждал обратное: «Миллионные капиталы, нажитые братьями за очень короткий срок, никак не могли быть результатом «трудов праведных». Молва утверждала, что Каменские составили свое состояние посредством убийств и грабежей проезжающих в своем постоялом дворе...». За давностью лет истина потеряна безвозвратно. Хищный прищур недобрых глаз и крепко сомкнутые губы, — черты, присущие братьям, — добра не предвещали. Да только без исключительной деловой хватки и расторопности едва ли удалось бы Каменским создать огромное многопрофильное хозяйство.

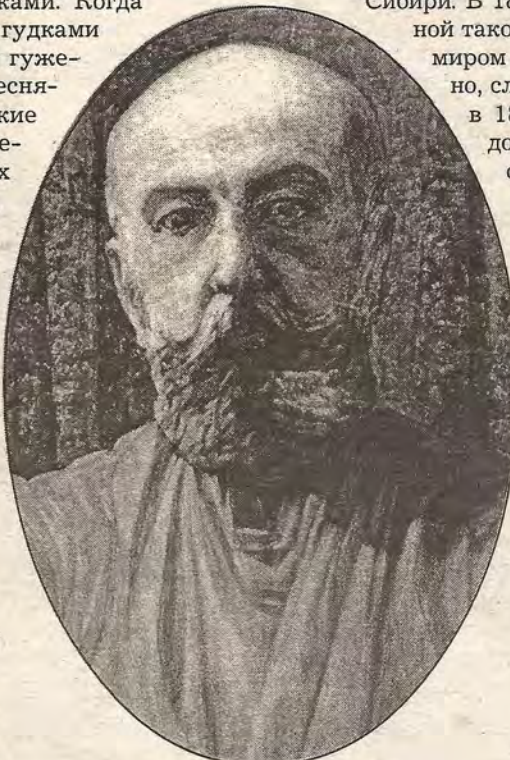
Еще до отмены крепостного права братьям пофартило выкупиться на волю. Они организовали систему конных перевозок от Москвы аж до Китая — на шесть тысяч верст, с перевалочными базами и сменными извозчиками. Когда же берега Камы огласились гудками пароходов, и стало ясно, что гужевой транспорт неумолимо оттесняется на вторые роли, Каменские занялись пароходными грузоперевозками. В 1859 году у них был один буксирный пароход, в 1862-м — два. А в 1865-м бывшие ямщики открыли в Перми пассажирское пароходство. Вскоре по речным просторам бегала целая стая огнедышащих кораблей, носивших имена сыновей Каменских: «Иоанн», «Михаил», «Александр», «Василий». Еще через пяток лет возник торговый дом «Товарищество пароходства и транспортирования грузов Ф. и Г. Братья Каменские». Издания тех лет пестрят объявлениями: «Ежедневное отправление почтово-пассажирских пароходов Бр. Каменских из Перми в Нижний по приходе поезда железной дороги. На пароходах электрическое освещение и на верху палубы отдельные и общие каюты». Для пост-

ройки и ремонта судов в устье речки Данилихи сооружен литейно-механический завод.

Российское купечество, чей бизнес после отмены крепостнических ограничений уверенно набирал обороты, тем не менее сохранило патриархальную уверенность в греховности безоглядно обретенного капитала. Оттого и жертвовало щедрой рукой на возведение храмов и богоугодных заведений. На этом поприще в Перми Каменским не было равных. Здание Мариинского училища — будущей гимназии, Вознесенская церковь, церковь во имя святого Николая Чудотворца при пересыльном замке, иконостас Кирилло-Мефодиевской церкви при духовном училище, домовая церковь во имя Симеона Верхотурского при богадельне, здание дамского попечительства для бедных детей — вот неполный перечень того, что было построено на деньги братьев. Главным же памятником их благотворительности стал Успенский женский монастырь с большим каменным храмом в честь Успения Божией Матери, не только возведенный на их средства, но и обеспеченный солидным начальным капиталом. Каменские же подарили 250-пудовый колокол Афонскому монастырю, жертвовали на содержание православных миссий в Иерусалиме и Японии...

Старший сын Фёдора Козьмича — Иван ведал в товариществе сухопутными грузоперевозками по Сибири. В 1883 году он не вернулся из одной такой поездки, простившись с этим миром у китайской границы. Вероятно, сломленный случившимся горем, в 1885 году скончался и сам Фёдор Козьмич. На смертном одре он завещал детям «жить справно, в мире и согласии, не делиться и вести общее дело». А в начале 1893 года в родовом склепе под сводами Успенского храма обрел последний приют и Григорий Козьмич. Товарищество перешло в руки сыновей: Михаила и Василия Фёдоровичей, Алексея, Александра и Ивана Григорьевичей.

Во втором поколении Каменских особняком стоит фигура последнего. Иван Григорьевич родился в Перми в 1857 году и наряду с братьями получил хорошее начальное образование. Одиннадцатилетним подростком отправился продолжать учебу в Московскую Практическую академию коммерческих наук, из которой был выпущен с малой золотой медалью в петлице. Но и после

*К.М. Собакин.
Портрет И.Г. Каменского
Суксунский краеведческий музей*

этого молодой человек не вернулся на Урал, а подался еще дальше — в Германию, страну передовой науки и выдающихся технических достижений. В Боннском университете он постигал законы химии. По этой науке, ставшей его увлечением на всю жизнь, защитил диссертацию и получил докторскую степень. Перед ним открывалась блестящая научная карьера. Но... Наверное свое веское слово сказали братья, посчитавшие, что Иван и без того достаточно образован и пора ему заняться делом.

19 февраля 1893 года в Нижнем Новгороде, где проживал старший из братьев Михаил Фёдорович, была оформлена покупка Каменскими крупных земельных участков на границе Красноуфимского и Кунгурского уездов с заводами Суксунским железодобывательным, Молебским чугуноплавильным и бездействовавшим Тисовским. Управлять этим хозяйством, находившимся в изрядном запустении, братья поручили Ивану Григорьевичу. В том же году он переехал в Суксун вместе с женой Лидией Николаевной — молодой штабс-капитанской дочкой.

Супруги поселились в большом доме бывших управляющих горным округом, построенном в 1840 году. Дом был деревянный, но на каменном фундаменте, имел сорок четыре комнаты и сто окон. Над железной крышей возвышались две каланчи, внутри которых шли винтовые лестницы. Двор закрывался металлическими воротами на чугунных колоннах. За домом на берегу пруда был разбит парк с большой клумбой посередине.

Однако в таком виде усадьба оставалась недолго. Если фундамент, стены и балки были еще достаточно прочными, то перекрытия, крыша и каланчи безнадежно обветшали. В 1896 году Иван Каменский перестроил дом в новомодном стиле модерн. Поднялась над Суксуном столь необычная для Урала пятисаженная «замковая» башня, чья коническая крыша невольно привлекает внимание гостей. Согласно легенде, новый дом был перевезен в разобранном виде из-за границы. По другой версии заграничное происхождение имеют лишь украшенные резьбой дубовые колонны в холле.

Если внешний вид здания сохранился с тех пор почти неизменным, то его внутреннее убранство потеряно без-

возвратно. Лидия Николаевна имела способности к живописи, брала уроки у Николая Рериха, водила знакомство с Виктором Васнецовым и Михаилом Нестеровым. И если она не состоялась как художница, то ее страсть к живописи нашла выход в коллекционировании полотен российских и старых европейских мастеров. Солидные денежные средства позволили собрать коллекцию, заслужившую имя «малого суксунского эрмитажа». Пристрастия же хозяина выразились в обустройстве им на первом этаже химического кабинета, а на втором — богатой библиотеки русских и иностранных книг. Гостиная и спальни хозяев были обставлены мебелью из красного дерева, стены — обиты разноцветным бархатом. На первом этаже находилась баня с зеркальными стенами и потолком, а в подвале хранились тысячи бутылок с винами и минеральной водой. Ходили слухи, что из подвала уходил демидовских времен подземный ход, ведущий на территорию завода.

Рубеж XIX-XX столетий — время наивысшего развития семейного дела Каменских. Они приобрели хлопковые плантации в Ташкентском уезде, а в самом Ташкенте — хлопковый и канатовый заводы. Во многих городах фирма имела пристани и склады. В Перми, Нижнем Новгороде, Петербурге, Риге успешно действовали отделения Товарищества. Его правление было перенесено из державного Питера в торговую Москву.

Поначалу рьяно взялся за исправление заводских дел и Иван Григорьевич. В те времена на Суксунском заводе трудилось около сотни рабочих. Завод перерабатывал чугун, доставляемый из Молебки. Молебкинские крестьяне добывали руду, пробивая «дудки», то есть узкие вертикальные шахты до гнездовых месторождений. Выбрав руду, «дудку» бросали и рыли новую. Столь примитивным способом заводы нельзя было обеспечить нужным количеством руды, поэтому ее возили со знаменитой горы Высокой. Чтобы увеличить производство чугуна, в 1895 году на Молебском заводе была пущена в действие новая домна. По сравнению с серединой XIX века чугуна стали получать в два раза больше и в 1899 году достигли наибольшей выплавки за всю историю предприятия. Однако чугун из-за трудности доставки руды получался дорогим. Поэтому большие надежды Ка-

*Портрет Л.Н. Каменской. 1893.
Неизвестный художник.
Суксунский краеведческий музей*

*И.Г. и Л.Н. Каменские (вторая и третий справа в первом ряду) с жителями Суксуна.
Суксунский краеведческий музей*

менский возлагал на проведение новой железной дороги Пермь — Кунгур — Суксун — Сысерть — Каменский завод — Шадринск — Курган. В 1898 году губернское земство рассмотрело соответствующий проект и ходатайствовало о его претворении в жизнь.

Нашел Иван Григорьевич практическое применение и своему пристрастию к химии: на берегу Сылвы у деревни Шапочка (ниже современной деревни Березовка) он построил первый в России завод по сухой перегонке древесины, производству ацетона и метилового спирта. Завод работал вплоть до 1917 года и оставил после себя такую гору угля, что кузницы окрестных колхозов не знали нужды в топливе вплоть до Отечественной войны. А возле села Большое Кашаево (ныне — в Красноуфимском районе Свердловской области) были найдены богатые залежи белой глины, использовавшейся в металлургическом производстве. Глину возили на телегах до берегов Сылвы, где были построены Торговижская и Усть-Иргинская пристани, откуда суда доставляли ее на Мотовилихинский завод.

Но предпринимателя из Ивана Каменского, увы, не получилось. В стране назревали бурные события. Избранный гласным Красноуфимского уезд-

ного земского собрания, он помогал голодающим в неурожайные годы, занимался устройством электростанции при местной больнице, развитием мебельного производства в уезде, улучшением породы лошадей, борьбой с алкоголизмом... В 1906 году Пермское земство избрало Каменского своим представителем в Государственный Совет.

По делам новой службы Иван Григорьевич переехал в Петербург, где обосновался на Большой Конюшенной, 19. А компанию свою Каменские в 1914 году продали сильнейшему конкуренту, который, ценя авторитет старшего поколения семьи, перерегистрировал ее под именем «Ф. и Г. Братья Каменские и Н.В. Мешков».

Бизнес не умещался между наукой и политикой. После того, как затея с железной дорогой через Суксун не удалась, производство на заводе стало неумолимо падать, а в 1913 году выплавка металла в Молебке и Суксуне окончательно прекратилась. Завод сухой перегонки также превратился в пустую забаву ученого-химика. И Каменский продал основную часть суксунского имения министерству императорского двора и уделов. В эту часть вошли заводы Молебский и сухой перегонки дерева.

В Суксуне Каменские бывали наездами, пре-

имущественно в летнее время. Управлял имением брат хозяйки — Александр Николаевич Ильин. Был он холостяком, но не без извечного барского греха: одна из суксунских горничных родила ему сына Колю. Александр Николаевич признал ребенка, но на воспитание отправил к сестре и Ивану Григорьевичу. В остальном жизнь Ильина была поглощена безуспешными заботами о развивающемся хозяйстве Каменских.

Дом, вернее, его первый этаж, заполняла многочисленная дворня, которой долгой зимой порою было откровенно нечем заняться. Все эти горничные, повара, истопники, конюхи, прачки, садовники, дворники, сторожа и даже лекарь с парикмахером содержались с одной целью, — чтобы в усадьбе было все, как в истинном дворянском гнезде. Жизнь полусотни человек тянулась сонно, без толково и мелко. Лишь весной, когда на сутробы в парке ложились длинные синие тени, дом начинал оживать и встречал хозяев обновленным и похорошевшим.

Приезжая в Суксун, господа предавались незатейливым радостям дачной жизни. Устраивали веселые пикники возле водопада Плакун — родника, падавшего с семиметровой высоты двумя шумными струями. Или, укрывшись от солнечных лучей широкополыми шляпами и белыми зонтами, рыбачили на парковом берегу пруда. Там же, в парке, играли в кегли и английскую игру футбол, а то и просто швыряли резиновые мячи и палки в пруд, заставляя охранявших усадьбу догов и сетеров приносить их обратно.

Впрочем, ненадолго оживала дача Каменских и зимой — в рождественские каникулы. Привозили из лесу большую пушистую ель, по широкой лестнице поднимали ее на второй этаж и, установив в зимнем саду, украшали бумажными гирляндами и разноцветными шарами. Устраивали музыкальные вечера, на которые, дабы не скучал Николенька, звали мещанских детей и пугливых гимназисток. Иван Григорьевич, ценивший народную музыку, требовал местных музыкантов. Приводили первого суксунского гармониста Николая Клокова, который, понимая, что приглашен к образованным господам, играл им популярные вальсы «Воспоминание о Титанике» и «На сопках Маньчжурии» и лишь по повторному требованию — русские песни.

В 1907 году на средства Каменских в Суксуне было открыто здание двухклассного училища, выстроенное в любимом ими стиле модерн. Это благородное дело Иван Григорьевич посвятил рождению российского парламента — Государственной Думы, на которую, как политик и гражданин, возлагал большие надежды. Земство поместило в рекреационном зале училища портрет жертвователя и

мраморную доску, на которой начертало золотыми буквами: «Здание Суксунских училищ имени Л.Н. и И.Г. Каменских в память открытия Государственной Думы в 1906 году». Служило это здание народному образованию вплоть до пожара, уничтожившего его в конце 1980-х годов. Будучи почетным блюстителем училища, Иван Григорьевич из личных средств выдавал пособия многодетным учителям, а беднейшим ученикам помогал в приобретении одежды и обуви. Он также являлся попечителем Молебкинско-Истекаевского и Агафонковского русско-татарского. В Перми же он был известен как попечитель детских приютов и русско-башкирской низшей сельскохозяйственной школы, как учредитель стипендий для несостоятельных студентов университета.

Лидия Николаевна была попечительницей Суксунского женского училища. При училище была открыта ткацкая мастерская, в которой имелось

*Дом Каменских. Ныне —
Суксунский краеведческий музей*

хорошее оборудование, а ее изделия пользовались большим спросом.

Продолжили Каменские и семейные традиции храмостроительства. В 1908 году на месте первой деревянной церкви пермского Успенского монастыря на средства Ивана Григорьевича был возведен небольшой каменный храм в честь иконы Казанской Божьей Матери. Есть предположение, что автором проекта выступил Николай Рерих. По его же эскизам храм был украшен майоликовыми панно, а иконостас включал несколько икон, написанных его рукой. Благодаря неустанным заботам Каменских, игумен Серафим смог написать в 1914 году, что Успенский монастырь «занимает по своей обеспеченности и благоустройству первое место среди всех монастырей Пермской епархии».

Октябрь 1917 года поставил крест на политической карьере владельца Суксунских заводов. Через пол-России, сквозь назойливый стук вагонных колес, бесконечные стоянки на неведомых ему прежде полустанках, митинги на загаженных станциях, проверки документов и тревожный треск ночных выстрелов, как сквозь одно огромное бедствие, вернулся Иван Григорьевич в Пермь. В Суксун не поехал. Оттуда приходили тревожные вести. Вся власть перешла в руки местного Совета. Земские учреждения были разогнаны. В начале 1918 года в поселке национализировали почти все самоварные фабрики, а в апреле народной собственностью был объявлен и сам завод. Вместе с заводом были национализированы дом Каменских и все их земли.

Добралась новая власть до Каменских и в Перми. Ивана Григорьевича и Лидию Николаевну выгнали из собственного дома, взамен выделив угол в одном из домов терпимости. Стены их нового жилища были покрыты многолетней грязью и следами насильственной смерти насекомых. Происходящее было подобно страш-

ному сну и казалось невозможным, что это — та самая советская власть, за компромисс с которой ратовал бывший член Государственного Совета.

Между тем, на просторах России разгоралась Гражданская война. При отступлении красных из Суксуна в Кунгур было увезено все самое ценное из конфискованного имущества Каменских: картины, драгоценности, книги. Дальнейшая судьба «суксунского эрмитажа» по сей день неизвестна. В конце 1918 года белые заняли Пермь. Весной следующего года не стало И.Г. Каменского. Лишения, выпавшие на его долю, уложили последнего владельца Суксунского завода сначала на больничную койку, а затем и в могилу. Газета «Свободная Пермь» писала: «Жертвы большевистских преступных экспериментов с каждым днем прибывают. ...Покойный погребен 16 марта в фамильном склепе, находящемся в стенах Пермского монастыря. Чин погребения совершал Преосвященный Борис, епископ Пермский и Кунгурский. В своем надгробном слове Архипастырь отметил особенности почившего и как человека, и как общественного и государственного деятеля. Пусть же спит спокойно вечным сном незабвенный Иван Григорьевич, и да будет легка ему земля уже по одному тому, что он слишком много претерпел, а претерпел так много горького потому, что возлюбил много».

И этому не суждено было сбыться. Монастырь был разрушен в 1930-е годы. Чудом уцелела лишь церковь в честь иконы Казанской Божьей Матери. Но останки Ивана Григорьевича были исторгнуты из ее склепа и выброшены без повторного захоронения. В храме расположился склад, в холоде склепа хранили продукты для детских садов. Ныне церковь возвращена возрождаемой женской общине. Судьбы жены Каменского Лидии Николаевны, племянницы Веры Шаховской затерялись в круговерти Гражданской войны.

*Суксунский самовар.
Из фондов краеведческого музея.*

А. ЯКОРНОВ

КОТЯРА

Во дворе мельзавода, у огромной кучи завезённого ещё весной тёса для соседней столярки стояли полукругом несколько намертво вкопанных в землю скамеек. В центре этого полукруга находилась обрезанная на три четверти и тоже вкопанная железная бочка, наполненная почти до краев окурками и жжёнными спичками. Для самых недогадливых была предназначена табличка «Место для курения». На скамейках сидели мужчины, не более десятка, работники этого самого мельзавода, имевшие различный возраст, характер и уровень профессионального мастерства, но единые в желании травить не до конца сложенные непосильным трудом организмы. Необычность того собрания заключалась в теме разговора собравшихся после второй смены на длительный перекур электриков, слесарей, грузчиков, никогда не претендовавших на звание ударников

труда. Всю свою жизнь любой мужик, особенно если заложит за воротник, будет толковать о вине, бабах, несправедливой зарплате, проблемах Гондураса, о чём угодно, но в первый и в последний раз на моей памяти разговор зашёл о лени. Что становится особенно удивительным, если вспомнить, что при жизни дорогого Леонида Ильича рабочий день состоял в основном из перекура с перерывами на обед и работу. И вот, когда уже лень стало даже говорить о лени, курящая публика дружно обратилась к сидевшему, не смотря на избыток свободного места, на корточках, мужику, известному как Иван Иваныч с просьбой рассказать что-нибудь интересное, поскольку обычно он подобных ожиданий не обманывал.

Иван Иваныч, мужик лет тридцати, голый по пояс, с громадным медным крестом на тонкой, эсковской вязки, цепочке, встал, почесал мохнатую загорелую грудь, стрельнул папироску и неспешно начал свой рассказ примерно такими словами:

— Прекрасное ходит рядом, просто вы не хотите или не можете это заметить. Все вы знаете Витьку Поторочина, но никто даже не упомянул этого великого ленивца. Вот скажите, помнит ли кто-нибудь, чтобы Витя работал на его глазах? (Мужики дружно и отрицательно мотая головами подтвердили правдивость этого

Без слов

вступления) Я тоже. Вот, кстати, на той неделе, подходит Николай Фёдорович, наш начальник цеха, к Поторочину, мы тогда в первую работали, и говорит, чтобы тот сменил лампочку на пятом полу (Так у нас, на английский манер, этажи называются), а то, мол, ремонтники ни хрена не видят. «Будет сделано, начальник...» — говорит Витёк, даже не оторвав своей внушительной задницы от скамейки. Через час начальник приходит и интересуется у по-прежнему не сдвинувшегося с места электрика, как дела со светом. Лениво скосив глаза и послав меткий плевок в огромную пепельницу, Поторочин нехотя молвил: «Всё в ажуре, начальник...» Николай Фёдорович, сохраняя внешнее спокойствие, ввёл эту заблудшую овцу в стойло, сказав, что света по-прежнему нет, и ремонтники матом кроют всех работников нашего родного электроцеха. Ни один мускул не дрогнул на опущенном лице Виктора Поторочина, спокойно и уверенно он ответил, что лампочка просто опять перегорела.

Фёдорыч, лично вкрутивший ту лампочку и уязвленный в своём самолюбии, попытался взять реванш. Он велел Витьке взять «когти», монтерский пояс, пару ламп и со всем этим немедленно идти к проходной завода. Когда минут через тридцать Поторочин подошёл к проходной, то увидел начальника, ходившего кругами

у столба, на котором висел фонарь с перегоревшей лампочкой. Фёдорыч молча мотнул головой в сторону столба, указал пальцем вверх и отошёл, показав всем своим видом, что обсуждению приказ не подлежит. Поторочин, потоптавшись на месте, с глубокой досадой в голосе сказал, что ни разу не лазил на столбы, и желает, чтобы ему показали, как это делается. Николай Фёдорович демонстративно надел «когти», пристегнулся к столбу поясом и, поднявшись вверх на несколько шагов, взглянул вниз, с намерением спросить, понятен ли урок. Тут он увидел, что Поторочин любезно протягивает ему две лампочки. Опешивший от подобной наглости Фёдорыч взял лампочки и, быстро поднявшись, заменил сгоревшие. Прежде чем он успел слезть со столба, Витька уже опять сидел в курилке.

— А теперь, друзья, послушайте, как сам Виктор рассказывал о такой лени, какой даже он сам удивился. «Проснулся я с похмела на кухне, лежу на полу на телогрейке, смотрю — напротив меня кот, тоже лежит. А морда у него, гад буду, шире моей гораздо, и вдруг из-за тумбочки вылетает мышонок и бежит у него прямо перед носом, а он и ухом не ведёт. Я соскочил, поймал гадёныша серого и кислород ему перекрыл. Потом взял мыша за хвост и стал им перед носом того кота махать. Котяра открыл один глаз, посмотрел брезгливо на мышку, закрыл глаз и перевернулся на другой бок, скотина!» Это был самый болезненный удар по витькиному самолюбию, ибо он считал себя самым ленивым на свете.

Не успел Иван Иванович закончить рассказ, как в курилке появился мужичок средних лет, с оплывшим от вечного недопивания лицом. Из-под надвинутой на самый нос засаленной фуражки хитро поблёскивали маленькие глазки.

— О, вот и герой нашего рассказа пришел! — приветственно воскликнул Иван Иванович и умолк, путив колечко сизого дыма в сторону Витьки.

Поскольку все в тот момент примолкли, Витька сразу перехватил инициативу и, не вникая, о чём шла речь до того, завёл разговор на свою самую любимую тему. А волновали Витьку в основном деньги, вернее их нехватка. Как это ни удивительно, не смотря на свою необыкновенную лень, Витька умудрялся работать сразу в трёх местах: электриком на мельзаводе, электриком в доме, где проживал, и там же ещё и дворником. Понятное дело, ему приходилось здорово себя беречь, чтобы не надорваться на работе и не разорить родное государство содержанием ещё одного инвалида.

— Вот вы, ребята, говорите тут о всякой хреновине, а меня из дворников помели, и никогда

не угадаете, за что — огоршил нас Витька.

Затянувшись «Примой», Поторочин продолжил своё грустное повествование. Дело было летом, когда бедному Витьке приходилось через день подметать по утрам территорию вокруг дома, очищая её от мелкого мусора и редких упавших листьев. Прикинув, что скоро грянет осень, и мести придется каждый день и помногу, находчивый дворник в одну тихую и тёплую ночь спилил с дюжину угрожавших его здоровью молодых тополей и отволол их на соседнюю улицу. Еле отдышавшись после проделанной работы, Витька сам подивился своей невероятной работоспособностью (причиной которой была невероятная лень) и, очень довольный собой, отправился спать. Засыпая со счастливой улыбкой на устах, Поторочин представлял себе, как дворники из соседних дворов будут корячиться осенью, сгребая в кучи опадающую ежедневно листву, а он будет, снисходительно улыбаясь, посиживать на скамеечке у подъезда и лузгать семечки, аккуратно сплёвывая шелуху в газетный кулёчек.

На следующий день жильцы дома шумно возмутились в адрес неизвестных подрастающих хулиганов, покусившихся на зелёные посадки, украшавшие двор и гревшие душу местных жителей. И всё бы прошло так, как и задумал наш сообразительный герой, если бы не одна богомольная старушка, бдящая денно и ночью, и наблюдавшая за активной деятельностью труженика лопаты и метлы от её начала до победного конца. Она то и подсунула ложку дёгтя в бочку витькиного мёда. Когда всё всплыло, Витьку вызвали в жилконтору и предложили на выбор два варианта: или платить в тройном размере за порубку тополей, или же в трёхдневный срок посадить новые саженцы взамен срубленных. И пришлось бедняге Поторочину корчевать свои пеньки, хорошо, что от небольших деревьев, и сажать где-то сворованные саженцы тополя. Вот так и заработал Витька свои первые, и, возможно, последние в жизни мозоли, которые он потом с гордостью показывал начальству, утверждая, что заработал их на заводе, вкручивая ежедневно невероятные количества лампочек. Под это дело он умудрился стянуть с завода не один десяток лампочек, продавая их, или просто обменивая на спиртное, благо тогда экономические связи в Союзе разрушены не были, и лампы были в дефиците. Вот так и трудился в поте лица своего передовик лодырского соревнования до тех пор, пока в один из погожих зимних дней начальник цеха в конце концов не уволил его, не в силах переносить более присутствие этого яркого представителя человеческой породы.

ЕСЛИ БЫ ОНИ МОГЛИ ГОВОРИТЬ...

Погода была люксовая, падал мягкий пуховый снежок, чуть поскрипывая при ходьбе, и по белому полю озера Балтым чернели точками только палатки рыбаков, да изредка воробьиные сороки да вороны нарушали тишину великолепного зимнего дня своим стрекотом да хриплым карканьем. Очень довольный собой и тем, что рядом нет жены, начальства и тому подобных вещей, надоевших за неделю хуже горькой редьки, я сидел на рыболовном ящике и поглядывал на неподвижно застывшие поплавки.

Неожиданно первозданную тишину нарушили охающие вскрики и мычанье ошалевшей коровы. Повернув голову на шум, я увидел стремительно бегущих в сторону берега двух мужчин, один из которых размахивая коловоротом, страстно мычал, причем, особенно страстно, если ему удавалось навернуть убегающего своей железной штуковиной по спине. Одновременно увидел, что в той стороне, откуда они бежали, стоит кучка рыбаков, о чем-то горячо разговаривающих и рассматривающих нечто, лежащее на весеннем, пористом, как нос моего знакомого, льду.

Клева все равно не было, и я поспешил к ним, вспомнив при этом, что любопытство родилось раньше нас. На мартовском льду лежала здоровенная голова леща, удивленно глядевшая круп-

ным, уже изрядно потускневшим глазом на суровую действительность безводного мира.

Я попросил присутствующих объяснить, что же здесь произошло и почему обезглавлен великолепный лещ, достойный более хорошей участи. Оказывается, один из спринтеров зацепил леща и ввиду его непомерной ширины не смог протащить его в довольно узкое отверстие лунки. Как всегда, нашлись помощники. Один здоровый мужик, зацепив двумя баграми голову рыбины, с такой силой рванул ее вверх, что оторвал ее от тела и выбросил на лед, а туловище плавно опустилось на дно водоема, безмолвно возмущаясь незаслуженной господней карой.

Озверевший хозяин леща, до сих пор молчаливо стоящий в стороне, (так как оказался глухим), замычал угрожающе и хватил палача коловоротом по могучей спине. Видимо, обиженный судьбой решил бесповоротно отомстить за своего павшего немого собрата. Началась гонка с преследованием, а голова леща лежала на мягкой снежной подушке, и навсегда уходящими последними мыслями думала о своей печальной судьбе.

А ласковый, как последний привет уходящей зимы, снег падал и падал, покрывая место нелепой трагедии. Так и мы, живем, не зная, что нас ждет за ближайшим поворотом, то ли встреча с любимой женщиной, то ли топор палача.

ЖИВЫЕ ГЛОБУСЫ

Нет, просто так, сходу я не могу перейти к сути того, о чём хотел бы рассказать, ибо пока не съешь всю булку — не оценишь вкуса спрятанной в ней изюминки. Читателю придется напрячь своё воображение, чтобы перед его мысленным взором предстали во всей своей красе действующие лица этой занятой сцены, аналог которой может припомнить каждый.

Промозглым осенним утром в кабинете начальника страдали несколько человек, занятых очередным отчетом о якобы проделанной работе. В уголке за двухтумбовым столом сидел человек с лицом, напоминавшим печеное яблоко, и тупо смотрел на раскрытую папку для бумаг, одинокую и тощую, как колхозная корова. Звали человека Антон Колдыкаров и числился он в

штатном расписании автомехаником, но более известен был как спец по части выпивки и местных забегаловок.

Человек бессмысленно таращил маленькие, как у обиженного китайца, глазки, интересно смотревшиеся на его одуловатой от непробудного пьянства морденции, а к вспотевшему лбу прилипли все два десятка его волос, украшавших вместилище человеческого ума. Господин Колдыкаров напряженно размышлял, что же такое он написал в отчете, ибо почерк его (особенно с похмелья) очень был похож на ленинский и мог заставить двинуться умом не одного матерого графолога. Руки Антона, лежавшие на разбросанных по обшарпанному столу листах дрожали с такой неистовой силой, что невольно навевали воспоминания о недавно гостившем в Союзе выдающемся американском пианисте Ван Клиберне (которого, как выяснилось спустя годы, на самом деле звали Ван Клайберн). Все присутствовавшие в комнате, включая и начальника, дотоле с интересом наблюдавшего в окно за попытками сторожевого пса овладеть случайно забредшей на территорию предприятия грязноватой, но симпатичной болонкой, обратили свои взоры на руки Колдыкарова, игравшие в тот момент очередную рапсодию Листа. Антон, вникавший в отчет, поднял глаза на начальника, перехватил его внимательный взгляд на свои музыкальные руки, прихлопнул одну ладань другой и потихоньку стянул обе под стол.

Во взгляде начальника появилось понимание и сочувствие к подчиненному и он ровным голосом послал болезного для начала очень далеко, а потом в ближайшую пивнушку, чтобы тот принял человеческий вид и достойно завершил свой нечеловеческий труд.

Господин Колдыкаров немедленно исчез, послав доброму начальнику благодарный взгляд, и стрельнув на ходу рупь до полочки у приятеля Гены.

Вот так мы и подошли к нашему главному герою, внешность которого достойна подробного описания. Более того, таких людей наша необъятная Родина должна знать в лицо, ибо именно своим лицом они и замечательны.

Представьте себе очень длинного, чрезвычайно худого человека с лицом индейского вождя, побывавшего в застенках Освенцима и Майда-нека одновременно и в завершение всего прошедшего (и оставленного на второй год) школы выживания в пустыне Гоби без пищи и воды.

Лицо Гены состояло из тонкого, длинного хрящеватого носа с горбинкой, под которым змеи-

лись узкие полоски губ, с трудом скрывавшие пожелтевшие от табака лошадиные зубы, ещё ниже выдавался вперёд острым углом худой подбородок с остатками непробритой щетины, предмета гордости каждого дикого кабана. Неровная голова, покрытая шапочкой черных с проседью волос, держалась на тонкой жилистой шее с таким огромным кадыком, что когда Гена сглатывал слюну, казалось, вот-вот он (кадык) порвет натянувшуюся тонкую кожуцу сероватого цвета и вывалится на стол куском недожёванного арбуза. На носу Гены сидели большие очки в оправе коричневого цвета, обмотанной по центру изолентой, доставшиеся нашему герою в наследство от горячо любимого дедушки. Этот доисторический экспонат скрывал главное достоинство Гены — его чудные глазки. Тот, кто хоть один раз заглянул в их жуткую коричневую пустоту, не забудет их никогда. Огромные, величиной почти с бильярдный шар, они были настолько выпуклы, что казалось, чихни Гена — выскочат они из своих мелких луз и раскатятся по углам кабинета, во избежание чего он и носит очки. Красно-бурые прожилки пересекли желтоватые белки во всех направлениях, напоминая координатную сетку глобуса. Вот так и вращались эти два живых глобуса по только им известным орбитам, и остановить их мог только вид налитой стопки.

Справедливости ради стоит отметить, что и прочие участники этого рабочего симпозиума не источали благодати, в том числе и автор этих строк, хотя пальцы после вчерашнего кратковременного запоя у меня не дрожали, в отличие от некоторых.

Тем временем в кабинете появился заметно повеселевший Колдыкаров. Его блестящие глаза говорили, что он уже всех любит и готов совершить любой подвиг на благо родного предприятия и глубокоуважаемого начальника лично, даже такой невероятный, как написание отчета. Не успел наш руководитель поприветствовать вернувшегося в коллектив труженика, как на столе зазвонил телефон. Начальник снял трубку могучей ручищей, немного помычал и подадал в неё, положил на место, вытер испарину со лба и поглядел на наши поникшие головы. Затем он передал нам услышанное по телефону, естественно, добавив и кое-что от себя. Суть же сводилась к тому, что мы все поголовно должны ещё до обеда слетать в фотографию, так называемую «пятиминутку» чтобы после обеда обязательно предоставить фото на про-

пуск нового образца. Внушительным был и размер фотокарточки, почти в половину рабочей площади пропуска.

Делать было нечего, и, стрельнув у знакомых по «рваному», мы строем двинулись исполнять. По пути, разумеется, заглянули в забегаловку, известную как «Не проходи мимо» и, поправив ослабшие организмы, бодрым шагом вошли в фотоателье, твёрдые в намерении запечатлеть свои помятые физиономии на память уважаемым товарищам потомкам.

Репутация у «пятиминутки» была скверная. Фотографии там делали такого качества, что узнать себя можно было только по пиджаку или по синяку под глазом, да и то с трудом. Как всегда, ателье не обмануло наших ожиданий — все были на одно лицо, как родные братья. И только один снимок поразил всех, включая и фотографа. Нетрудно догадаться, чей именно лик был запечатлен на нём. Гена сам превзошёл себя, и (не приведи, Господи) попади эта карточка на глаза человеку неподготовленному, да ещё перед сном, наутро несчастный мог бы уже быть в дурке. Несомненно, на прогнившем Западе этот снимок пошёл бы нарасхват, причём, одновременно в журналы для любителей ужасов и для любителей юмора. А то и отхватил бы приз на каком-нибудь фотоконкурсе, где очень любят выставлять снимки всяких страстей, вроде государственных переворотов и ужина каннибалов.

Рабочий день уже подходил к концу, когда мы, ещё не остывшие от пережитого и выпитого, прибыли пред грозные очи своего начальства. Серая мгла сгущалась над городом, начальник включил в кабинете свет и подавленно глядел на разложенные у него на столе физиономии, не оставлявшие ни у кого иллюзий насчет морального облика его подчинённых. Особенно часто притягивала его взор жуткая генкина личина, стоившая всех вместе взятых. Пауза уже начала затягиваться, когда глухую тишину кабинета потревожил голос Колдыкарова, вдруг ставшего выяснять у Гены, является ли тот его закадычным другом и вообще, уважает ли он его. Охмелевший Гена подтверждал это, кивая всклокоченной башкой. Убедившись, что дружба велика и нерушима, Антон попросил у раздобревшего от душевного разговора Гены одну

фотографию на память, благо их было несколько. Гена, остатками сознания понимающий, что такое фото в семейный альбом не вставишь, попробовал слабо сопротивляться, обещая принести другое, где он выглядит не столь убийственно. Но Антон пресек эти попытки, сказав что дружба — это святое, и если друг просит, отказывать ему в такой мелочи как фотка — великий грех. Получив требуемое, Антон припрятал фото верного друга поглубже и провозгласил, что вставит его в хорошую рамку и поставит на видное место на комод. Весь коллектив при этих словах очень удивился, а начальник, не выдержав, спросил, для какой цели надо ставить на видное место такое пугало. Выдержав артистическую паузу, Антон произнес фразу, достойную пера, но не полностью пригодную для печати: «А чтобы дети сахар не ... таскали!». Возникла ещё одна пауза, связанная с замедленным осмыслением присутствующими смысла сказанного, после чего тишина была взорвана даже не смехом, а гоголем, потрясшим серые стены нашего многострадального предприятия.

Чуть погода дошло и до Гены, и его выразительные глазки налились кровью от возмущения. Между тем, я не придавал этому значения, и презабавная история едва не закончилась трагически. Уже при выходе из комнаты я имел неосторожность на полном серьёзе попросить у Гены оставшуюся третью фотографию, и только моя природная подвижность и спасительная близость двери позволили мне написать эти строки.

Рисунки Константина ХОДЫРЕВА
и Игоря ГОЛДЫРЕВА

Ирина МАЛОГРИЦЕНКО

***

Кто вы,
 мои предки?
 Как в засохшем лесу — ветки...
 По загибшим полям
 скорбью
 Проходили пути их с кровью.
 Меч свистел,
 и летели

капли
 Красной страшной живой влаги.
 А военные ветры пели
 Песни страшной
 мечевой метели.
 И стояли вы, люди в латах,
 Опираясь на меч
 ладно.

И о жизни думали
 тихо:
 «Нынче будет родить гречиха,
 Сытно вспенятся меды игривые,
 И шуметь будут бабы болтливые».
 Все прощалось за мысли такие.
 Перед вами лежала
 Россия!

***

Я так верю в сказки,
 Верю в Деда Мороза.
 Жду подарка в праздники,
 А получаю слезы.
 Мой подарок радостный,
 Где-то заблудился.
 Может быть поэтому
 праздник не случился...

***

Есть у меня убежище.
 Очень надежное и светлое.
 В нем, что ни свет,
 То свеча, амвон.
 В нем в тишине —
 Хрустальный звон.
 Спрячусь туда от всех от вас.
 Буду сидеть едва дыша.
 Домик мой —
 просто моя Душа!

ПОСВЯЩАЕТСЯ
 НАХАЛЁНКУ

Уютно прижмусь к плечу,
 Устало сникшая вся,
 Под жаром губ улечу,
 Тебя с собой унося,
 В полёте настигнет страсть,
 Мгновением опалит,
 Любви почувствую власть.
 Услышу шёпот молитв.
 Гулко стучат сердца,
 Отмеряно время любить.
 Сколько там до конца?
 Быть или всё же не быть?
 Но жмусь к твоему плечу,
 И верю, что я мила.
 Наверно любви хочу.
 Такие вот дела!

***

Разные.
 Мы все такие
 разные.
 Голубые,
 красные.
 В крапинку,
 полосочку,
 в желтенькую розочку.
 Мы все такие первые,
 Как губы
 неумелые,
 Как слезы осторожные,
 Как зябкие мороженки.
 Из нас фонтанит искрами,
 В нас детство
 рвется
 играми
 размеренность
 чванливую
 расшвыривая в прах.
 Ах, мы такие
 разные
 бываем очень
 праздные,
 бываем —
 все в делах.

Но сколько мы не мечемся,
 Но сколько не скитаемся,
 Мы все же возвращаемся
 к цветам, что на кустах,
 к грибам, что на опушке,
 к дождям ночным,
 к подушке,
 к ночному небу яркому
 с жемчужиной
 звездой,

Что надо мной висит,
 И над тобой висит,
 Над ней висит,
 Над ним висит
 на синих небесах...
 Мы все ж такие
 разные,
 Но небеса у нас
 одни
 И Родина — Земля —
 одна...

Рисунок Ольги СТУЛОВОЙ

АЭЛИТА

«Бассейн был широкий, квадратный, с бронзовыми русалками на каждом углу, которые лили из раковин шумные струи. Мальчишки прыгали с гранитного ограждения и с хохотом, с криками мчались к другому краю — в брызгах и радугах. Уворачивались от красного мяча, который кидали другие, с «берега».

Владислав Крапивин «Лужайки, где пляшут скворечники», стр. 23

СОДЕРЖАНИЕ РАЗДЕЛА:

Новости	стр. 22
Владислав КРАПИВИН «Лужайки, где пляшут скворечники» (роман, окончание)	стр. 23
Заочный КЛФ	стр. 50
Фотовернисаж	стр. 52

колонка редактора

КРЫЛЬЯ ГОДА

Изящно выгнув длинную шею, покрытую броней чешуи, с шумом распахнув кожистые гигантские крылья и хищно обнажив смертоносные клыки, отливающие перламутром, на астрологическую авансцену выдвинулся восточно-азиатский символ двухтысячного года — ДРАКОН. Могучий мифологический зверь. Единственный представитель гороскопа, так и не встреченный человеком в природе живьем. А жаль. Было бы любопытно посмотреть вблизи на эту сказочную не то рептилию, не то птицу. Интересно даже просто пофантазировать на тему того, как жили бы люди, бороздя над ними небеса эти живые бомбовозы, штурмовики и истребители в одном лице. Пардон, в одной морде.

Конечно, вряд ли кто-нибудь решился бы приручить дракона, чтобы седлать его и направлять на врага, истребляя целые армии. И на перевозку грузов, скорее всего, такого не подрядить — слишком горд и свободолюбив (судя по свидетельствам авторов фэнтези). Да и где, скажите, такого содержать? Это ж невообразимые драконарии надо строить. Не сараи — дворцы! А в каких супермаркетах закупать припасы? Рядовой зарплатой на дракона уж точно не хватит.

Нет, домашними любимцами им вряд ли грозило бы стать. Разве что друзьями, если бы так уж случилось. Но нам и того достаточно — лишь бы не врагами. Верно?

Но, может, драконов потому и нет в природе, что мы не верим в них, в возможность нашего с ними сосуществования? Может, стоит нам понять свою ошибку, стоит выйти на улицу, стоит поглядеть в небо — и там вдруг заполощутся во встречном потоке воздуха кожистые крылья необычной птицы, крылья легендарного дракона... Попробуем?!

ВСЯКИЕ НОВОСТИ

Губернатор Смоленской области А. Прохоров своим постановлением учредил оргкомитет по подготовке и проведению празднования 80-летия знаменитого американского писателя Айзека Азимова. Дело в том, что Айзек Азимов родом из села Петровицы Смоленской области. В раннем детстве родители увезли его из России. Позже он так и не сумел выбраться в это удивительно красивое село, но помнил о своих корнях и даже написал письмо землякам. Оно хранится в местном краеведческом музее. В планах оргкомитета — обустройство села Петровицы, чему очень рады земляки писателя.

Каннский международный кинофестиваль обзавелся новым председателем будущего жюри-2000. Им станет Люк Бессон — создатель культовых фильмов, которые вновь сделали французское кино если не конкурентоспособным, то хотя бы заметным на мировом экране.

Люк Бессон — давно уже фаворит Канн. В 1988 году в конкурсе была его картина «Голубая бездна», а в 1997 году его «Пятым элементом» открывался фестиваль 50-й, юбилейный. Теперь он станет первым за многие годы отечественным президентом жюри — стало быть, французское кино и впрямь уповаает на «пятый спасительный элемент» и планирует на новый век новую жизнь.

По материалам газеты **ИЗВЕСТИЯ** декабрь, 1999 г.

В декабре 1999 года наконец-то увидел свет первый номер владикавказского журнала фантастики и сюрреализма «Ардоз» (по финансовым причинам его выход задержался с апреля месяца). Довольно большой объем публикаций номера составили материалы екатеринбургских авторов: статья и рассказ И. Халымбаджи, рассказы Т. Суворовой и А. Щупова. В разделе фантастики представлены также А. Громов (Москва), С. Хетагуров (Владикавказ), А. Квезерова (Цхинвал) и О. Кавеева (Волгоград). Ф. Катаути, С. Алагаты (оба — Владикавказ) и М. Шлейхер (п. Заречный, Свердловская область) — авторы раздела «Сюрреализм». Желаем редакции журнала (возглавляемой Сергеем Алагаты) скорей преодолеть трудности и завоевать читательскую популярность! Электронный адрес издания: kafa@chat.ru.

ИМЯ: Киевская мастерская фантастики «Третья сила»
ТЕМА: Виртуальная организация молодых авторов. Штаб-квартира базируется в Киеве при журнале «Радуга». Одна из общедоступных страниц. На странице: тексты молодых киевских авторов, актуальные рецензии на новинки, иллюстрации к произведениям. Официальная страница журнала «Радуга». Официальная страница Бориса Штерна. Ведут мастерскую Марина и Сергей Дяченко, координатор сайта Алексей Мась.
АДРЕС: <http://www.fiction.kiev.ua>

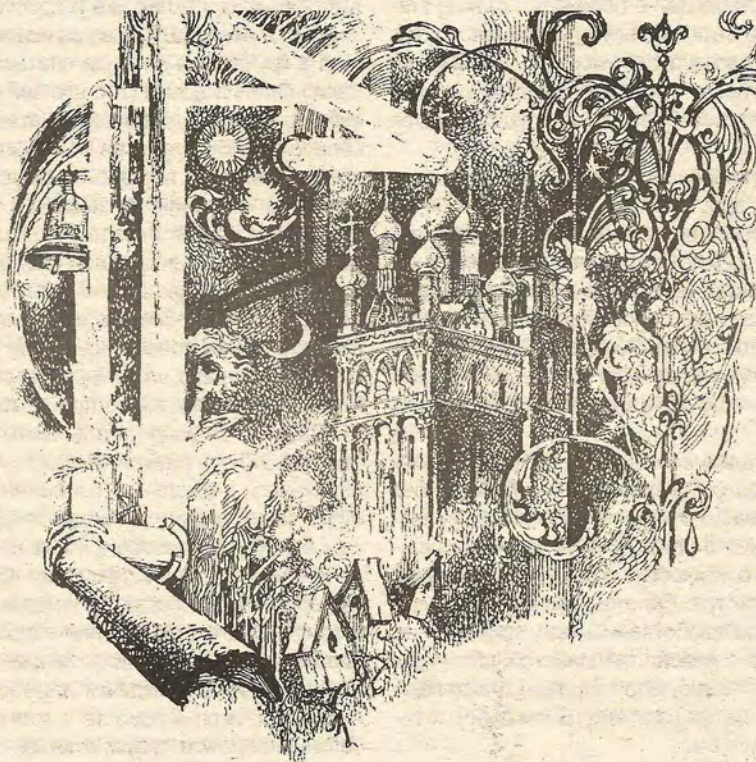
Владислав КРАПИВИН

ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ

РОМАН БЕЗЛЮДНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

Памяти Виталия Бугрова,
который лучше всех понимал,
что нет никакой фантастики,
а есть только жизнь.

Продолжение. Начало в №№ 11, 12, 1999 г.

Вторая часть

Парусиновая птица

I. Черные кирасиры

1.

— «С минуту всадники кружились друг возле друга, затем быстро съехались и махнули тонкими саблями. Клинки разлетелись со стеклянным звоном. Сталь учебных эскадронов оказалась чересчур хрупкой. Маленький всадник покачнулся в седле. Ротмистр Реад отбросил рукоять с обломком, снял каску. Зеленый маскировочный лак местами осыпался с медного гребешка, и желтый металл блестел на солнце. Блестели и очки Реада в тонкой золотой оправе — но без привычной иронии, а вполне доброжелательно.

— Bravo, суб-корнет, у вас сильный удар. Не ожидал. Но в седле следует держаться покрепче.

Мальчик поднял сломанный клинок перед лицом. Затем спохватился, что салютовать обломком, наверно, не следует, засмеялся, бросил его в траву. Двумя пальцами коснулся козырька.

— Благодарю, барон... Я действительно неважный наездник. Меня учили, но я был лентяй. Часто удирал из манежа, чтобы клеить и запускать воздушные змеи... Если бы знать заранее...

— Ничего, ваше в... простите, суб-корнет. Думаю, у вас теперь будет время наверстать упущенное. Боюсь даже, что слишком... — Реад порой был весьма прямолинеен. Но, впрочем, никогда не переходил границ этикета. Этим он выгодно отличался от других кирасир герцогской гвардии. Те позволяли себе порой сменить изысканность манер на этакую простецкую разудалость и открытость выражений. Реад же всегда оставался безупречен.

Ротмистр черных кирасир барон Даниил Реад был потомком английских аристократов, которые эмигрировали в Хельтское герцогство еще во времена Кромвеля. По правилам его фамилию следовало бы произносить — Рид. Но традиции хельтского языка требовали, чтобы написание и звучание слов обязательно совпадали. Так бароны Read'ы стали Реадами. Это, впрочем, не мешало им в течение нескольких поколений служить Великим герцогам с чисто британским хладнокровием и храбростью.

Даниил Реад обладал всеми достоинствами предков. Кроме того, среди собратьев-кирасир был он, без сомнения, самым ученым. Закончив военно-исторический факультет столичного университета, барон успешно защитил реферат о тонкостях офицерского кодекса и получил звание магистра. Об этом звании он, случалось, высказывался со свойственной ему иронией, но изложенных в реферате правил гвардейской чести придерживался неукоснительно. Это, впрочем, не делало ротмистра сухарем и не мешало ему быть добрым товарищем и собутыльником...

Маленький всадник, как и барон, снял каску (она была великовата). Волосы мальчика были того же цве-

та, что у барона — светлые, желтоватые. Только у Реада они завивались в крупные кольца, а у мальчика опускались ниже ушей прямыми прядями.

От палаток, стоявших среди редкого орешника, пошел, слегка косолапая, пожилой, с седыми бакенбардами, капрал. В такой же, как у всадников, полевой форме с черными гарусными эполетами, в летней фуражке с гвардейской кокардой. Он сказал чуть насупленно:

— Вы, господин барон, совсем замотали мальчонку. Глядите, он еле в седле держится.

— Ничуть не еле! — воскликнул мальчик. Собрав всю ловкость, он хотел было лихо прыгнуть с коня, но крепкие руки капрала ухватили его в воздухе, поставили в траву.

— Идем, голубчик, полковник тебя кличет в свой шатер к обеду. И вас, барон, тоже... Ты, Максимушка, умой сперва, пойдем, я полью. Ишь как взмок да запылится... — И старый ординарец взьерошил маленькому суб-корнету волосы.

Седой капрал мог позволить себе некоторые вольности в общении с офицерами. Таковы были традиции. Конечно, правила воинского этикета и дворянского кодекса соблюдались у черных кирасир в полной мере, однако же боевые заслуги здесь чтити выше титулов. Поэтому ветераны с солдатскими и унтер-офицерскими петлицами во время праздничных застолий сидели вместе с командирами, а на саблях носили такие же, как у корнетов, темляки. К старшим офицерам обращались они не «ваше высокоблагородие», а «господин ротмистр», «господин полковник», младших же, если не в строю, могли окликнуть и просто по имени.

Оно и понятно. Тот же ротмистр Даниил Реад гулял еще в кружевном детском платьице, когда рядовой кирасир Филипп Дзыга (тот, что сейчас заботился о юном суб-корнете) в конном строю атаковал лесные завалы северо-чумских партизан у Сантагайского озера. За что, кстати, получил первую солдатскую Звезду победы. Потом за кампанию на западных рубежах появилась у Филиппа и вторая Звезда. Поэтому капрал (как и многие другие ветераны) уклонялся от предложений сдать испытания на офицерский чин. Тогда пропала бы надежда на третью Звезду, поскольку офицерам солдатские награды не полагались. А три Звезды давали, как и офицерам, право на личное дворянство, а кроме того, множество всяких выгод при выходе на пенсию.

Да и что за радость становиться корнетом на старости лет! Это все равно что парню жениховского возраста обряжаться в школьный костюмчик. Нет уж, пускай оно будет как написано на роду: солдат — значит, солдат. Тем более, что уважение к нижним чинам конной гвардии не меньше, чем к офицерам. Сам Великий герцог не раз дружески беседовал с ветеранами и пожимал руки. К тому же, на первый взгляд рядового кирасира от офицера было и не отличить. Звание узнать можно было, лишь разглядев звездочки или лычки на петлицах стоячих воротников. Форма же у всех одинаковая — из черного офицерского сукна. И эполеты одинаковы — гладкие, с золочеными вензелями герцога Евгения. Те же вензеля и на парадных вороненых кирасах.

Правда, сейчас, в боевых условиях, было не до кирас, которые пробивала даже револьверная пуля. И форма была не черная, а цвета пыльной травы. А вензеля на эполетах пришлось замазать маскировочным лаком. Но это опять же у всех, независимо от чина.

Кстати, в особой рейдовой бригаде полковника Гла-на капралов и унтеров было всего пятеро. И пятнадцать офицеров. Почти каждому приходилось заботиться самому и о коне, и о собственных удобствах. Не то, что в полку, где всякому офицеру полагался ординарец. Здесь ординарцы были только у полковника и юного субкорнета. Почему у полковника — это ясно. А что касается мальчишки... да тоже ясно! Тринадцатилетнему новичку, не нюхавшему ни пороха, ни даже обычной лагерной жизни, попросту нужна была нянька.

В обычных условиях никому бы в голову не пришло назначать мальчику в «няньки» двухзвездного ветерана. Сейчас, однако, условия были явно не обычные. Да и мальчишка... Все, разумеется, делали вид, что понятия не имеют, к т о на самом деле этот стеснительный мальчуган в наскоро перешитом для него походном костюме гвардейского всадника и слишком больших, черными крылышками торчащих эполетах. Но все, конечно, знали...»

— А кто он? — нетерпеливо спросил Андриюшка-мастер.

— Узнаешь чуть позже, — благосклонно отозвался Егорыч. Это он читал вслух повесть о черных кирасирах. Книжку, которую вручили ему Артём и Кей, когда вернулись из Города.

Старик был счастлив. Потому что э т о, значит, все-таки было. Значит, он ее написал до конца. Пусть не здесь, в другом каком-то мире, но все равно о н. Это были е г о герои, е г о сюжет, и м придуманная история. И книжку с этой историей напечатали! Не все ли равно где, в каком пространстве, главное — вот она! Самая настоящая. Старик гладил потертый коленкор обложки, трогал ее бритой дряблой щекой. Ему теперь помнилось, будто он и вправду ходил когда-то по издательствам, спорил с редакторами, беседовал с художником, рисовавшим иллюстрации, читал корректуру... Может быть, в сознание проникли силовые линии параллельных измерений? Может быть, это был подарок тех, кто называл себя «сомбро»?..

За окнами была сухая ветреная осень, скребли по стеклам облетающие листья. По календарю «наружного» мира стоял конец сентября. Да и здесь, видимо, тоже.

Наверно, поход Артёма и Кея в невидимый Город что-то нарушил в устоявшейся летней структуре Пустырей. Так, по крайней мере, сказал Кею Зонтик (которому, наверно, была большая нахлобучка за отданную Кею самодельную карту; впрочем, сам он говорил, что ничего не было). Да, что-то сломалось в неподвижности вечного лета, и время побежало. И пришла зябкая осень.

Зато Лелька выздоровела! Стремительно! После первой же порции пилюль! И теперь она была веселая старательная первоклассница.

Да, пришлось местным ребятишкам впрягаться в школьные лямки. Куда денешься, если сентябрь?

«Школьный вопрос» первой подняла Нитка. В самом деле, не могут же здешние дети оставаться неучами! Что с ними станет, когда вырастут? А вырастут они обязательно, раз время сдвинулось и пошло.

Артём и Нитка обошли заброшенные кварталы: покосившиеся бараки, спрятанные в лопухах сторожки и будки. Переписали всех, кому полагалось учиться. Набралось таких три десятка — пацаны и девчонки от семи до четырнадцати лет. В основном сироты: племянники, внуки и просто приемыши тех мужиков и теток, что вели бесхитрое существование на Пустырях. Лишь в двухэтажном кирпичном здании (в котором угадывался давний стиль «фабричного модерна») обитало многолюдное семейство с мамой и папой. Бедное, обтрепанное, но относительно благополучное. Непьющий папа работал «на стороне», на складе горюче-смазочных материалов, мама («тетя Агнесса») хлопотала по дому, обихаживала многочисленных деток. Их было шестеро: три пацана и три девочки. Все десятилетние. Близнецы Ванюшка и Танюшка — «свои», остальные — приемные. Пришедшие кто откуда. Видно было, что разницы между родными и неродными нет никакой. Дружные ребятишки, спокойные такие, даже ласковые. Впрочем, злых на Пустырях не водилось вообще.

Артём напечатал список на институтском принтере и отправился с бумагой в районное учебное ведомство. Помятый лысый чиновник затравленно глянул через лакированное пространство стола.

— Вы где были раньше-то?

— В Саида-Харе, — отчетливо сказал Артём. — А вот где были в ы? Даже не слышали, что рядом с вами на задворках столько заброшенных пацанов.

Чиновник тонко и сварливо сообщил, что в его компетенцию не входит обследование задворков.

Артём ощутил на лице колючий холодок.

— А что входит в вашу компетенцию? Только взятки брать?

Чиновник по-куриному вытянул шею.

— Молодой человек. Я в жизни не взял ни одного рубля. Ни с кого. Иначе бы я сидел не здесь, а в министерстве.

Глаза его были бледные, с припухшими веками. Артём почувал, что этот потертый клерк говорит правду.

— Ладно... я приношу извинения. А если этого недостаточно, можете подать в суд или вызвать меня на дуэль. Кажется, это снова входит в моду...

— Да, но не решает вопроса с учениками...

— Не решает, — вздохнул Артём.

— Давайте вашу бумагу... Господи, в какие классы я их рассую? Они, наверно, даже читать не умеют.

— Всякие есть, — буркнул Артём.

Ребята и правда были «всякие». С самыми оставшими от школы дополнительно занималась Нитка. В двухэтажном доме «тети-Агнессиного» семейства нашлась комната, в которой устроили почти настоящий класс...

Пришлось заняться учебой и Артёму, ходить в институт. Правда, посещение лекций было необязатель-

ным, но все же следовало иногда появляться под «ученой крышей». Нитке — той проще. Она уволилась с фабрики и теперь ушла в заботы о доме и ребятишках.

Ребячий народ надо было чем-то занимать. Осенью — не то, что летом, не будешь гулять с утра до вечера. Телевизоров на Пустырях было раз-два и обчелся, да и те принимали передачи с перебоями. Приходилось добывать где только можно книги.

Кстати, плешивый чиновник ошибся. Читать умели все, даже Лелька. Ее обучил грамоте заботливый наставник Кей. Но больше одиночного сиденья над книжкой ребята любили собираться где-нибудь у лампы или печки и пусть кто-нибудь громко читает для всех. И, конечно же, набивались в комнату Егорыча, когда он объявлял, что продолжит чтение своих «Черных кирасир».

2.

«...Командирский шатер был просвечен полуденным солнцем. На полотняном потолке мельтешила тень листы. Воздух был зеленоватым, и в нем светились свежооструганные походные столы. Они были сдвинуты вместе. На досках — металлические тарелки, блюда с вареной капустой и жареными курицами, несколько темных бутылок...

Собрались все, за исключением двух часовых — подпоручика Радича и унтера Квахы. Полковник встал со складного табурета, встали и остальные.

Полковник Глан...

Это был типичный полковник. Такой, за которым и академия, и гвардейские парады, но гораздо больше походов и кампаний — с немалой стрельбой и сабельными атаками. Подобного толка командиры — чаще всего вдовцы, а взрослые дети их живут где-то далеко, редко напоминая о себе...

Был он грузноват, но подтянут, с резким лицом служажки — седые усы, большой прямой нос, выцветшие глаза, ежик неприхотливой стрижки. Бледный шрам на щеке — без него что за командир конного полка...

— Гвардейцы. К сожалению, не могу обещать вам привычного послеобеденного отдыха. Сразу после трапезы мы сворачиваем лагерь и уходим к Совиному урочищу. Мне сообщили, что «знающие истину» скоро будут здесь. Не могу судить, какую и с т и н у знают эти господа, но нашу дислокацию знают точно.

— А много их? — запальчиво спросил Виктор Гарский, румяный юноша девятнадцати лет.

— Около полуэскадрона, корнет. И два полевых орудия. В случае схватки исход предрешен. К тому же, вам известен приказ, исполнить который мы должны неукоснительно. Не вступать в бой без крайней необходимости и стараться достичь границы как можно незаметнее...

Многие понимали, что столь обстоятельно и округло полковник изъясняется ради мальчика. В ином случае он выразился бы короче: «Противник на хвосте, пора бить копытами». В походных условиях такой стиль не противоречил этикету.

— Однако же, — продолжал командир, — у нас есть еще полчаса на обед и около часа на сборы. И посему — раскупорим...

Тут же пробки ударили в полотняный потолок — по нему сильнее заметались тени.

Реад был рядом с мальчиком. Наклонился к самому его уху.

— Простите, суб-корнет, мы здесь все равны, но... вам дома позволяли пить вино?

— Папа разрешал иногда попробовать чуть-чуть... если праздник.

— Ну, тогда вы сами определите это «чуть-чуть». А нальем вам как всем.

Шипучее старохельтское нетерпеливо запузырилось в походных оловянных кружках.

— Кирасиры, прошу внимания... — голос полковника был негромко и значителен. — В подобных случаях следует пить вначале за успех кампании. Но я, сломавши ритуал, хочу предложить: поднимем прежде всего тост за самого юного нашего собрата и... за то, что судьба подарила нам т а к о е предприятие... Вива, герцог!

— Вива! — гаркнули офицеры и унтеры. Но не пили, смотрели на мальчика. И он понял, что надо что-то сказать.

— Я... господа, благодарен вам за то, что вы делаете для нашей страны. И рад, что я с вами... Спасибо...

— Вива! — крикнули снова и застучали о доски опустевшими кружками. Мальчик сделал глоток, чихнул. Признался Реаду:

— В носу чешется, как от лимонада.

Сказал он негромко, но услышали все. Засмеялись, однако, ничуть не обидно. Засмеялся и Максим.

— Ничего, товарищ, привыкнете, — баском пообещал корнет Гарский. — Без умения пить старохельтское нет конного гвардейца.

— Однако же, спешить не следует, — заметил Реад. — Умение это придет само собой, и, право же, оно не самое главное в воинском деле.

Корнет Гарский покраснел и хотел запальчиво ответить барону, но общий шумный разговор помешал этому. Пришло время выпить наконец за успех похода, и налили всем, кроме Максима — у него и так оставалась полная чарка.

Потом Гарский и молодой капрал Гох ушли сменить часовых, и обед продолжался еще около получаса — с тостами, беседой и смехом, которые со стороны могли бы казаться вовсе беззаботными.

Вскоре, однако, пришло время труда и тревоги. Быстро были свернуты палатки, разобраны столы, упакованы постели. Имущество уложили на две легкие фуры. На них же поручик Дель-Сом и капрал Гох установили большие скорострельные ружья на коленчатых ногах — похожие на великанских кузнечиков. Через час все было готово к пути, стал на поляне строй, два десятка всадников. Несмотря даже на пыльно-маскировочный цвет мундиров и касок, угадывалась в кавалеристах гвардейская стать. И вороные лошади были — загляденье. Крупные, поджарые, с красивыми, как у чугуных лошадей-памятников, головами. Одинаково годные для парадов, для походов и неудержимых атак.

Лишь под Максимом была темно-гнедая лошадка горной породы. Она едва ли вписалась бы в церемониальный строй на дворцовом плацу, но сейчас была для

мальчика в самый раз — небольшая, подстать всаднику, спокойная. И, пожалуй, повыносливее черных кирасирских жеребцов и кобыл.

...Близко к вечеру пришли в деревушку Кабаны, за ней начинались поросшие мелколесной чащей склоны. Там — горные дороги и откосы, негодные для колес. Распрягли лошадей, навьючили на них самую нужную кладь, остальное же вместе с фурами отдали многословному и услужливому деревенскому старосте — в обмен на запас вяленого мяса и обещание молчать про кирасир и про их желание идти к Совиному урочищу.

Староста клялся в молчании с таким рвением, что ясно было всякому: скоро не только люди во всей округе, но даже звери и птицы будут знать про всадников и про все их планы... Того и требовалось. Мили через три, уже в сумерках, свернули с дороги, ведущей к Совиному урочищу, круто на запад. В тесный распадок. По нему путь вел к перевалу Горный Лис, от которого до границы было четыре конных перехода (если, конечно, не будет по дороге препятствий).

Вскоре разбили тихий бивак с незаметным, в яме спрятанным костром. Трое, передернув затворы, ушли во тьму — в караул.

В котелках разогрели мясо и походный напиток, похожий на солоноватое какао — чаку. Поужинали под короткую и негромкую, в треть голоса, беседу. Палатки не ставили — где уж тут среди скальных зубьев и непролазных кустов. Раскатали их на траве, улеглись под шинелями. Ночь пришла зябкая, но звездная, не обещающая ненастья.

Капрал Дзыга стянул с мальчика узкие сапоги («Да не надо Филипп, я сам...») — «Нет уж, позволь, голубчик, я на то поставлен...»). Он укрыл Максима своей шинелью, от которой пахло шерстью и дымом. Дымом пахло и от погасшего костра. А еще стоял в воздухе горький запах коры здешнего низкорослого дубняка. Все, кто лег, тихо дышали, не было разговоров. Не поймешь, спят или не спят. В темноте топтались стреноженные кони, журчал недалекий ручей.

Сквозь черную листву мигали звезды. Максим смотрел на это мигание и вновь печально удивлялся, как обходится с людьми судьба.

Две недели назад он и подумать не мог, что с ним случится т а к о е. Поход, ночь, опасность, лошади. Настоящий карабин и сабля у изголовья. Тайная дорога... Суб-корнет...

Производство в гвардейские офицеры произошло без всякой торжественности, в кабинете полковника Глана при штаб-квартире черных кирасир, в городке Серая Крепость. Были при этом, кроме полковника и Максима, барон Рead, рыжий полковой писарь и профессор Май-Стерлинг — учитель и гувернер, доставивший мальчика в полк.

Максим был еще, конечно, без формы, в костюмчике школьника, в круглой соломенной шляпе с коричневой лентой — знаком столичной гимназии. Впрочем, шляпу он теперь почтительно держал в опущенной руке. Тем не менее, полковник встал перед мальчиком официально, почти навытяжку.

— Рад поздравить вас, в... господин... Максим Шмель, со вступлением в наше полковое братство. Волею его королевского высочества командирам гвардейских полков дано право присваивать младшие офицерские звания каждому, кого они сочтут достойным. Поэтому отныне вы суб-корнет черных кирасир — любимого полка Великого герцога... чья память всегда в наших сердцах.

— Благодарю, полковник... виноват, г о с п о д и н полковник. — Мальчик помнил, как следует себя вести в данных обстоятельствах. Пожалуй, он только слишком часто трогал на щеке под ухом родинку, похожую на маленькую восьмерку — два круглых бугорка, сросшиеся краями. Родинка была припудрена и все же заметна. Волнуясь, Максим шевелил ее мизинцем. Это беспокоило гувернера. Он что-то сказал мальчику на ухо. Тот замигал, как первоклассник, пойманный за вырянием в носу.

Полковник прервал неприятное:

— Вы, профессор, очевидно, будете сопровождать нас в наших летних маневрах?

— Увы, нет, господин полковник. Моя миссия окончена, мне предписано вернуться в... распоряжение учебного округа. Гимназиста Шмеля я вынужден препоручить полностью вашим заботам. Полагаю, вы отнесетесь со всем участием к судьбе сына... вашего погибшего боевого друга. Надеюсь, вы сделаете все возможное...

— Все возможное, — бесстрастно подтвердил полковник. — И невозможное. И сверх невозможного — тоже. Мы понимаем свою миссию. В этом вы можете заверить... учебный округ.

Барон и писарь понимающе молчали. Гимназист Шмель опять потянулся к родинке, но опустил руку.

Профессор откланялся. Как стало известно позже, он отправился в столицу не поездом, потому что пути были взорваны, а на лошадях. На второй день пути экипаж перехватили «знающие истину». Кучера они, побив для порядка, прогнали, а профессора Май-Стерлинга отвели к командиру повстанческой бригады лесному полковнику Гавриилу Духу.

Командир Дух пожелал знать о профессоре всё: кто таков, зачем ездил в Серую Крепость и что за мальчишку отвез «этим герцогским лизоблюдам-кирасирам». (Про поездку вовремя донесла лесная разведка).

Профессор сперва молчал. Командир Дух пообещал сделать его разговорчивым. И когда Валентин Май-Стерлинг увидел, что оговаривается для разъяснения его языка, храбрость его померкла. Что взять с ученого мужа, не знающего до той поры боли и крови? Бог ему судья...

Гавриил Дух сдержал слово: после «откровенной беседы» профессора, как было обещано, с насмешками вывели к дороге и отпустили. Нужда в нем отпала, повстанцы узнали все, что хотели...

Но узнали о случившемся и кирасиры: герцогская разведка тоже не дремала. И офицерский отряд раньше срока ушел в дальний летний лагерь. И каждый понимал, что уходить придется еще неоднократно: «знающие истину» не оставят намерений получить свою добычу...

Все это вспомнил сейчас гимназист Максим Шмель, вдыхая запах шинельной шерсти и горной ночи. И наконец мысленно приказал себе: «Спать, суб-корнет».

3.

Звание суб-корнета было довольно редким. Так же, как звание младшего лейтенанта на флоте и звание прапорщика в пехотных частях. Такие чины давали только в военное время — добровольцам из дворянской молодежи и студентов. Считалось, что негоже образованным юношам ходить в рядовых.

Чаще всего суб-корнеты и прапорщики гибли в первых же боях, ибо по недостатку военного опыта и по чрезмерной храбрости кидались на врага безоглядно. Впрочем, такое случалось обычно при больших атаках и штурмах, нынче же война была иная: с засадами, стычками малых групп и тайными рейдами по тылам — то, что бывает при кровавых конфликтах внутри одной страны.

Гражданскую войну развязала партия «Желтого листа». Те, кто был в ней, объявили, что они знают досконально, как сделать счастливым всё население державы. Ну, если не всё, то почти. За исключением бездельников: дворян, «шибко грамотных студентов» и «всяких там аптекарей и торгашей». Впрочем, лавочников хватало и в «Желтом листе». Сам их лидер Михал Дай-Кордон был сыном провинциального купчика, выбившимся в адвокаты. Это он больше всех кричал на собраниях «мы знаем истину», за что и объявлен был вождем нации и любимцем народа.

Нация, однако, далеко не вся поддержала «любимца». За ним стояло главным образом сельское население Западного края, жители портового города Дай-Коффета и часть высшего духовенства.

Епископ Ново-Дальский предал Великого герцога анафеме за жестокое обращение с подданными. Многие верующие, однако, епископа не одобрили, потому что герцог Евгений жестокостей никогда не чинил. Был он добродушен, храбр, не терпел воров и охотно пускал к себе во дворец всяких просителей и «гостей из народа». В том же Дай-Коффете, который теперь предал его, он не раз при овациях толпы и вспыхках магния над сундуками-фотокамерами участвовал в состязаниях по перетягиванию причальных канатов и поднятию якорей. И, случалось, побеждал.

Другое дело, что правил он, бывало, бестолково. Вернее, не он, а государственный секретарь и министр, которым владетель Большого Хельта, увя, доверялся иногда сверх меры. Ну да что подделаешь, дурак и жулья хватает и в других странах.

Самым большим грехом герцога Евгения было, пожалуй, тщеславие. Он не раз подавал апелляции в Совет монархов, требуя, чтобы собрание их величеств присвоило ему королевское достоинство. Ибо, утверждал он, его многие предки в средние века были королями, и он ничуть не хуже их. И держава его не хуже других, даже крупнее соседних королевств — Сонноры и Юрландии. Государя, однако, отвечали уклончиво. Герцог шумно досадовал, а подданные над этой досадой

не совсем почтительно подтрунивали: им было все равно где жить — в королевстве или герцогстве...

Последняя апелляция Великого герцога рассматривалась не так давно. Государя опять развели волокиту, надеясь вытянуть из Евгения в обмен на королевскую корону всякие торговые льготы. И наконец приняли хитрое решение: вплоть до нового заседания (через два года!) оставаться «нашему брату Евгению» Великим герцогом, но именоваться не просто «ваше высочество», а «ваше королевское высочество» — в память о достославных предках.

Великий герцог заперся в своем кабинете и двое суток размышлял: принять новое звание или оскорбиться и двинуть к рубежам Сонноры конную гвардию (так, для демонстрации).

За этими размышлениями и застала его весть о восстании. И о том, что немалая армия «знающих истину» подходит к столице.

Осада тянулась около месяца. Наконец стало ясно, что город обречен. Верные офицеры Службы защиты вывезли семью герцога из столицы, миновав заслоны осаждавших.

Скоро Великая герцогиня и две семилетних принцессы-близняшки оказались в сопредельной Сонноре. Юному герцогу Денису повезло меньше. Он с группой горных егерей двигался к морю отдельно от матери и сестер — таков был хитрый план. И в последний день пути их отрезал от побережья батальон повстанцев приморского капитана Клаца. Пришлось уйти в лесистые предгорья хребта Дан-Катара.

Но герцог Евгений ничего этого не знал. Он остался в столице и заявил: «Пока я жив, ни одна нога продажной сволочи не ступит во дворец владетелей Большого Хельта. И не ступила. Пока он был жив...

Дворец обложили со всех сторон. Тявкали полевые пушки, в разбитых залах сыпались люстры и зеркала. Почти не осталось уже ни дворцовых гвардейцев, ни патронов. Наконец сотня пьяных смертников из батальона «Горные духи» — в мохнатых безрукавках и звериных масках — с воем пошла на приступ. Герцог встал во весь рост в проеме дворцового окна с золоченой саблей в левой руке и с дымящейся фитильной гранатой в правой. И размахнулся, чтобы кинуть снаряд в владетелей и плебеев. Очередь из трескучей скорострелки прошла по его полному ордену мундиру. Великий герцог запрокинулся, черный шар в его руке рванул оранжевым огнем...

Победители не стали глумиться над погибшими. По приказу «вождя нации» Михала Дай-Кордона защитников дворца под ружейный салют закопали в общей могиле на главном столичном кладбище, а то, что осталось от герцога, погребли в склепе Хельтской династии. Но сразу после этого «знающие истину» объявили власть Великих герцогов низложенной навечно, и в Большом Хельте провозглашена была Всенародная Республика.

Расцвету счастья в новом государстве мешали две причины. Во-первых, несознательная часть народа не хотела жить в республике своего имени и продолжала сопротивляться доблестной армии Дай-Кордона. Во-

вторых, где-то укрывался юный герцог Денис, а пока жив наследник престола, жива и опасность для «народной власти».

О наследнике говорили всякое. И то, что прячется в горных джунглях Дан-Катара, и то, что все-таки сумел переплыть залив и сейчас на пути в столицу Сонноры. И даже то, что погиб в стычке с «горными духами». Но это были слухи, а правду знали немногие. И даже те, кто знал, учтиво делали вид, что им ничего не ведомо. По-прежнему обращались к мальчику «суб-корнет» или просто «Максим». Ибо сказано было, что их попечению вверен гимназист Шмель, сын давнего друга полковника Глана, артиллерийского майора Шмеля, погибшего весной в бою с мятежниками. Мальчика у матери не стало еще раньше, вот и определили сироту к черным кирасирам. Правда, теперь уже Максиму не пудрили под ухом похожую на восьмерку родинку — ту, что помнил каждый, кто видел юного герцога Дениса лично или на больших фотопортретах. Чего притворяться перед своими! Да и до пудры ли на трудном горном пути...

А путь и правда был труден. Гораздо тяжелее, чем думалось вначале. Несколько раз от неожиданных ливней вздувались горные речки и перекрывали дорогу. Однажды на сланцевой осыпи заскользили две выючные лошади и ухнули со стосаженного обрыва — вместе с частью продовольствия и медикаментами. Пришлось сокращать рацион и надеяться, что обойдется без серьезных ранений.

Двигались по горным дорогам уже неделю. То верхом, то с лошадьми на поводу. Путь был однообразен и, кажется, бесконечен. Воздух полон запаха горькой коры. Этот запах навечно впитался в форменное сукно и попоны. Короткий отдых давали только остановки в горных деревушках: можно было купить молока и свежего хлеба. В этих же деревушках узнавали, что следом за кирасирами, на расстоянии одного перехода, движется полусотня горной конницы мятежников. Откуда это знали крестьяне, было непонятно. Может быть, здесь, в горах, действовал какой-то особый тайный телеграф.

Мальчик Максим был по-прежнему немногословен и застенчив. Не жаловался, только осунулся и потемнел лицом. Но каждое утро старательно умывался ледяной горной водой — ординарец Филипп поливал ему из котелка. Остальные офицеры тщательно брились — тоже без теплой воды и с плохо выстиранными в ручьях полотенцами. Все стали сдержаны и очень учтивы друг с другом. Потому что вместе с усталостью копилось раздражение — дай ему прорваться, и недалеко до стычки.

Один раз такое случилось между корнетом Гарским и подпоручиком Радичем. На глазах у всех прочих. Уговоры о примирении оказались напрасны, уже сверкнули вынутые сабли.

— Господа, одумайтесь, — последний раз проговорил барон Рead. Без всякой пользы. Более ничего не препятствовало дуэлянтам, ибо вмешательство противоречило гвардейскому кодексу.

Максим широко раскрыл глаза и закусил губу. Кор-

нет Виктор Гарский, ставши в позицию, вдруг оглянулся на мальчика.

— Попросите суб-корнета удалиться, — произнес он слегка заносчиво. — Лишний вид крови не идет детям на пользу.

Тогда тихо, но решительно суб-корнет Шмель сказал: — Прекратите, господа. Я... очень прошу.

Сабли дрогнули. Подпоручик Радич первый правильно оценил сказанное и кинул клинок в ножны.

— Воля вашего в... ваше слово — закон, суб-корнет.

И все сделали вид, что происшедшее — шутка. Кроме полковника, который лишь сейчас подросел к месту действия и вмиг разобрался в случившемся.

Изменивши обычной сдержанности, полковник Глан наорал на «этих растопыривших перья петухов», поставил их по струнке.

— Вы ведете себя как сопливые школяры, не поделившие промокашку! Забыли, кто вы и кака я у вас задача? Срам! При повторении подобного будете разжалованы в рядовые! Помните, что в походных условиях у меня есть право на такой шаг. По крайней мере, до решения Всегвардейского офицерского суда, который сделает окончательные выводы... А теперь приказываю немедленно позабыть глупую стычку и помириться! Протрите руки...

Глядя в землю, корнет и подпоручик сунули друг другу ладони и разошлись. Этот случай разбил на какое-то время однообразие похода. Уже через полчаса все вспоминали о нем со смехом. Лишь Максим держался в сторонке. Сидел на валуне у края поляны, где остановились на привал, отвернулся к зарослям шиповника, горбился неприкаянно. Ротмистр Рead мягко подошел к мальчику со спины.

— Примите мои поздравления... суб-корнет. Ваша решительность спасла, возможно, жизнь кому-то из этих офицеров...

Максим, не поворачивая лица, шевельнул плечами. Рead встал сбоку, нагнулся.

— Ну, право же... Максим... Я понимаю, вас расстроило это нелепое происшествие, но... зачем уж так... Возьмите мой платок. Он почти чистый.

— У меня свой... тоже почти... — И Максим шмыгнул носом. Мятой тряпицей мазнул по щекам. — Барон... не говорите никому про... это. Ладно?

— Слово чести. Хотя что здесь особенного? Ведь причина ваших слез не страх...

— Именно страх... — Максим опять шмыгнул ноздрей. — Я испугался, что они порубят друг друга...

— Это не тот страх, которого следует стыдиться. Впрочем, я дал слово...

Эти слезы не были у Максима единственными. Однажды ночью Рead растолкал капрала Дзыгу.

— Филипп, встань. Только тихо... Мне показалось, что мальчик всхлипывает. Или во сне, или... так. Пойди и взгляни, тебя он стесняется меньше...

Филипп вернулся к Рeadу через полчаса — тот был в ближнем карауле у чуть заметного костерка.

— Ну что? Уж не заболел ли?

— Нет, слава Господу...

— Тогда что? Может быть, обиделся, что не назначили в ночной секрет?

— Не то, господин барон. Просто дитя еще. Замаялся, затосковал по дому. А особо горько — по матушке...

— Так успокой, ты же умеешь...

— Пробовал. Да в полной мере как тут успокоишь...

— Ну как... Скажи, что осталось еще немного. Скоро будет с мамой...

— Кабы все так просто, — вздохнул капрал.

— Ты, я вижу, тоже измотался изрядно. Не веришь, что дойдем?

— Да не то... Виноват, господин барон, сильно разговорчив я стал к старости, не судите...

— Все мы стареем, Филипп. Ладно, ступай...

И капрал Дзыга пошел от барона, который был душевный человек, но не ведал многого...

4.

Далее старик читал о разных других случаях в трудном походе. О том, как Филипп Дзыга рассказывал мальчику ночью у огонька сказку про горных гномов и заколдованной дочке атамана разбойников и вспоминал приключения собственного давнего детства. О короткой, всего на полдня, дружбе Максима и белоголовой девочки из крохотного, прилепившегося к скалам селения. Они, взявшись за руки, бродили среди ореховых зарослей и говорили друг другу что-то неслышное остальным. И на прощание она сплела мальчику венок из синих горных ромашек...

«А еще через день передовой разъезд «знающих истину» настиг черных кирасир. Пальба завязалась нешутливая. Максиму строжайше велено было не высовывать головы. Но он высовывал и палил из-за камня из своего карабина (правда, не очень видел, куда именно). Карабин при каждом выстреле больно толкал его в плечо.

Противника отбили, нанеся ему немалый урон, ибо кирасиры были не только умелые рубака, но и стрелки отменные. Однако же не обошлось без беды. Пулюю в голову убит был поручик Дель-Сом, который из своей скорострелки бил по врагам кинжальными очередями. А еще ранили в плечо Радича.

Дель-Сом похоронили у поросшей алым шиповником скалы. Написали на камне остатками маскировочного лака имя и день гибели. Подержали у плеч вскинутые в салюте сабли. Максим опять плакал, теперь уже не прячась. Впрочем, не он один. Многие вытирали глаза, открыто всхлипывал корнет Гарский. Гребешок на каске корнета был разворочен пулей из тяжелого горского мушкета.

Раненного Радича оставили у двух пастухов, что пасли на травяных проплешинах среди скал маленькое стадо косматых коз. Пастухи, судя по виду и речи, были мужики твердые и честные. Рану поручика обещали за неделю вылечить воском диких пчел, а в случае опасности спрятать его в надежном укрытии. А когда рана закроется, они проведут офицера в долину по тропам, которые неизвестны никаким «горным духам».

Все по очереди попрощались с беднягой, и нежнее всех — корнет Гарский, недавний противник Радича в несостоявшейся дуэли.

И опять дорога.

...Новый бой случился через сутки. На сей раз опасности было больше, поскольку кирасир догнала вся полусотня. К тому же, мало оставалось патронов — запас их упал в пропасть вместе с погибшими лошадьми.

К счастью, позиция оказалась удобная, за скальным гребнем. Из-за него кирасиры меткими выстрелами сшибали одного врага за другим.

Капрал Дзыга бесцеремонно отобрал у возмущенного суб-корнета карабин, чтобы мальчишка не пробовал вновь соваться в перестрелку. Тот однако успел выхватить из-за пояса у молодого унтера Гоха длинный револьвер и несколько раз пальнул в сторону противника (хотя, по правде говоря, вновь не разглядел цели).

Потом кирасиры, выпустив по «горным духам» счетверенную ленту из скорострелки, отошли через ущелье по зыбкому висящему мосту, а мост обрушили за собой гранатами.

«Духи» остались ни с чем и не могли радоваться даже в малой степени, потому что на сей раз кирасиры не потеряли ни одного человека. Лишь корнету Гарскому пуля оцарапала ухо, чем он заметно гордился.

Можно было двигаться дальше, долгое время не опасаясь погони. Однако бой измотал всех изрядно, для немедленной дороги не было сил. Отвели лошадей в ложбинку, сами же спрятались у края ущелья за камнями, поглядывая, как на том берегу беснуются в злом бессилии «духи».

А затем и поглядывать перестали. Пусть вопят и стреляют без пользы, сюда им все равно не добраться.

Лежали в колкой, пряно пахнувшей траве, глотали воду из нагретых солнцем фляжек. А кто-то и не воду...

И всех резанул мальчишкин крик:

— Тревога!

Максим стоял на камне и саблей показывал в сторону кривого скального зуба. У его плеча свистнуло...

Ах как глупо, недостойно опытных бойцов проглядели они опасное место! Скала прятала от глаз маленький, заросший дубняком участок на том берегу. И оттуда «духи» неслышно метнули канат с крюком. И теперь, цепляясь по-обезьяньи, ползли по канату двое. Еще полминуты, и окажутся у кирасир в тылу. Начнут палить по ним, по беззащитным, из-за кустов. И в этой перепалке по канату ринутся другие...

— Назад, суб-корнет! — рявкнул полковник. Но тот, выпалив из револьвера, кинулся к месту, где крюк с канатом застрял в расщелине. Стрельба в одну секунду разгорелась с двух сторон. Максим выстрелил опять — по тому, кто лез вперед. «Знающий истину» махнул руками и молча полетел в ущелье.

Максим саблей ударил про канату. Рядом с крюком. Опытный рубака рассек бы канат сразу. Но что взять с мальчишки! Туго скрученные пряди пружинили, лезвие не попадало по одному и тому же месту, пеньковые волокна лопались неохотно. А пули вокруг Максима плющились о камни и выбивали из них серую пудру.

И все же, когда ординарец Филипп оказался рядом (то ли помочь, то ли заслонить отчаянного мальчишку от выстрелов), канат лопнул. Второй «дух» с воплем

улетел в невидимую отсюда речку. Капрал ухватил Максима в охапку, двумя прыжками унес за скалу и там в сердцах дал ему леща по тугим гвардейским брюкам. Уронил в траву.

С минуту стоял еще великий шум: крики, ругань, стрельба с двух сторон. Потом разом стихло. Мятажники и кирасиры вновь укрылись за каменными гребнями.

Сидя на камне и опираясь на карабин, полковник Глан бесцветным голосом потребовал:

— Подойдите ко мне, суб-корнет.

Максим подошел. Он все еще сжимал саблю и револьвер. Каска слетела, волосы торчали.

— Корнет Гарский, возьмите у суб-корнета оружие, он подвергнут недельному аресту за... безответственное поведение в боевой обстановке.

Гарский с удовольствием забрал у Максима револьвер и саблю.

— Станьте как следует, суб-корнет, — полковник уперся в мальчишку безжалостным взглядом. — Извольте отвечать: как вы посмели столь необдуманно рисковать головой, невзирая на мой особый приказ всячески беречь себя?

Максим торопливо встал навытяжку и смотрел на свои разбитые сапоги.

— Я жду ответа, суб-корнет...

— Я же... первый это увидел. Я был ближе всех к канату, другие могли не успеть...

— И тем не менее вы не имели права...

— Как же не имел? — Максим вскинул намокшие глаза, и голос его сделался очень тонким. — В гвардейском кодексе сказано: «Проявлять смелость и находчивость с учетом боевой обстановки, заслоняя от вражеской угрозы своих товарищей»... Ведь с к а з а н о ж е, барон? — Максим просительно глянул на знатока всех кодексов, который стоял рядом.

Рead отозвался уклончиво:

— Тем не менее, суб-корнет, вы обязаны учитывать свою особую роль. В чем смысл нашей экспедиции, если случится... непоправимое?

— И потому неумную храбрость вашу, коей вы, кажется, даже гордитесь, я считаю легкомыслием и непросительным мальчишеством, — заключил полковник.

Глаза виноватого суб-корнета намокли заметнее. Тем, кто стоял рядом, стало ясно, что дело может кончиться недостойным гвардейского офицера образом. Полковник тихо крикнул, плотнее прижался к стволу карабина впалой щекой и усом.

— Нет, в самом деле... Будь ты моим сыном, я, честное слово, за такое дело взгрел бы тебя по известному месту...

Максим ощутил послабление строгости. И обрадованно вспомнил:

— Филипп уже взгрел... — Сморщил нос, поспеел и дурашливо шевельнул поясницей.

— И правильно сделал, — заметил сторонник суровой субординации Рead. — Впрочем, строго по уставу, вы вправе, суб-корнет, подать рапорт о нанесении вам со стороны капрала Дзыги оскорбления действием.

— Ага, только шляпу зашнурую... — буркнул Максим. (Это была неведомая офицерам, но привычная

среди школьников поговорка). И опять уперся взглядом в носки сапог. — А где мне отсиживать арест? В седле, что ли? Я в нем и так... всё отсидел.

Среди стоявших в отдалении послышались смешки — отзыв на прорвавшуюся мальчишину дерзость.

— Отсидите где положено, когда достигнем цели похода, — насупленно сообщил полковник. — Ежели до той поры примерной дисциплиною не заслужите отмены взыскания.

Максим стукнул друг о друга сбитыми каблуками.

— Слушаю, господин полковник.

— Вот то-то... И советую не забывать о своей вине.

Смелая нотка прорвалась у Максима опять. Ведь как-никак, а все-таки именно он разрубил канат и пресекал вражескую вылазку. С ресниц слетела капля, голос Максима стал сиплым и упрямым:

— Если я столь виноват, господин полковник, вы имеете право разжаловать меня.

Полковник мигнул. Выговорил с почти настоящим сожалением:

— Увы, такого права у меня нет. Разжалуют за недостойные поступки и за трусость. А за храбрость, даже столь безоглядную, в соответствии с гвардейским кодексом, полагается награда... Корнет, не считите за труд, достаньте из вьючной сумы мой портфель. У меня что-то... поясница. Явно окажусь на пенсии, не дождавшись генеральского чина.

Корнет Гарский сунул Максиму в руки его саблю и револьвер, убежал к лошадям и скоро принес требуемое. Этот потрепанный желтый портфель, подходящий для бедного адвоката или школьного учителя, но никак не для боевого офицера, полковник всюду возил с собой. Такова была его странная привязанность к старой вещи, порой вызывавшая добродушные подшучивания.

Полковник сердито куснул ус, покопался в недрах портфеля, достал белую медаль на черно-зеленом муаровом бантике. Встал, морщась от боли в пояснице.

— По праву, данному Великим герцогом всем командирам гвардейских полков, вручаю вам, суб-корнет Шмель, медаль «За воинское отличие». — И пришил бантик с булавкой к пыльному сукну на груди Максима. — Однако же помните сказанное мною прежде...

— Слушаю, господин полковник. Благодарю, господин полковник. — И не удержался: улыбка расплзлась по курносому лицу, округлила исцарапанные пыльные щеки, где одна предательская капля все же оставила тонкую дорожку...

5.

Было ясно, что в ближайшие сутки враг не решится преследовать черных кирасир. А дальше... Дальше и пути-то оставалось всего ничего. За городком Верхний Саттар — спуск в долину, к реке Хамазл. А за рекой уже другая страна, княжество Малый Хельт. Владетель Малого Хельта, князь Людвиг, был сторонником Евгения (хотя, в отличие от Великого герцога, не требовал себе королевского чина). В гражданскую войну соседей княжество не вмешивалось, хранило подчеркнутый нейтралитет, но в глубине ее территории формировалась

дивизия, в нее входили местные добровольцы и беженцы из Большого Хельта. По слухам, настроение в дивизии было решительное. И конечно же, когда в рядах добровольцев окажется юный герцог Денис — законный монарх Большого Хельта, поскольку Евгений, увы, погиб — дивизия станет могучей ударной силой. Перейдя рубеж, она двинется к столице и в короткие сроки принесет победу законной власти...

Городок достигли перед закатом. Вернее, не самого городка, а деревушки, лежавшей в полутора милях от Верхнего Саттара среди обломков скал и кривых низкорослых сосен. Было ясно, что без полного дневного отдыха пускаться в дальнейшую дорогу немислимо. Необходимо было набраться сил, привести себя в порядок и перековать лошадей. В деревне была кузница. От ее хозяина узнали, что здешнее население не одобряет мятежников и едва ли они посмеют сунуться сюда открыто.

Тем не менее, лагерь вблизи деревеньки разбили по всем правилам и выставили охрану. Полковник же принял относительно себя особое решение. Оставив командиром Реада, он отправился в Верхний Саттар. И взял с собой Максима.

Он объяснил это намерение необходимостью разведки. Многие, однако, понимали: не в разведке дело (ее можно было провести иным способом), а в том, что мальчику для отдыха необходим хотя бы день обычной жизни: ванна, чистая постель, свежая еда и ощущение домашней безопасности. Он был измотан более всех (оно и понятно!) и держался даже не на остатках сил, а просто на нервах.

— Дойдет ли он, господин полковник? — шепотом обеспокоился о «Максимушке» ординарец Филипп.

— В крайнем случае донесу.

— Да ведь и сами-то вы... Я же не слепой, вижу, как вы порой держитесь за сердце. Может, мне с вами?

— Втроем будет подозрительно. А про сердце — не надо... К тому же, город-то курортный, там немало аптек, загляну в лучшую...

Филипп перекрестил их вслед.

В городок полковник и Максим вошли при свете редких фонарей. Оба они были в длинных глухих плащах и кожаных шляпах, которые носят любители горных путешествий. Одежда эта до сей поры лежала в переметных сумках на всякий случай и теперь пригодилась — скрыла мундиры.

Верхний Саттар был известен ключами с целебной водой. До войны в курортное местечко съезжался небогатый разночинный люд — и недорого, и ландшафты приятные. Теперь же, судя по пустынности улиц, приезжего люда было немного.

Хозяйке маленькой гостиницы — полной пожилой тетушке — была рассказана краткая история. Мол, дядюшка-профессор и его племянник-сирота решили провести лето подальше от стрельбы и политики и побродить по горным тропам, однако не убереглись от опасности и здесь. Какие-то вооруженные негодяи угнали у них мула с поклажей. Хорошо хотя бы, что не отобрали портфель с бритвой и ассигнациями.

Добродушная тетушка всплескивала пухлыми руками и верила.

— Я, хозяйюшка, дам вам денег, а вы окажите любезность, раздобудьте в какой-нибудь лавке костюмы и белье для меня и для мальчика, чтобы завтра мы не пугали добропорядочных горожан потрепанным видом... Ах, надо бы снять с нас мерки, но мы еле держимся на ногах.

— Не беспокойтесь, сударь, у меня верный глаз, я запомню. Муж мой по складу фигуры был совсем как вы, а у сестры сынишка — точно как ваш мальчик...

Она проводила гостей в комнату с двумя пышными кроватями, креслами и печью, изразцы на которой изображали мирную пастушью сцену.

— Сейчас я пришлю ужин и теплое молоко для мальчика.

— Душевно вам признателен.

Хозяйка ушла, колыхая накрахмаленным чепцом.

— Максимушка! Сперва ванна, потом ужин и — в постель. Вспомним, как живут люди в мирное время. А? Но мальчик уже спал в глубоком кресле, головой на пухлом подлокотнике.

Полковник, вздыхая, стащил с Максима рваный мундирчик, перенес беднягу на кровать, стянул с него порывелые сапоги и дырявые пятнистые носки. Укрыл мальчика накидкой, взятой с другой кровати. Тот не проснулся. Какая ванна, какой ужин...

Девушка в твердом белом переднике и кружевах принесла поднос. Глянула на пожилого постояльца в мундире (черт, забыл снять!) с удивлением а на спящего мальчика с пониманием и улыбкой.

— Доброй ночи, сударь.

Максим неразборчиво шептал во сне и облизывал потрескавшиеся губы. От него пахло пылью, дымом, горькой корой.

«От меня, впрочем, тоже».

А от подноса пахло очень аппетитно. Там же стояла темная высокая бутылка. Полковник твердыми пальцами вытащил пробку, сделал глоток из горлышка. Подышал. Сел в кресло, подержался за грудь с левой стороны. Усилием воли прогнал тревогу за оставленных в лагере подчиненных. Реад опытен и строг, а место тихое...

За сводчатым окном негромко позвякали городские часы. Кажется, одиннадцать. За печью потрескивал сверчок — неизменный обитатель таких вот уютных жилищ.

Господа, чего людям не живется мирно на той земле?..

Максим заметнее прежнего шевельнул губами. Не то шепотом скомандовал: «Марш...», не то позвал: «Мама...»

— Вот в том-то и дело, малыш. Где твоя мама...

Проснулся полковник рано. Царапал горло кашель, болело внутри. Однако ванна и бритве с горячей водой оказались блаженством. За дверью номера уже стояли два клетчатых портшеза, в которых оказалось все, что нужно дядюшке и племяннику.

«Племянник», однако, проспал почти до полудня. Наконец полковник растолкал его и прогнал в комнатушку, где над обширной эмалевой ванной выжидатель-

но сопели краны. Сказал в закрывшуюся дверь:

— Отмывайся до бела, наследник. А то попрошу хозяйку, чтобы самолично отскребла ваше высочество терками и щетками.

— Еще чего!..

Через полчаса, полных плеска, бульканья и радостных поздравлений, Максим появился, закутанный в простыню, с торчащими сосульками волос.

— О-о, какой вы, господин полковник!

— Не «полковник», а «дядюшка».

— Ой, да... и правда дядюшка.

Полковник был в полосатом костюме с жилетом, в светлой сорочке с пышным галстуком и в башмаках с белыми чехлами. Не то владелец магазина, не то важный конторщик из банка. Усы расчесаны, седоватые волосы — с ровным пробором. Максим не удержался, хихикнул.

— Нечего потешаться над старым дядюшкой. Облачайся-ка и ты в цивильный наряд. Вон там он, в сумке... — И полковник сделал равнодушное лицо.

Полковнику думалось, что, наверно, успевший повоевать и привыкший к боевой кирасирской форме мальчик постесняется влезать в школьный костюмчик. Однако Максим, напевая под нос, привычными движениями натянул длинные черные чулки и синие суконные штанишки. Ловко бросил на себя через голову голубую блузу с флотским воротником и галстучком. С бодрым зубным скрежетом расчесал перед высоким зеркалом сырые волосы. Глянул на себя с одобрением, а на отраженного в зеркале полковника — чуть ли не с вызовом: «Да, я такой. Это вам непривычен штатский наряд, а мне — в самый раз, я мальчик».

Потом он сунул ноги в желтые ботинки с кнопками. Обувь оказалась впору. Слегка громоздкая на вид, она была, однако, легкой и удобной в беге. Максим крутнулся на каблуке и предстал перед дядюшкой. Тот улыбнулся в усы.

— Что, суб-корнет, иногда приятно вспомнить детство?

Максим глянул удивленно, будто спросил: «А разве оно кончилось?» Он ловко отвернул под колено левый чулок — нынешняя мальчишечья мода, которую не одобряли учителя, а все школьники столицы считали признаком особого шика и смелости. Взял со стола круглую соломенную шляпу со школьной лентой. Примерил так и сяк, отогнул по-мушкетерски один край.

— Ну-с, братец. Теперь ты и вправду как настоящий гимназист.

Мальчик ответил прежним удивленным взглядом:

— А кто я на самом деле?

— Ну да, ну да... Давай-ка прогуляемся и позавтракаем в каком-нибудь ресторанчике. Точнее говоря, пообедаем...

6.

Тощий, гладко причесанный хозяин ресторанчика «Горный воздух» был словоохотлив и, можно сказать, интеллигентен. Изъяснялся длинными правильными фразами.

— Помилуйте, сударь, — вздохнул он в ответ на воп-

рос полковника. — О каких новостях может идти речь? Мы живем как в отдельной вселенной. Если половина грешной нашей планеты отколется и улетит в мировое пространство, мы узнаем об этом последними...

— Поэтому и закрыты все газетные киоски?

— Они открываются позже, после обеда. Что в них продавать? Прошлогодние журналы и старые календари? Газеты попадают к нам от случая к случаю. Два раза в неделю выходит местная, но что она может сообщить? Известие о кошке, застрявшей в каминной трубе в доме городского судьи да о проделке местных озорников, которые выдумали самодельный порох и выпалили из старинной пушки у памятника генералу Дай-Каррату. Это был самый громкий случай за последний год.

— Настоящим же порохом, как я понимаю, не пахнет?

— Слава Всевышнему!.. Дороги, ведущие сюда, не приспособлены для войны. Да и кому мы нужны, чтобы устраивать здесь штурмы и осады! Исконно мирный край. Ученые говорят, что сам воздух здесь имеет особые свойства. Все гости Верхнего Саттара через неделю по прибытии обретают полное спокойствие духа и перестают проявлять интерес к событиям остального мира. Правда, сейчас приезжих немного, но те, кто есть, ведут совершенно безмятежный образ жизни... Не поверите, сударь, но даже известие о падении столицы и гибели Великого герцога (вечная ему память) взволновало здесь всех не более, чем весть о наводнении в Китае... Хотя должен сообщить, что город наш по традиции всегда верен монархии...

— Разве в городе до сих пор нет телеграфа?

— До недавнего времени действовал семафорный, но теперь... сами понимаете. В прошлом году проложили кабель, но не из столицы, а из-за реки, так что телеграммы приходят круглым путем, через границу. С великим опозданием... Завтрак или обед, господа?

— Пожалуй, обед.

— Могу предложить суп с шампиньонами, котлеты из индейки, салат с креветками и мороженое «Сокровище гномов» с медом и орехами. Особенно для молодого человека. Это мороженое — наш фирменный продукт. Пользуется колоссальной популярностью у наших юных горожан. Пришлось открыть для детишек особый кредит. А вам, юноша, угощение бесплатно, на память о знакомстве с нашим заведением. Причем в любом желаемом количестве.

— Вы рискуете разориться, — вежливо сказал Максим.

— Ничуть! Опыт показал, что никто не может осилить за раз более трех порций «Сокровища»... Сядете в зале или на веранде, господа?

— На воздухе, — решил полковник.

Хозяин сам обслужил гостей. Веранда с мраморными столиками была почти пуста. Лишь в дальнем ее конце два мальчика в таких же, как у Максима, костюмах и девочка в желтом платье с оборками молча уплетали мороженое. Видимо, то самое «Сокровище гномов». Проходя мимо, хозяин погладил одного мальчишку по голове.

Глядя хозяину вслед, полковник задумчиво сказал:

— Не нравится мне этот господин.

— Мне тоже, — отозвался Максим, налегая на вкусный салат. — Но он же ни о чем не расспрашивал, только сам болтал.

— Да. И поглядывал. Впрочем, ладно. Мы здесь не задержимся. Погуляем, посмотрим на тихую жизнь — и назад. — При этом полковник потрогал ногой стоящий у стула портфель, с которым не расставался. В портфеле, кроме бритвы и всяких мелочей, лежал длинный револьвер «Барт» с горстью запасных патронов...

После обеда пошли наугад по улицам, как и положено беззаботным туристам. Улицы — тесные, мощеные. Дома — с лепными фигурами на фасадах, с витыми решетками балконов и мозаиками. Старина. Максим вертел головой, здесь было совсем не похоже на столицу. Иногда каменные тротуары выводили на крохотные площади с часовнями, колодцами или чугунными бюстами. Порой попадались навстречу степенные тетушки с корзинами и босые беззаботные мальчишки, которые гнали по плитам прыгучие обручи от бочек.

Зашли в парикмахерскую, где молчаливый (не в пример хозяину ресторана) мастер подстриг отросшие мальчишкины волосы, окончательно превратив Максима в образцового «дядюшкиного племянника». Максим подчинялся с удовольствием. Сегодня он как бы вновь открывал для себя ласковые мелочи полузабытой прежней жизни: цветастые фаянсовые тарелки в ресторане, мороженое (хватило одной порции), легкость матросской блузы и ребячьих башмаков, витрины с игрушками, шелкающее касание парикмахерских ножниц, одеколон, свежесть полотенца...

— Осторожнее, мальчик, не верти головой.

А как не вертеть, если за зеркальными окнами проехал самоходный экипаж с трескучим мотором (кажется, единственный в городе, такие и в столице-то редкость). А когда проехал... да ладно, ерунда...

От парикмахерской улица Стрекоз привела путешественников на площадь пошире других. По краям росли столетние ясени и стояли скамейки.

На площади шумно резвился десяток мальчишек. Всяких. Одни «благопристойного» вида, другие — довольно потрепанные, «уличные», но все одинаково голосистые и без башмаков. Потому что во время игры им то и дело приходилось бегом пересекать бассейн фонтана. Бассейн был широкий, квадратный, с бронзовыми русалками на каждом углу, которые лили из раковин шумные струи. Мальчишки прыгали с гранитного ограждения и с хохотом, с криками мчались к другому краю — в брызгах и радугах. Уворачивались от красного мяча, который кидали другие, с «берега». Пожилой, с перетянутым портупеей круглым животом полицейский добродушно наблюдал за игрой, не находя в ней ничего предосудительного (это же не пушка с порохом).

Полковник не улавливал смысла игры. А Максим разобрался сразу. Задышал чаще, азартно заперебирал ногами. Полковник опустился на скамью.

— Позволь, я посижу, голубчик. Сей штатский костюм, видимо, имеет свойство наделять человека соответствующим характером, и я ощутил себя бургером преклон-

ных лет с разыгравшимися недугами. Ты же, дабы соответствовать роли, порезвись пока со здешними юными гражданами, если тебя примут в компанию...

Он понимал, как Максиму хочется т у д а, а шутилой витиеватостью речи скрыл это понимание.

Максим в один миг скинул башмаки, бросил на скамью чулки и шляпу — к фонтану!

Его приняли в компанию. Он объяснился двумя словами с ближними мальчишками и уже через полминуты носился по колону в воде, перехватывая скользкий мяч...

Полковник наблюдал за ребятами из-под опущенных век. Время от времени прижимал к левому боку локоть и придерживал дыхание. Прошло минут десять. Игра вдруг остановилась. Потому что вблизи появился рыжий мальчуган лет девяти с воздушным змеем странной конструкции — вроде коробки с дырами. Из газеты и длинных лучин. Хозяина змея обступила, оставив мяч в воде. Рыжий мальчик объяснял что-то остальным деловито и обстоятельно. Все внимательно слушали. Видимо, здесь не принято было задирать маленьких. Затем все отошли к дальнему краю площади. Туда выходил переулочек, из которого тянул ощутимый ветерок — от него шелестели ясени.

Самый высокий мальчик взял у рыженького змея, поднял над головой и выпустил. Белая угловатая конструкция неторопливо пошла вверх, потянула за собой тонкий шнур. Мальчишки запрыгали, заплясали. Полицейский с интересом подошел к ним ближе.

Змей пересек пространство над площадью и остановился в стороне от готической колокольни на фоне очень синего неба с двумя перистыми облаками. Он чуть прокачивался в воздушном течении. И от вида этого белого летуна и синевы полковнику вдруг стало удивительно спокойно, боль исчезла.

Но змей держался в небе недолго. Он рыскнул, сделал петлю и косо пошел на снижение. Рыженький мальчик торопливо завертел катушку со шнуром. Однако спасти змея не удалось. На половине пути он снизился окончательно и упал в фонтан. Ребята вытащили раскисшее бумажное сооружение и горестно обступили его. Лишь Максим не поддавался общему унынию. Что-то горячо говорил, махая руками. Потом побежал к скамье.

— Госп... дядюшка! Дайте денег на газету! Вон там как раз открылся киоск. Каркас у змея уцелел, а бумажную обтяжку мы быстро сделаем новую...

Полковник, морщась, вынул монету в десять крон.

— Купи, голубчик, и мне.

— Да они же наверняка старые!

— Ну, все-таки...

Максим, стуча мокрыми пятками, помчался к киоску. Старичок-продавец угадал в нем приезжего:

— «Саттарский листок» двухдневной давности, молодой человек. По нашим понятиям, совсем свежий. Новости заречного телеграфа.

— Два, пожалуйста...

Одну газету он бегом отнес «дядюшке».

— Вот. И сдача...

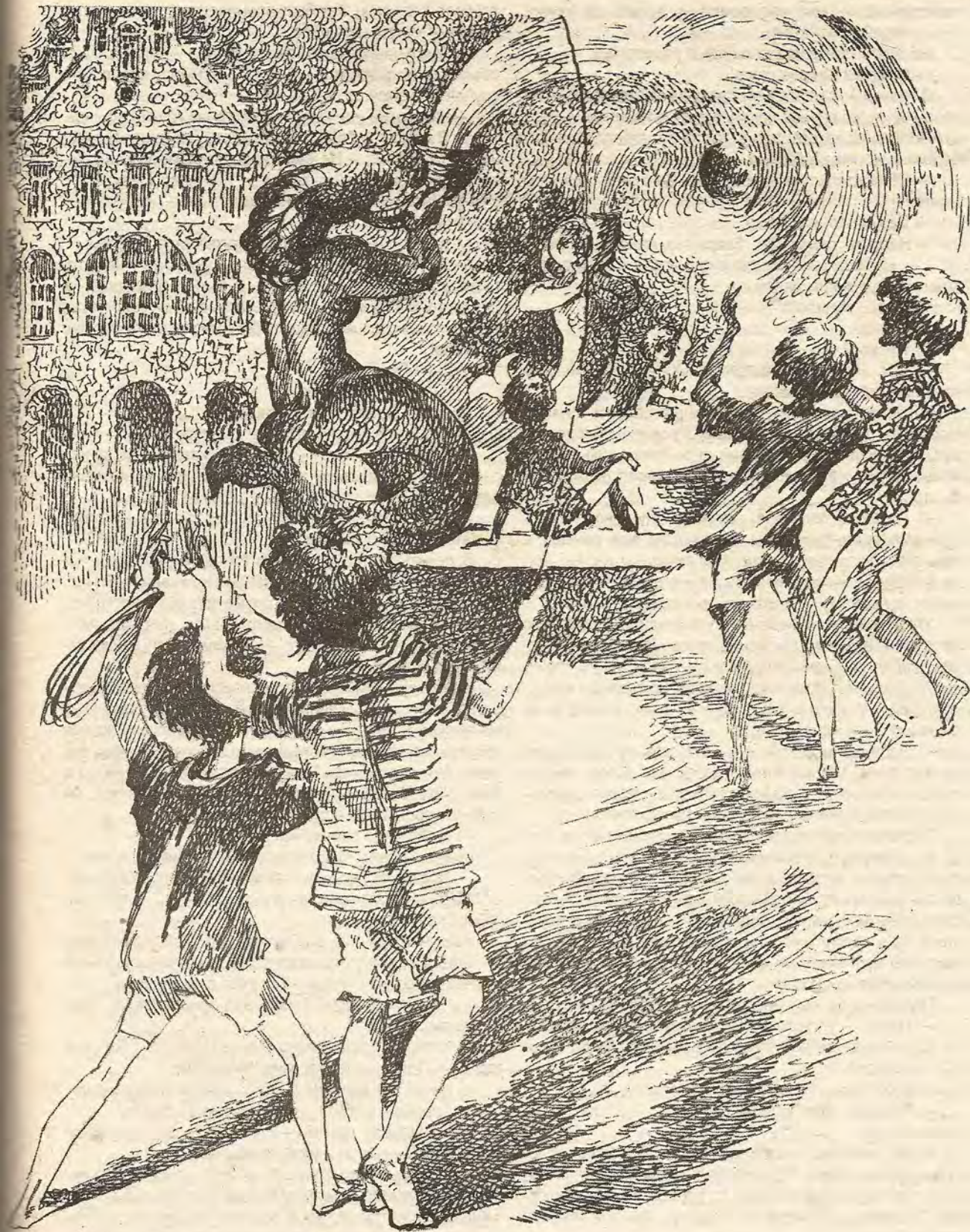
— Оставь на мороженое.

— Нет, она бренчит в карманах, ребята скажут, что хвастаюсь деньгами... Мы еще не очень спешим? Я хочу

показать мальчикам, как правильно делать центровку.

— Играй, я почитаю...

Но почти сразу над площадью разнеслось:

— Максим! Скорее сюда!

В громком голосе были прежние командирские интонации, и суб-корнет повиновался мгновенно.

Полковник заталкивал в портфель газету и заодно башмаки и чулки Максима.

— Обстоятельства изменились. Возвращаться надо немедленно.

— Позвольте, я обуюсь.

— Некогда, ступай так. Здесь это, кажется позволено... — «Дядюшка» уже спешно шагнул от площади, и Максим засеменил рядом.

— А что случилось?

— Многое...

— Плохое?

— М-м... нет. Но неожиданное. Объясню позже... Как назло ни одного извозчика...

Кажется, полковнику трудно было говорить на ходу. Несколько раз он останавливался и коротко вбирал воздух. Так прошли два квартала, и до гостиницы оставалось столько же. Максим вдруг заговорил негромко и быстро:

— Господин полковник, за нами идут двое. От самой площади с фонтаном. Я видел их еще раньше, в парикмахерской сквозь окно, они смотрели на нас. Тогда я подумал — случайность... Не оглядывайтесь, господин полковник, посмотрите на отражение...

Улица как раз кончилась, уткнувшись в почтовую контору с большим, до земли, окном. В стекле полковник увидел, как приближаются два подчеркнута ленивых господина в клетчатых мешковато сидящих костюмах. Они совершенно не смотрели на дядюшку и его мальчишку.

— Подержи-ка, мальчик... — Полковник дал Максиму портфель, открыл его неторопливо, словно решил достать и бросить в ящик письмо. И выдернул револьвер (причем вылетел на тротуар один ботинок).

Полковник толчком пригнул Максима к земле и, глядя на клетчатые отражения, выпустил назад, из-под левого локтя, несколько пуль. Один клетчатый упал, другой широко махнул рукою и побежал назад. У Максима заложил уши. В тишине он увидел, что в переплете окна торчит широкий, с дрожащей рукоятью кинжал. Это был тяжелый метательный нож — любимое оружие «горных духов».

Полковник бросил револьвер в портфель.

— Идем! — услышал Максим будто сквозь вату.

Они оказались в безлюдном переулке, среди садовых изгородей.

— А ботинок... — глупо сказал Максим.

— Плевать... Вон извозчик. Клихни... — И полковник закашлялся.

— Эй, извозчик! — завопил Максим. Тот стоял у тротуара, к ним спиной. Лошадь попятилась, сдавая назад открытую коляску. Полковник с усилием ступил на шаткую подножку, откинулся на сиденье. Максим прыгнул следом.

— Что за стрельба там была, господа? — опасливо

спросил извозчик. Это был длиннолицый прыщеватый парень в мятом цилиндре.

— Мальчишки безобразничают, — часто дыша, объяснил полковник. — Все им нейдет после того случая с пушкой.

— Управы на них нету... — Извозчик тронул лошадь.

— В том-то и беда, — сказал ему в спину полковник. И Максиму: — Не смей никогда связываться с такими хулиганами, уши оторву... — Этаким строгим дядюшка с племянником-сорванцом.

— Я не буду...

— Куда прикажете? — опять оглянулся парень.

— За город, в сторону деревни Ключ. Там у нас что-то вроде пикника, мы спешим... А ты без башмаков! — Это опять Максиму. — Там приличные люди собрались, а ты в таком босяцком виде. Срам! Чтобы этого больше не было!

— Я не буду...

— Быстрее, голубчик!

Лошадь, однако, пошла тише.

— Сударь, за город это будет подороже.

Откинувшись к стеганой спинке, «дядюшка» велел:

— Максим, достань у меня из нагрудного кармана пятьдесят крон и дай кучеру... Сдачи не надо...

— Благодарю, сударь! Мы мигом, сударь! — Коляска затрясло на булыжниках.

В десять минут пересекли городок. Побежали назад придорожные кусты и камни. Полковник молчал, прикрыв глаза. У Максима в ритме конного бега прыгало в голове: «Кто они?.. Хотя ясно кто... Чего хотели?.. Хотя ясно чего... Взрослого — напавал, мальчишке зажать рот, и в горы его...»

Он сбоку посмотрел на полковника, надеясь получить в ответ хотя бы понимающий взгляд. Но полковник по-прежнему сидел с полуоткрытыми глазами, кадык обострился, голова неестественно тряслась. Из-под века резко блестели белки. Ужас, какого ни разу не было в бою, сжал Максима. Он рванулся из жутких тисков, он крикнул пронзительно:

— Стой! Стой сейчас же!

Коляска стала. Максим затряс полковника за плечо: — Дядюшка! Господин полковник! Ну, пожалуйста! — Обернул к извозчику мокрое лицо: — Его надо к доктору! Скорее!

Извозчик прыгнул с облучка, подошел, пригляделся. Понял важность происшествия и значимость своей нынешней роли. Сипловато сказал с важностью:

— Чего ж к доктору. Теперь это дело полиции. Туда и поедем.

— Стой, — опять сказал Максим. Тихо и с болью в горле. — Тогда... вперед. Куда велели...

— Да как же вперед? С покойниками не положено.

— Вперед я сказал! — Это он уже со звоном.

— Ну, вот что, малой, — снисходительно заговорил парень. — Ты мне тут свои законы не...

Максим рывком дотянулся, дернул из портфеля револьвер. Вылетел на дорогу второй ботинок, а на ствол с мушкой намотался чулок. Максим сорвал его с ругательством, слышанным от капралов. Теперь он снова был военный человек, хотя душа застыла от горя.

— Марш на место! Застрелю! Пошел!

Парень метнулся на облучок. Огрел возжой лошадь. Та ударилась вскачь. Максима отбросило назад, но он тут же вскочил, уперся стволем в спину извозчика.

— Быстрей!

На миг оглянулся: полковник медленно валится боком на сиденье.

— Быстрей я сказал!

Хотя куда уж быстрей! Встречным воздухом с парня сорвало цилиндр, с Максима шляпу. В две минуты долетели до деревни. Дорога огибала ее по краю. Вблизи деревни, за рощицей — лагерь. Подлетели к палаткам. Здесь Максим прыгнул из коляски, обхватил подбежавшего Филиппа и, захлебываясь плачем, рассказал всё...»

II. Пилот

1.

Осенние дни шли своим чередом. И вечера. Егорыч почти каждый вечер читал вслух о походе черных кирасир. Всем ребятам нравилось. Артём тоже старался не пропускать чтений, хотя стиль старика ему казался порой старомодным, а описания растянутыми. И к тому же, эпизоды со стрельбой в горах напоминали многое... Однако хотелось узнать о судьбе наследника. Хотелось, чтобы конец был хороший. Можно было, конечно, попросить у Егорыча книжку и дочитать ее за два-три часа, но Артём не решался на это. Он словно боялся нарушить какой-то ритуал (или структуру Пространств?). Он даже опасался, что, если поспешит, финал повести может оказаться печальным. И это не была оставшаяся с детства боязнь плохих концов у книжек и кино; копошилось какое-то суеверное ощущение взаимосвязи в судьбах придуманного Максима и его, Артёма Темрюка. Смешно, конечно, и все-таки...

Поэтому Артём слушал с терпеливостью прилежно школьника...

«Не оставалось времени для долгого похоронного обряда.

Многое было неясно, однако главное понимали все: враг по-прежнему «на хвосте» и уходить надо скорее.

Но все равно — не сию ж минуту...

Пятеро ушли в усиленный секрет, заправивши полные ленты в две скорострелки. Остальные свертывали палатки и готовили коней (всех перековать так и не удалось). Деревенский плотник в это время сколачивал гроб из досок, оторванных от ближнего забора.

Коляску извозчика распрягли, кобылу его стреножили, а ее хозяйина посадили в сарайчик — чтобы, вернувшись в город раньше времени, не болтал лишнего. Парень хныкал и упирался сначала, но разглядев ассигнацию, данную Реедом, благодарно замолчал.

А полковник лежал на траве, укрытый с головою шинелью. Его ординарец, капрал Фома Варуш с затвердевшим лицом и саблей у плеча нес караул. Капрал Гох и унтер Квах неподалеку, на маленьком деревенском кладбище рыли могилу.

Четыре офицера отнесли гроб к яме. Поодаль толпились притихшие деревенские жители. Куски твердой земли вперемешку с камнями застучали о доски. Потом все с минуту стояли со вскинутыми клинками. Кто-то тихой скороговоркой произнес молитву. Кто-то, кажется, плакал. А Максим — нет. Он уже до того потратил все слезы. И теперь он стоял рядом с Филиппом, опустив голову и закусив губу. Сабли у него не было. Конечно, если бы он взял клинок, никто бы не заспорил. Но Максим понимал: нелепо же — сабля в руках у заревавшего мальчишки в школьной матроске. Иногда он потирал правую ступню о левую щиколотку. Ступня надсадно болела: где-то Максим наколол ее.

Но боль была как бы в стороне, позади мыслей. А думал Максим о своей вине. О том, что, конечно же, все считают: причина смерти полковника — он... А почему о н? Максим и сам не мог понять. Но вина легла на него тяжело, без надежды на прощение.

...Оказалось, однако, что никто его не винит. То, что не было упрека ни в чьих словах — это само собой. Но не было их и во взглядах. И, видимо, в мыслях. Наоборот, все говорили с Максимом подчеркнуто ласково. Никто не считал недостойными гвардейца мальчишкины горькие слезы. Пытались утешить.

Ротмистр Реед сказал вполголоса:

— Что поделаешь, у каждого сердца свой запас прочности. У полковника оно давно болело, только он скрывал... А ваше поведение, суб-корнет, выше всяких похвал.

Максим горько усмехнулся: «Суб-корнет...» Однако полегчало.

Филипп натер холодной мазью и забинтовал ему ступню. Обрезал свою шинель и сделал из суконных лент обмотки. Иначе лошадиные бока скоро натерли бы мальчишке ноги. Подходящих сапог, конечно, больше не нашлось, формы нужного размера — тоже. Так и двинулся он в путь — в матросском костюме и босиком, только сверху Филипп набросил шинель. Теперь она казалась твердой и колкой.

Барон Реед оставил плотнику бумагу со словами, которые тот обещал выжечь на свежееотесанном кресте, вкопанном в кремнистый холмик. Потом спешно снялись с места. Полковничьего коня — вороного жеребца Беса — силою вели на поводу. Он упирался, ржал и норовил вернуться.

Ехали с карабинами и скорострелками на седельных луках. Сабля и карабин Максима тоже были при нем. Это уравнивало его с остальными, невзирая на отсутствие мундира.

На ночевку стали, когда конная тропа совсем потеплялась во мгле.

Максим просился в ночной секрет, но Реед отказал.

— Я ценю ваше рвение, но с большой ногой вы не сможете нести караул как положено.

Тогда Максим стремительно уснул под шинелью на расстеленной палатке, и снился ему живой полковник, с которым они пытались запустить громадный коробчатый змей. Почему-то змей никак не взлетал.

Поднялись на рассвете. Шинель была мокрая от росы, Максим дрожал. Филипп закутал его в свой мун-

дир. У Максима не было сил спорить. Зябкость и боль в ступне пробирали его до позвонков.

Позавтракали сухарями с холодной водой.

Максим выбросил суконные обмотки — они натирали и жалили ноги не меньше, чем лошадиная шерсть. Впрочем, верхом пришлось двигаться немного. Спуск в долину оказался таким крутым, что пришлось вести коней на поводу. Они скользили на скальных тропинках. Лошадка Максима (смирная темно-гнедая кобылка Нянька, которую Максим любил) более других была приспособлена к горным дорогам, и он оставался в седле дольше всех. Но пришлось наконец спешиться и ему. Ступил, охнул, присел. Оказалось — идти не может. Ступня под бинтом распухла и налилась тугой болью.

Филипп взял мальчика на руки, а поручик Дан-Райтарг и унтер Квах пошли сзади и спереди, чтобы в случае чего подхватить.

На пути попалась ровная площадка. Здесь, при короткой остановке, Филипп размотал ногу Максима, покачал головой, глянул на худого веснушчатого капрала Уш-Дана, который сведущ был в лекарственных делах. Тот разглядывал мальчишину ступню минуты две. Тронул осторожно. С напряженным лицом отошел к Реаду. Они о чем-то немного поговорили.

Реад наклонился над Максимом — тот полулежал на раскинутой, уже высохшей шинели.

— Ваше высочество... — видимо, Реад решил, что титул прибавит мальчику твердости. — Вам придется проявить немалое мужество. Буду откровенен: положение с ногой таково, что необходимы немедленные и решительные меры. Иначе исход может быть самый плачевный.

От резкого испуга у Максима округлились глаза.

— Ка... кой?..

— В самом легком случае — ампутация. И то лишь тогда, если мы в ближайшее время окажемся у наших друзей и там есть лазарет. При иных же обстоятельствах, если упустить время, случится самое худшее... Капрал Уш-Дан говорит, что операция будет быстрой.

— Давайте... — Максим хотел сказать это храбро, а получился писк.

У офицеров собрали остатки крепкого одеколона. Уш-Дан заправил им спиртовку, которую смастерил из флакона. Начал греть на ней искрящийся инструмент, похожий на половинку ножниц.

— Не смотри ты, Максимушка, — ворчливо сказал Филипп. — Чего на это смотреть? И не думай об этом раньше срока, вон на птичек гляди...

Но Максим смотрел не на юрких горных голубей, а на блестящую сталь и на руки Уш-Дана, которые тот протирал вылитым из спиртовки одеколоном. Потом Уш-Дан подошел...

Филипп протянул Максиму оловянную чарку.

— Выпей все. Оно, говорят, замораживает чувственность...

Максим глотнул и сплюнул. Вино было совсем не то, что на обеде в шатре полковника. Кислятина с запахом сырых кожаных башмаков.

— Не надо. Ты лучше держи меня крепче, Филипп.

Тот обнял Максима, прижал к пропотевшей рубахе. Кто-то крепко взял его за ноги...

— А-а!! — все мышцы мальчика вздулись отчаянной протестующей силой. Но крик был короткий. То есть нет, долгий, но уже внутри. Максим прижал зубами нижнюю губу. Навалилась звенящая красная мгла. А потом ее сменила обычная тьма, без чувств.

...Филипп сырой холодной тряпкой обтирал его лицо.

— Ну, Максимушка, ну, герой... Только зачем губу-то до крови искусал. Уж орал бы лучше изо всех сил для облегчения.

— Разве я не орал?

— То-то и оно, что нет... Дай-ка смажу от заразы... — Губу чем-то защипало, но это был пустяк.

Забинтованная ступня болела пуще прежнего, словно жгучий уголь внутри. Но в боли этой, как ни странно, чувствовалось облегчение. Отсутствие опасности. Капрал Уш-Дан показал Максиму похожий на коготь осколок стекла, который воткнулся в ступню мальчика где-то на мостовой Верхнего Саттара.

— От такого вот дрянца могли помереть, господин суб-корнет. Ну, а теперь, Бог даст, все обойдется...

Двинулись в путь снова, и Максим по-младенчески уснул на руках у ординарца капрала Дзыги. Боль он ощущал и во сне. Виделось, что он, маленький еще, украдкой от няньки убежал босиком в сад. К ногам прилипла клейкая кожа тополиных почек. Он будто бы сел на скамейку, достал из кармана стекло подзорной трубы, вывернул ногу, чтобы разглядеть кожурки. Была у него тогда любимая забава — разглядывать всякие мелочи в увеличенном виде. На голой ступне зашевелилось круглое солнечное пятнышко, защекотало кожу. Он уменьшил его, сгустив лучи до крепкого жжения... Скольво выдержу?... Ай! — и заревел, отбросив стекло. Тут же рядом появилась мама. Посадила его на колени, взяла ногу в прохладные ладони. «Какой ты неосторожный, малыш. Ничего, сейчас пройдет...»

Максим всхлипнул во сне. А впереди уже была густая зелень долины. За деревьями сверкнула река.

Пока шли к берегу, не встретился ни один человек. Река Хамазл вздулась и бурлила, несла в струях вырванные кусты. Видимо, в верховьях опять прошли обильные дожди. Нечего было и думать о переправе. Кони и всадники ни за что не осилили бы течение. Ширина составляла сажень семьдесят, не меньше. Были где-то особые места для брода, но река, прихотливая и бурная, часто меняла их.

По тайному уговору с той стороной каждый вечер здесь, на берегу, должен был появляться человек, знающий переправу. Более весомую помощь с другого берега ждать не стоило. Власти Малого Хельта не хотели рисковать и открыто вмешиваться в дела соседней страны.

Оставалось ждать.

Лошадей напоили в реке и укрыли в дубовой роще с густым подлеском из орешника. Набрали для каждой по охапке травы. Пускать их пастись открыто было рискованно. Кто знает, может, противник не столь уж далеко. На

опушке рощи, в сотне шагов от воды стоял кирпичный дом с провалившейся тесовой кровлей и крепкими стенами — наполовину из камней, наполовину из кирпича. То ли заброшенный приют рыбаков, то ли бывшее жилье разорившегося хозяина-овцевода. Здесь и устроили привал — последний на земле Большого Хельта.

Кинули на пол шинели и палатки, поставили у окон две скорострелки с последними лентами, двоих по жребью отправили в караул, и пришла наконец пора для тризны по командиру. Ибо нельзя оставлять погибших товарищей без прощальной чарки и доброго слова.

В доме был очаг, разожгли сучья, сварили из последних запасов овсяной крупы и вяленой баранины полхлебку, нарезали купленные в деревне два каравая. Налили из бурдюка в оловянные чарки черно-красную жидкость. Вино было то самое, что не смог недавно выпить Максим. А теперь он выпил, зажмурился и задержав дыхание. Полную чарку, как все. Потому что — память о полковнике, отдание последней чести.

Выпили, не сдвигая чарки, посидели молча минуту (потрескивал очаг). Сперва Максиму стало тошно, скоро же, однако, противное чувство растаяло и потекла по телу приятная теплота и слабость. Максим закрыл глаза.

Кто-то сказал вполголоса:

— Рай, давай-ка ту, любимую полковника.

...Здесь пора сказать о поручике Дан-Райтарге, которого чаще звали просто Рай. До сих пор почти не было случая, чтобы упомянуть о нем (как и о некоторых других) в этом рассказе. Ибо задачи и дела у всех были одни, и каждый выполнял их одинаково, пока гибель или ранение не выбивали их из общего строя. Между тем, был Дан-Райтарг личностью примечательной. «Сумрачный гитарист» — говорили про него. Он никогда не улыбался — ни во время бесед и застолий, ни во время своих песен. Ходил слух, что мрачный характер его — результат какой-то давней сердечной драмы, о чем он, впрочем, сам никогда не упоминал. Улыбка же на его лице появлялась порой лишь во время боя — такой белозубый оскал.

Кстати, этот поручик один из всех офицеров ни разу не вступил с Максимом в беседу, а столкнувшись лицом к лицу, молча наклонял голову в коротком гвардейском полупоклоне или двумя пальцами касался козырька каски. Максиму казалось, что Дан-Райтарг тайно досадует на него.

А струнами Рай владел, как бог, хотя сумрачность его часто не вязалась с лихими гитарными переборами. По правде говоря, такая музыкальная удаля более была бы к лицу офицеру из гусар с их традициями шумных сборищ. Однако же Дан-Райтарг был потомственный кирасир. А страсть к гитаре объяснялась в нем, наверно, каплей южно-хельтской крови — так же, как и кудрявость черных волос.

Рай, сидя на полу, дотянулся до гитары, прислоненной к бугристой стене, взял ее. Прикрыл глаза. Пробитая в двух местах гитара зазвучала слегка дребезжаще, но с послушным переливом мелодии. Рай запел высоким, почти женским голосом:

*Да-ри, да-ри,
Да ай, да ай...
Да ай...*

*Ночь настала,
Природа вся устала.
Играли мы весь день-деньской,
Пора нам на покой...*

*Так спи же, спи,
Так баю-бай...
Да ай...*

Песня кончилась, Рай положил на струны ладонь, тихонько покачал головой. Максим посмотрел на Райа и опять прикрыл глаза. Песня была хорошая, ласковая, и захотелось заплакать, потому что вспомнилась мама. Чтобы не выпустить наружу слезинки, Максим зажмурился крепче. Переглотнул. Он сидел недалеко от очага, привалившись спиной к неподвижному, как камень, капралу Филиппу. Тот не шевелился, чтобы не побеспокоить «Максимушку».

Боль в ноге не утихла совсем, но стала глухой, спокойной. Не мешала.

Было жаль полковника (и заодно, немного, жаль себя). Но жалость эта смешивалась с теплом — и с тем, что внутри, и с тем, что долетало от огня, пушисто обмахивало ноги и лицо...

Кто-то (Максим не понял, кто) сказал негромко:

— Думал ли когда-нибудь полковник, что его похоронят вот так. Без формы, в чиновничьем костюме...

Максим почему-то вспомнил отчетливо, какой большой шкаф в номере гостиницы. Там, наверно, до сих пор висят рядом просторный мундир полковника и тесный его, Максимкин, мундирчик. И Максим сказал — не тем, кто рядом, а, скорее, себе самому:

— Моя форма тоже осталась в гостинице.

— Ну, вам-то, суб-корнет, чего жалеть, — усмехнулся корнет Гарский. — Вас впереди ждет еще немало всяких мундиров.

Стало тихо, и в общем молчании ощутилось осуждение бестактности, которую позволил молодой офицер. А Максим отозвался, не открывая глаз:

— Да не мундира мне жаль, а медали, которая была на нем. Одну и ту же награду ведь не дают по второму разу...

— Отчего же не дают! — живо откликнулся барон Реад. — Если знак ордена или медаль утеряны не по вине награжденного, ему выдают дубликат... Кстати, такие медали наверняка есть в портфеле полковника, он всегда носил при себе запас... Господа, где портфель?

Портфель отыскался немедля, его вручили Реаду. Максим открыл глаза, сел прямо.

— А разве позволено носить медаль не на мундире, а вот... прямо так? — он пальцами потянул на груди ткань матросской блузы.

— На чем угодно позволено, если заслужили... Вот, получите, суб-корнет...

Максим встал, поджав забинтованную ногу, приняв

на ладонь увесистый металлический кружляк с ленточным бантом.

— Благодарю, барон...

Рead кивнул и продолжал исследовать содержимое портфеля.

— Смотрите-ка, любимая бритва полковника, он с ней не расставался никогда... Письма... С ними надо разобраться и, по возможности, вернуть адресатам... О, вот удача, господа, здесь газета! И, кажется, довольно свежая. Узнаем наконец, что делается на белом свете... Боже, что это?

Реада обступили. И Максим (вспомнивший наконец, что именно из-за газеты зашепшил полковник) сунулся вперед.

Барон держал развернутый газетный лист. На нем — в свете упавшего сквозь широкое окно солнца — четко виднелся гравированный портрет мальчика. Мальчик был Максим. Только гладко причесанный и в непривычном мундире с орденами. Крупные буквы торжественного старо-хельтского шрифта извещали:

Его королевское величество Денис I вступил на престол!

На голову наследника возложена корона предков! Пора безвременья кончилась! Враг потерпел сокрушительный разгром! Нас ждет новая жизнь под скипетром законного владельца страны! Совет монархов преподнес юному Великому герцогу Денису I королевский титул!

— Невероятно... — вполголоса сказал барон Рead. — Всего можно было ожидать, но такого...

— Измена! — тонко воскликнул корнет Гарский. — Господа! Мы должны... Нам необходимо пробиваться в столицу! Чтобы скорее разобраться с этим самозванцем! «Вот и все, — с горьким облегчением подумал Максим. — Наконец-то...»

Он сжал в ладони так и не надетую медаль. Осторожно ступил на забинтованную пятку, вскинул голову.

— Господа, не надо никуда спешить. Он не самозванец. Самозванец — я...

2.

Ему поверили быстро. Почти сразу. В самом деле, какой же это наследник престола — взъерошенный мальчишка в мятой школьной одежке, с испуганными мокрыми глазами?

И — словно какая-то стенка встала между ним и офицерами.

— Объяснитесь, суб-корнет, — сказал наконец барон Рead.

Максим не думал, что когда-нибудь ему придется все объяснять. Обещано было, что это сделают другие. Но теперь куда деваться-то?

— Я... мне велели... то есть меня попросили... отправиться с вами. Ну, пришли специальные люди к отцу, потом к директору гимназии, потом позвали меня. Сказали: ты должен помочь наследнику. Такая, говорят, удача, что вы похожи... Мол, врагу будто бы случайно дадут знать, что группа офицеров увозит принца за границу, в безопасность. Враги начнут охоту, и это отвлечет их от настоящего наследника... Ну... видите, так и случилось...

Помолчали.

— Нельзя сказать, что ситуация блещет благородством, — заметил наконец подпоручик Тай-Муш. — Право же... делать наживку из ребенка...

— Я ведь сам согласился, — тихо сказал Максим.

— Так кто же вы на самом деле? — стараясь говорить мягко, поинтересовался барон Рead. — Гимназист Максим Шмель, как и было сказано?

— Да... — и он опустил голову.

— Ну... и зачем же вы плачете, Максим? — Рead осторожно взял его за плечо. — Вы прекрасно выполнили свое задание.

— Мне совестно, что я обманывал вас...

— Вы поступали в соответствии с приказом. И о б м а н ы в а л и вы прежде всего противника, что и было вашей задачей... По-моему, вы прекрасно сыграли свою двойную... вернее, даже тройную роль: гимназист, изображающий наследника, который притворяется гимназистом...

Максим чуть улыбнулся сквозь слезы. И вздрогнул от резкого голоса поручика Дан-Райтарга.

— Гимназист блестяще сыграл свою роль, что, конечно же, будет высоко оценено его высочеством... величеством. Но какова н а ш а роль? Марионеток на ниточках, за которые дергает неизвестно кто? Роль болванчиков, не ведающих собственной задачи?

— Задача была ясна, поручик, — возразил Рead.

— Да. Но нас обманули! Нам дали понять, что мы спасаем наследника, а подсунули... Простите, мальчик, я не хотел вас оскорбить, вы здесь ни при чем...

— Спасая мальчика, мы спасали наследника! — запальчиво отозвался корнет Гарский.

— Но мы имели право это знать, корнет!

— Видимо, наше н е з н а н и е штабс-счел дополнительной гарантией успеха, — возразил Рead. Возможно, в глубине души он был согласен со вспыльчивым Раем, но... — Право же, господа, обсуждать приказы генералитета не входит в круг полномочий гвардейских офицеров.

— А недоверие к гвардейским офицерам я считаю оскорблением! — опять вспылил Дан-Райтарг. — И я уверен: будь здесь полковник, он со мной согласился бы!

Максим медленно оглянулся на поручика.

— Полковник знал... И еще вот он знал... — Максим, припав на забинтованную ногу, шагнул к Филиппу Дзыге, взял его за локоть, щекой прижался к суконному рукаву. Старый ординарец пятерней накрыл взлохмаченную голову мальчишки.

— Так оно. Знал... Да и мудрено было бы не знать. Каждое утро после умывания заново клеил ему родимое пятно...

Максим опять боязливо улыбнулся, потрогал на щеке под ухом свою родинку-восьмерку. Оторвал ее и бросил через плечо, в очаг. Будто сжег свою прежнюю роль...

И это как бы поставило точку всей истории. Каждый почувствовал облегчение. Начали опять рассказывать. Только поручик Дан-Райтарг остался непримирим. Садясь на чурбак, он отодвинул ногой гитару и сообщил остальным, что, когда вернется в столицу, подаст новому государю прошение об отставке.

— И этим обидите его, — заметил Рead.

Поручик сообщил, что себя он считает обиженным не в пример больше.

Рead пожал плечами:

— Но причем здесь юный король? Он-то наверняка ничего не знал о нашем походе.

— Значит, из него сделали такого же болванчика, как из нас!

— Господин поручик, — очень мягко сказал барон Рead. — Я понимаю ваше состояние, но тем не менее извольте выбирать слова, когда ведете речь о государе.

— Если вам не нравятся мои слова, барон, вы знаете, как разрешить наше несогласие.

С той же мягкостью Рead возразил:

— Я не имею права сейчас драться на дуэли, поручик. После гибели полковника я остался старшим по званию и, следовательно, являюсь командиром полка.

— Господи, какого полка! Полк — там, где знамя и основной состав!

— Вы же знаете, что знамя отдано на хранение в арсенал, составу объявлено о временном переводе в резерв, а полк — там, где его командир и выполняется генеральная задача.

— Задача, как мы убедились, выполнена.

— Отнюдь! Наше задание сформулировано однозначно: любой ценой доставить на ту сторону, в штаб добровольческой дивизии гимназиста Максима Шмеля. И никто не отдавал нам иного приказа.

— Да, но, наверно, мне уже незачем являться в дивизию, — вздохнул Максим. — Я слышал, что ниже по реке, за порогами, есть пристань Птичьи Поляны и буд-то бы оттуда ходят пароходы...

— Есть она такая пристань, — согласился капрал Максим Дзыга. — На левом берегу, в Малом Хельте. У меня там племянница живет, у нее муж помощник начальника в аккурат на этой пристани... Да тебе-то там что делать, Максимушка?

— Сяду на пароход и вернусь в столицу, к отцу.

— Там видно будет, — неопределенно откликнулся барон Рead. — Надо еще сперва переправиться.

— Разве я не могу теперь решать сам? — тревожно вскинулся Максим.

— Можете, конечно, — успокоил Рead. — Просто надо все обсудить. Я понимаю, вы соскучились по дому, по родителям...

Максим промолчал.

Поручик Дан-Райтарг сумрачно сказал издали:

— Не понимаю, как родители могли отпустить мальчишку на такое дело...

Максим медленно оглянулся.

— А как могли не отпустить? Я уже не маленький. Мамы у меня нет, а отец сказал: «Решай сам»... Ему было не до меня...

— Почему? — обиделся за Максима корнет Гарский.

— Потому что... только что женился второй раз, а тут из-за войны разорилась нотариальная контора, которой он управлял... А за меня ему, наверно, посулили немалые деньги.

Новое молчание было неловким. Всех, наверно, удивило (а может, и покорило), как прямо и без всякой любви мальчишка говорил об отце. А возможно, почуяли в словах его давнюю горечь. Но поручик Дан-Райтарг высказался с прежней бесцеремонностью:

— А лично вам что посулили, если не секрет?

— А я ничего не просил, — отозвался Максим без обиды.

— Что же заставило вас согласиться на опасное дело? — осторожно спросил Рead.

— Многое... — сказал Максим. — Да. Тут много причин... Ну, конечно хотелось приключений, как в книжках про войну. А еще я думал: если я сделаю э т о, ко мне перестанут придираться в гимназии. А то один раз чуть не исключили...

— Вы не похожи на нерадивого ученика, — заметил Рead.

— Там другое... А еще дома мне стало как-то... не так. Когда он женился... А главное то, что я думал: если я помогу спасти Дениса, это же будет удар по мятежникам! Верно? Значит, получится, что я отомстил за маму...

— А что случилось с вашей мамой? — тихо сказал Рead.

— В прошлом году она слегла с сердечным приступом. Нужен был доктор, очень срочно. Я побежал за ним, и мы заторопились к маме, но на улицах были баррикады мятежников. Их солдаты не хотели нас пускать, издевались над доктором, говорили, что шпион, расстрелять обещали... Ну, потом все же пропустили, но было поздно...

Рead подсел ближе.

— Максим... но, если дома вам несладко, зачем вы туда слезите?

— А куда деваться-то?

— Как куда? Вы же суб-корнет черных кирасир!

— Господи, ну какой я суб-корнет! Это же было парашке...

— А вот здесь вы крайне заблуждаетесь, — веско сообщил ротмистр Рead. — Вам командир полка официально присвоил это звание. И вы, кстати, доказали, что вполне достойны его... Лишить вас этого звания может по уставу лишь тот же командир. А если он погиб или ушел в отставку, то сделать это вправе лишь Великий герцог. То есть теперь уже король...

— А он, если это и сделает, то лишь затем, чтобы присвоить боле высокий чин, — подал голос Дан-Райтарг.

— Поручик, вы несносны! — подскочил корнет Гарский. — И если вам угодно...

— Да ничего мне, корнет, не угодно, и мысль свою я высказал без всякой подоплеки...

Реад, переждав перепалку, продолжал:

— Вы, Максим, имеете право на офицерское содержание и квартиру. И, поскольку вы не окончили образование, вас обязаны будут зачислить в военную гимназию. Но, конечно, не кадетом, а слушателем, на правах офицера...

— Да, но я не хочу быть военным, — тихо сказал Максим.

— Вот как? Жаль, — вздохнул Реад. — Мне кажется, вы были бы прекрасным офицером. Впрочем, звание в любом случае останется за вами, вы будете считаться в бессрочном отпуске. И кирасиры своими заботами не оставят вас, это их долг...

— Благодарю, — одними губами сказал Максим.

— А кем же вы хотите сделаться? — слегка ревниво спросил корнет Гарский. — Конечно, если это не тайна.

— Простите, корнет, но это как раз тайна, — неловко сказал Максим. — То есть... ну, я просто боюсь взглянуть.

— Тогда не надо, — быстро отозвался Гарский с тем пониманием, какое бывает у одного мальчишки к другому в окружении взрослых. Остальные негромко и необидно засмеялись.

3.

Тем временем наступили сумерки. Поручик Дан-Райтарг — в роли разводящего — повел в дубовую рощу смену караула, корнета Гарского и капрала Уш-Дана. Через минуту раздались три выстрела — сигнал особой тревоги. Кирасиры, схватив карабины, кинулись в рощу. И Максим кинулся — с револьвером полковника.

На поляне, в желтом свете фонарей, лежали с перерезанными горлами два прежних часовых — подпоручик Тан-Сальский и бывший ординарец полковника Фома Варуш. Лошадей не было.

Мигом заняли круговую оборону, дали залп в чащу (и Максим выстрелил), но лесная тьма ответила молчанием. Тогда в боевом порядке отошли, унося тела убитых. Распределили позиции у окон. Реад разделил всех (и Максима) на боевые вахты. У Максима от нервной встряски перестала болеть нога — когда бежал вместе с другими в рощу, хромал, но боли не чувствовал.

Теперь все изменилось — и в обстановке, и в состоянии душ — война.

Горько было и стыдно. Прозевали врага! К тому же, для кирасир потерять лошадей — почти то же самое, что потерять знамя. Особенно, когда лошади — любимые. Но в тысячу раз страшнее была гибель боевых товарищей. Если в походе, в стычках, это еще понятно, а сейчас, когда операция была уже завершена...

Барон Реад почернел лицом. Он понимал: полковник не простил бы такого поражения. Хотя, с другой стороны, в чем вина? Караул был выставлен по всем правилам. Противник оказался хитрее и коварнее, но это и понятно: повстанцы — жители гор и лесов, охотники и лазутчики, они умеют подбираться незаметно.

Впервые Реад подумал, что в этом деле полезнее был бы не офицерский отряд, а группа опытных егерей, при-

вычных к войне в лесной глуши. Но высшее начальство, видимо, рассудило, что гвардейская стойкость и неукоснительная верность офицерскому кодексу в данной операции более важны, нежели егерские навыки...

Впрочем, сейчас было не время для укоров и терзаний. Надо было думать про оборону. Каждый понимал, что скрытый по кустам и роще противник охватил дом широкой подковой. Не пробьешься. И проводников теперь ждать бессмысленно.

Путь к реке, через открытую поляну, оставался свободным, в темноте нетрудно было добраться до воды, без лошадей-то. Но попытка переправы через вздувшийся стремительный Хамазл была бы равна самоубийству. Враг понимал это и не стал блокировать дом со стороны берега.

Погасили очаг и фонари, чтобы окна не светились, не служили мишенью (лишь слабый потайной фонарик тлел в углу).

Сколько они продержатся? Патронов почти не осталось, провизии тоже. На быструю помощь с той стороны надежды не было. И врагам, если их немало, утром не составит труда взять приступом последнее убежище кирасир. Особенно, если у них, у врагов, есть орудие...

Все было неясно. Все было хуже некуда. И оставалось одно: держаться до конца, а затем погибнуть достойно, не уронив чести гвардейского полка. Если не случится чуда. Но откуда оно возьмется, чудо-то?

Это понимали все. И Максим. И он удивлялся, что почти не боится. Лишь временами тоскливо, но не сильно сосало под сердцем.

Он занял место рядом с капралом Гохом у выбитого окна, где поставили одну скорострелку. Задача суб-корнета была во время стрельбы ровно и непрерывно подавать в щель казенной части патронную ленту.

Ствол скорострелки был направлен во тьму. Из тьмы в окно залетал ветер. Он был теплый, пахнувший дубовой листвой. Подымал в погашенном очаге неостывший еще пепел.

— Прошу всех быть предельно внимательными, — сказал со своего места Рead, хотя ясно было, что противник едва ли пойдет в атаку до рассвета.

Тьма была непроглядная.

Потом в этой тьме мигнул и описал два круга огонек. Фонарь. По нему сразу ударили несколько карабинов. Когда перестало звенеть в ушах, Максим услышал издали:

— Эй, не стреляйте! Примите парламентаря!

— Не стрелять, — сказал Рead. И крикнул во тьму:

— Хорошо! Один человек и без оружия!

— Ждите!

Через минуту послышались шелестящие шаги. Корнет Гарский оттянул на себя тяжелую дверь, на нее направили луч. В проеме возник высокий человек.

Это был типичный повстанец-южанин: курчавый, с тонким носом и темной щетинистой бородкой, с бровями вразлет. В узкой черной одежде и замшевой безрукавке. Но акцента никто не различил, когда незнакомец негромко и буднично сказал с порога:

— Здравствуйте, господа. Честь имею представиться: горный полковник Док-Чорох.

— Садитесь, полковник, — тем же тоном отозвался Рead. И парламентарю подвинули невысокий чурбак Док-Чорох сел. Рead — напротив.

— Слушаю вас, полковник.

— Господа. Отдавая дань вашему военному искусству и храбрости, я все же должен сказать: эту партию вы проиграли. Не так ли?

— Мы пока не видим проигрыша, — возразил Рead

— Свое положение вы знаете не хуже меня. Пути через реку нет. Блокада наша крепкая. В пешем строю вам не пробиться, а коней у вас... Что делать, таковы превратности войны. А в этом блоктаузе вы не продержитесь и часа. У нас две горные пушки.

— Ну — и... — сказал Рead.

— Предлагаю, господа, вполне разумный выход. Его высочество станет гостем в нашем лагере, а вы получите возможность вернуться в свое расположение. На конях. Безопасность гарантирую...

Стало тихо. В этой тишине совсем по-мальчишечьи фыркнул насмешливо корнет Гарский.

Барон Рead сказал неторопливо и утомленно:

— Делая это предложение, полковник, вы уже увидели ответ, не правда ли?

— Не торопитесь, барон. Советую подумать.

— Вы меня знаете?

— Я помню вас по военному факультету. Вы учились на три курса младше... Неисповедимы пути наши...

— Да... Но как выпускник этого факультета, вы тем более должны понимать, что ваше предложение — не для гвардейцев. И вообще не для порядочных людей...

— Всякие люди, даже порядочные, хотят жить, барон. И прежде всего мальчик. У него почти нет шансов уцелеть в случае нашего штурма. Он ведь не станет отсиживаться в подвале... И в любом случае — живым или мертвым — его высочество окажется у нас. Таким образом, ваша задача все равно не будет выполнена. Вы, конечно, погибнув, сохраните честь, но... увы, не совсем. Гибель наследника будет на вашей совести.

— А не на вашей? — сказал со своего места Максим.

— Нет, ваше высочество. Мы вашу безопасность гарантируем полностью. Если вы любезно согласитесь пожаловать к нам...

Рead помолчал, видимо, принимая решение. И сообщил:

— Вынужден огорчить вас, полковник. Суб-корнет Шмель, которого вы видите среди нас, не герцог. Наследник уже занял законное место в столице. Если вы доберетесь до ближайшего городка, сможете купить газеты и прочитать о коронации. А одну могу подарить прямо здесь... Так что вы неверно оцениваете ситуацию. Отвлекая противника от настоящего наследника, мы все же выполнили задачу. И ваша блокада теперь бессмысленна.

Горный полковник Док-Чорох не потерял невозмутимости.

— Мы знаем о коронации. И знаем также, что это неуклюжая хитрость нового столичного правительства. Наш долг — возвести на престол настоящего монарха, которого мы и просим быть с нами... Не понимаю

вашего упорства, барон. В конце концов, у нас одна цель.

— Вы полагаете?

— Да. И я надеюсь, вы придете к тому же выводу. Только прошу учесть, что времени у вас до восхода, а восходы нынче ранние... Честь имею... — Он встал.

— Не имеете вы чести, — вдруг звонко сказал Максим.

— Отчего же, принц?

— Вы бандиты. Напали тайком, перерезали горла...

— Это не бандитизм, принц, а жестокая практика боевых действий. А ля гер ком а ля гер, — как говорят просвещенные французы... До встречи, ваше высочество... виноват, ваше королевское величество в о. — И, согнувшись, он ушел в черный дверной проем.

Рead встал.

— Слушать внимательно. Не исключено, что они не станут ждать рассвета... Поручик Дан-Райтарг, смените на крыше часового у скорострелки, ровный ветер навевает сонливость...

— Слушаю, барон... Хотя едва ли стоит опасаться ночной атаки. Горный полковник сказал «время до восхода», а он кажется человеком слова.

— И тем не менее...

— Слушаю, господин ротмистр... — Рай поднялся по внутренней лестнице в люк, а Максим сказал от окна: — Господин барон...

— Да, Максим, — отозвался тот с непривычной ласковостью.

— А может быть, правда...

— Что?

— Может, мне... пойти к ним? Ну, что они мне сделают? Убедятся, что я не тот, и отпустят... А вы все вернетесь в столицу.

— С какими лицами! — вскинулся корнет Гарский. — Вы забыли, суб-корнет, о гвардейской чести! Отдать своего товарища в руки врага!

— Отдать, чтобы спасти, — вмешался молчаливый поручик Тай-Муш. — Честь честью, но когда речь идет о жизни мальчика, надо думать прежде всего о ней. Почему ребенок... извините, Максим... почему он должен расплачиваться жизнью за кровавые игры взрослых людей?

— Вы уверены, что там он не расплатится? — вздохнул Рead.

— Этот полковник... он же гарантировал, — напомнил Максим.

— Допустим, — кивнул Рead. — Полковник Док-Чорох действительно производит впечатление человека слова. Но... он может держать слово, пока жив. Его соратники не остановятся ни перед чем, если... им нужен будет труп наследника.

— Но я же не Денис! Зачем им убивать меня?!

— Да потому, что мертвый вы им нужны больше, чем живой! Мертвый вы не будете твердить «я не тот», «я не он». Ваше тело сфотографируют, найдут людей, которые опознают в вас юного короля! Вас торжественно похоронят, сделают из вашего имени знамя и кинутся на столицу свергать «самозванца»! Такое уже бывало не раз... — Барон прекрасно знал историю.

И Максим больше не спорил. Умирать, так уж среди своих.

А как это «умирать»? Наверно, погрузиться вот в такую же тьму, как за окном? И ничего не чувствовать, ничего не думать? Или... все же есть другие миры, куда после смерти уходит душа?

Он и раньше думал про такое, но так, между делом, без большой боязни. А теперь это подошло вплотную. И Максима потрянула сильная дрожь. Кто-то подошел сзади, накинул на него палатку. Наверно, решили, что мальчишка дрожит от ветра. А ветер-то был теплый!

А палатка была легкая, офицерская, из плотной, но очень легкой шелковистой ткани. Еще в походе Максим думал не раз: «Вырезать бы из ткани кусок, натянуть на длинные скрещенные распорки...»

Вырезать... Натянуть...

— Господин барон! Подойдите, пожалуйста! Я хочу что-то сказать... — Сам он не решился оставить пост у окна, да и нога опять болела.

— Что, Максим? — Реад склонился над мальчиком.

— Господин барон, я хочу признаться. За что меня чуть не выгнали из гимназии. Мы с мальчиками сделали из простыней и реек большой змей, и я поднялся на нем в воздух. И пролетел сотню саженей...

4.

Согласились, конечно, не сразу. Сперва Реад сказал, что это безумие. Даже если Максим и взлетит, то разобьется наверняка.

— Не разобьюсь! Ну... не наверняка! По крайней мере, это шанс! Все равно мы все... на краю...

— А ведь мальчик прав, — заметил рассудительный Тай-Муш. — Это действительно шанс уцелеть. Пусть спасется хотя бы он...

— Да вы что! — заполохал возмущением Максим. — Вы думаете, я это для себя? Я шнуром от змея перетяну на тот берег канат. Здесь есть в кладовке несколько мотков, я видел!.. Я его привяжу там, и вы по канату — за мной! Если пристегнетесь поясами, можно переправиться, вода не сорвет...

— А если вы разобьетесь, как мы посмотрим в глаза людям? — запальчиво сказал корнет Гарский.

— Тогда вы никому не посмотрите, — жестко напомнил Максим. — Все ляжете здесь.

Как бывает в самых решительных случаях, проголосовали. Все — и офицеры, и унтеры. Все были за полет. Потому что, возможно, это как раз то чудо, на которое теплилась надежда.

...В кладовой с брошеным рыбацким хозяйством нашлось все, что нужно. Легкие бамбуковые шесты для сетей, клубки тонкого прочного шнура (из таких вяжут неводы), две бухты пенькового троса в дюйм толщиной. Нашлись даже маленькие кольца непонятного назначения. Их можно было надеть на канат для скольжения — и уже к ним пристегнуться ремнями.

Завесили палатками окна, засветили два фонаря, начали вязать каркас, похожий на трехметровую букву Х с перекладиной. Натянули прямоугольник палаточной ткани. Надо было бы для прочности подшить края, да

некогда. Ладно, для короткого перелета сойдет и так...

Сделали узду, прикрепили к ней шнур. Максим сам привязал к нижним концам распорок пятиметровый канатный хвост — чтобы не опрокинуло в полете.

— Вы думаете, эта конструкция поднимет вас? — осторожно спросил Реад.

— Да! Я умею облегчать свой вес! Спросите Филиппа! Когда он нес меня с пораненной ногой, я нарочно делался легче!

— Было такое, — кивнул капрал Дзыга. — Говорит: «Тяжело тебе, Филипп? Сейчас полегчаю». И правда...

Реад, Филипп и корнет Гарский (человек, помнивший недавнее детство и запускание змеев) неслышно вынесли конструкцию через дверь (еле пролезла). Тихо понесли к воде. Было нелегко: ветер нажимал на громадный змей, как на парус, едва удерживали. Хвост цеплялся за траву. Корнет Гарский цедил сквозь зубы школьные ругательства.

Враг, видимо, ничего не подозревал.

Вода вблизи уже не шумела, а трубила. Пена мутно светилась в темноте. В небе клочьями мрака летели через реку облака. Змей поставили на нижний край. Максим, морщась, вставил забинтованную ступню в веревочную петлю. Просунул в такие же петли кисти рук, вцепился в распорки.

— Натяните шнур и держите втроем. Когда поднимусь, начинайте отпускать, но не быстро, чтобы шнур был натянут. А когда отмотаются сто саженей, быстро ослабьте и я там опускаюсь...

Шнур был отмерен заранее.

— Если окажетесь в воде, ни в коем случае не отпускаясь, мы вас вытянем, — сказал Реад.

— Ладно... Не окажусь я в воде. Только делайте все правильно... Вы готовы?

— Да, — отрывисто сказал Реад.

— Храни тебя Господь, птаха, — шепнул Максимушке Филипп.

— Натяните шнур! Еще... — Максим толкнулся здоровой ногой, и змей ровно взмыл на несколько саженей. У Максима все ухнуло внутри.

Змей косо пошел в высоту, оказался над водой, влажный воздух и водяная пыль ударили Максима по ногам. Он задержал правой ногой, стараясь поймать ею петлю, не сумел. Крутнуло, понесло... Еще. Еще... Не заорать бы... Он-то думал, что сможет управлять, а тут... Господи, когда это кончится?!

Змей остановил полет, задрожал в потоках воздуха на месте. Но не спускался. «Мама... Я не знал, что это такая жуть!»

— Да ослабьте же шнур! — завопил Максим, хотя это было бесполезно. Кто услышит сквозь гул воды?

Не услышали, но сообразили. Змей быстро пошел вниз. Углом врезался в траву, захрустел. Максима с маху ударило о землю и узловатые корни. В недавно пострадавшей ноге взорвалась новая боль. Максим заплакал.

Но, плача, он помнил о главном: не упустить шнур. Складным ножом отрезал его от узды, намотал на крепкий, торчащий из травы корень. Потом дернул три раза: я жив, привязывайте канат. Натянувшийся шнур задержался. Видать, привязывали.

А нога болела нестерпимо.

Шнур дернули сильнее, чем прежде, три раза подряд: тяните, суб-корнет...

Тянуть было нелегко. Тонкий шнур отчаянно резал ладони. Тяжелый канат не хотел двигаться через бурлящие потоки. Максим будто вытягивал из реки упрямую лошадь.

И когда уже совсем не было сил, кто-то перехватил шнур, шепотом сказал у плеча:

— Держись. Давай вместе...

По шепоту, по дыханию Максим понял: мальчик. Той же, как он сам. Затеплел от благодарности и всхлипнул:

— Ты кто?

— Гель. Проводник... Должен был просигнализировать, где брод.

— Теперь уже не нужен проводник, — опять всхлипнул Максим. — Они нас взяли там... со всех сторон...

— Я понял, когда услышал стрельбу.

— А что, — продолжая тянуть, не сдержал укора Максим, — не могли послать сюда людей побольше?

Он имел в виду: побольше числом. А мальчик, видимо, понял: постарше.

— Взрослые не могут...

— Не захотели, да? — со слезами прошептал Максим. — Узнали, что я ненастоящий, да?

— Не в том дело, — сквозь частое дыхание сказал маленький проводник Гель. — Здесь такая степь... Не пускает взрослых, путает дороги. Будто не хочет, чтобы кто-нибудь воевал. Будто устала от всех...

Мокрый канат пришел наконец в их изрезанные ладони. Вдвоем они поволокли его к одинокому ясеню (Гель указывал дорогу), обмотали вокруг ствола, затянули узел. Тремя рывками Максим послал кирасирам новый сигнал.

И потом они с Гелем долго стояли у ясеня, трогая натянувшиеся пеньковые пряди и ощущая движение борющихся с водой людей.

Первым выбрался корнет Гарский. За ним стали появляться другие. Мокрые, злые и веселые. Порой ругались совсем не по-гвардейски. Но каждый шепотом говорил что-то хорошее Максиму. И мальчику Гелю — когда узнавали, что помощник.

Перетянули завернутые в брезент тела погибших. На той стороне остались теперь только барон Рead и поручик Дан-Райтарг.

Когда стали переправляться и они, противник что-то почувал: поднялась стрельба. Барон выбрался благополучно, а поручика вытащили с пулей в плече. Он ругался вслух. Не столько из-за раны, сколько из-за того, что другой пулей расщепило гриф привязанной к плечу гитары.

Пули посвистывали над берегом. Кирасиры и Гель залегли. Но скоро стрельба стихла. Видимо, люди горного полковника Док-Чороха поняли, что добыча ушла безвозвратно. Чего же зря тратить патроны.

Начался мутно-серый рассвет.

Все отошли дальше от берега, за чашу дубняка. Убитых оставили в этой чаше, чтобы потом вернуться, увести их и похоронить достойно.

— А степь пустит? — шепотом спросил Максим у Геля.

— За ними пустит...

При свете утра Гель оказался белоголовым, тонким и невысоким, помладше Максима. Одет был, как мальчишка из бедной рыбацкой деревни: в разлохмаченных у щиколоток штанах и рваной вязаной безрукавке. Но говорил по-городскому — точно и правильно, не хуже любого гимназиста. Потом оказалось — сын речного капитана, который был теперь среди офицеров добровольческой дивизии.

Из разбитого змея сделали носилки для Дан-Райтарга. Тот говорил, что рана пустяковая и он может идти сам, но какое уж «сам».

Когда встало солнце, двинулись через степь. Гель шел впереди и Максим рядом с ним. Сильно хромал, опираясь на саблю в ножнах, как на костыль. Филипп хотел взять его на руки, но тот — ни в какую. Шли медленно, без дороги, через траву, и шустрые кузнечики то и дело прыскали возле ног.

— А я умею дрессировать их, — сказал Гель Максиму.

— Покажешь?

— Ладно... А ты покажешь, как летать на змее?

— Ох, Гель... Я не знаю, получится ли снова.

— Но говорят, ты поднимался уже два раза.

— Гель... ты только не выдавай меня. Я наврал про первый раз, когда в гимназии. Там скандал был совсем из-за другого. Я назвал одного учителя ржавой поварешкой... А нынче ночью, на берегу... ну, просто не было выхода.

Через версту отряд кирасир был встречен разъездом добровольцев.

5.

А дальше было много всего, но уже без всяких опасностей и крови.

Несколько дней провели в лагере дивизии. Суб-корнету Шмелю быстро сшили новую форму. Но он надел ее только однажды, когда хоронили подпоручика Тан-Сальского и капрала Варуша. А после бегал в своем потрепанном матросском костюме. Бегал (все еще прихрамывая) вместе с новым приятелем Гелем, который открывал ему тайны загадочной степи. Той, что не пускала взрослых.

Однажды Максима позвали в госпитальную палатку. Там одиноко лежал поручик Дан-Райтарг. Морщась, улынулся:

— Что, суб-корнет, догоняете чуть не сбежавшее детство?

— Ага, — сказал Максим без обиды.

— А я вот... Это, наверно, расплата за мои необдуманные слова там, в доме на берегу... Не обижайтесь на меня, Максим.

— Да что вы, Рай! Я... знаете что? Можно я подарю вам новую гитару, когда поправитесь?

— Приму с душевной радостью. Только... вот будет ли работать как прежде рука...

— Будет! Не сомневайтесь!

— А вы... мне почему-то это очень любопытно... правда умеете уменьшать свой вес?

— Да. Если это очень надо. Когда поправитесь, я

докажу. Вы возьмете меня на руки и вдруг почувствуете, что я стал в три раза легче!

Руку поручику Дан-Райтаргу и правда вылечили. И он вместе с другими уцелевшими кирасирами вернулся в столицу. Полк черных кирасир был сформирован заново, и командиром назначили Реада.

Но Максим Шмель не вернулся в столицу с остальными. Он остался в Малом Хельте и жил то в семье мальчика Геля, то с Филиппом Дзыгой, в доме капральской племянницы и ее мужа. На пристани в городке Бай-Отт. Филипп тоже остался здесь. Он испросил у Реада отставку, и тот подписал ее (он имел на это право). Филипп сказал, что не претендует ни на третью Звезду, ни на дворянство, а будет служить на пристани сторожем и следить, чтобы «этот сорванец не свернул себе шею, когда носится по плотам и старым баржам со своим приятелем, таким же неслухом. И чтобы исправно учил уроки, когда пойдет в местную школу».

Впрочем, до школы случился еще ряд событий. Из Большого Хельта прибыл майор Генерального штаба со свитой и просил «господина суб-корнета» прибыть в столицу по личному приглашению его королевского величества.

Максим (что делать-то!) прибыл. И были торжественные встречи, и чин поручика черных кирасир, а также лейтенанта личной королевской лейб-гвардии. И орден «За особые заслуги» с серебряными мечами. И офицерский банкет в «своем» полку. И, конечно, встреча с отцом и его супругой, которая (встреча) прошла с положенным числом улыбок и объятий.

А еще были встречи с его величеством Денисом Первым, ровесником Максима. Непротоколные встречи. Несколько раз Денис и Максим забирались в королевском кабинете и разговаривали там по несколько часов. Никого к себе не пускали, только требовали иногда «чего-нибудь пожевать».

— Ваше величество, вас ожидают представители парламентских фракций! — со стоном взывал иногда у запертых дверей государственный канцлер. — Государь, вам необходимо быть на встрече с послом Юрландии...

— Сообщите им, что я нездоров.

— В таком случае дайте соизволение пригласить к вам врача.

— Ага, только шляпу зашнурую... — отзывался через дверь король Большого Хельта.

О чем говорили два похожих друг на друга мальчика? О государственных делах? О хитрых конструкциях воздушных змеев? О своих приключениях? О том, какие вредные бывают учителя?.. О том, как плохо без мамы? Ее высочество Великая герцогиня Анна-Елизавета два месяца назад скончалась в Сонорре от жестокой южной лихорадки. А сестренки Дениса все еще жили там, за границей...

Наверно, юный король уговаривал Максима остаться в столице.

Но Максим не остался. Он вернулся на левый берег реки Хамазл, в городок Бай-Отт. И стал жить у Филиппа Дзыги (которому, кстати, привез от короля патенты на все положенные награды, звания и льготы).

Иногда Максим и Гель на несколько суток уходили в недоступную взрослым степь и жили там по-индейски. В такие дни отставной капрал не находил себе места. Но мальчишки возвращались в назначенный срок — загорелые, исцарапанные и счастливые.

Гораздо больше тревог появилось у Филиппа осенью. Максим поступил не в простую школу, а в частное училище авиаторов, которое открыли в Бай-Отте два смелых конструктора летательных аппаратов. Мальчика взяли в курсанты в виде исключения — знали про его ночной полет над бурной рекой и прочие заслуги...

С той поры Максим был счастлив. Лишь одно горькое событие еще раз ворвалось в его жизнь. В ноябре телеграф сообщил, что в столице неизвестными террористами убит юный король. Максим долго плакал взаперти и неделю не ходил в училище. Гель, как мог, утешал друга и уговаривал все же не пропускать занятий, а то исключат. Сам Гель не стремился стать летчиком, он хотел сделаться капитаном парохода.

Убийц Дениса Первого, конечно, не нашли. Конечно, объявили его мучеником, повсюду поставили памятники, и разные партии, которые воевали друг с другом, сделали его своим знаменем. То есть государственная жизнь Большого Хельта пошла как обычно.

Максима, разумеется, не исключили из училища. И весной он в числе нескольких курсантов-отличников первый раз поднялся в воздух на аэроплане тогдашней конструкции. Это была птица из ткани и реек, которая трепетала в потоках воздуха, как воздушный змей. Максиму тогда не было еще четырнадцать лет...

Дальше следы юного пилота теряются. По одним сведениям, он стал прекрасным авиатором и участвовал в перелете эскадрильи «L-5» через южную Атлантику. Но, возможно, это был другой Шмель. Потому что иные источники утверждают: тем летом, через три месяца после первого воздушного старта, юный курсант Максим не вернулся из тренировочного полета. Аэроплан ушел в сторону Безлюдной степи. И потом не нашли никаких следов — ни летчика, ни аппарата. Появились слухи, что Максим не погиб, а улетел в дальние края, которые называются Закрытые пространства. Это вроде Безлюдной степи, только дальше и недоступнее. И все это похоже на правду, потому что юнга речного флота Гель не очень горевал об исчезнувшем друге.

Среди школьников Малого и Большого Хельта появилась легенда, что Максим Шмель навсегда остался мальчишкой, потому что время в тех пространствах не подчиняется привычным законам. И что, если с кем-то случается беда, юный летчик может прилететь на помощь. Надо только знать особый сигнал, чтобы позвать его...»

Окончание в следующем номере.

ИТОГИ КИНОВЕКА

Ну никак не удержатся эти СМИ от громких акций. Вот, например, британская корпорация BBC опубликовала итоги проведенного среди своих зрителей опроса на тему лучших ФИЛЬМОВ ВЕКА. И это при том, что еще целый год нам всем предстоит смотреть новые и новые кинофильмы, созданные в двадцатом веке.

Но да пусть эта ошибка с определением конца столетия останется на совести недобросовестных теледельцов, а мы все-таки полюбопытствуем на результаты опроса.

Итак. Не думаю, что для кого-то стало большой неожиданностью **первое место «Звездных войн»** (фильм режиссера Д. Лукаса был создан в 1977 году). Повторный прокат этой картины наверняка не только освежил память кинолюбителям, но и добавил очков в копилку фантастического блокбастера при голосовании. Bravo, фантастика!

Второе место — «Бегущий по лезвию бритвы» (Р. Скотт, 1982).

А вот это уже похоже на сенсацию. Ведь фантастический фильм, снятый по мотивам романа Ф. Дика, всегда считался культовым (а значит, любимым всего лишь в каком-то определенном кругу). И тем более — bravo, фантастика!

На **третье призовое место** вполне заслуженно попала классическая, трижды оscarоносная **мелодрама «Касабланка»** (М. Кертис, 1942).

Четвертое место — «Чужой» (опять Р. Скотт, 1979). Bravo, фантастика!

И, наконец, **пятое место — «Звездные войны. Призрачная угроза»** (все тот же Д. Лукас, 1999). Меньше года этому фильму, а кинолюбители уже записали его в классику. Bravo, фантастика!

Не правда ли, впечатляет поступь фантастических киношедевров. Но это и не удивительно. Сказка, которую предлагают кинематографисты от фантастики, ярче, интереснее и захватывающе, чем даже триллеры и детективы. Эта сказка способна заставить своих зрителей переживать ничуть не меньше, чем зрителей тех же мелодрам. В общем, фантастика — это просто определение кино. И этим все сказано.

А что же Россия? Скорее всего, российский зритель недалеко

ушел от западного собрата, вернее, он уже догнал его. И пятёрка, составленная по итогам опроса отечественных кинолюбителей, тоже, судя по всему, содержала бы в себе три-четыре фантастических фильма. Кто знает, может уже какой-нибудь расторопный журнал или газета, или телеканал уже опрашивают россиян, и скоро мы узнаем новые пятёрки, новые десятки и новые сотни «лучших фильмов века». Что ж, еще раз простим им их невежество — и просто полюбопытствуем: каковы же вкусы наших сограждан...

КОНКУРС

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

КОНКУРС

Дерзайте вы, писатели-фантасты и художники будущего, открыватели новых, невероятных миров, похитатели Вселенной, изыскатели души человеческой!

Журнал «Уральский следопыт» объявляет о начале литературного конкурса

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

а также объявляет о том, что отныне этот конкурс будет ежегодным.

К рассмотрению принимаются фантастические рассказы и рисунки студентов, школьников, а

если такое возможно, то и дошкольников тоже.

В жюри конкурса входят сотрудники журнала «Уральский следопыт».

Главным призом победителю писателю и победителю-художнику будет публикация на страницах одного из самых популярных журналов - «Уральского следопыта». Однако этим организаторы конкурса не ограничиваются. Самые интересные рассказы и рисунки будут опубликованы в итоговом сборнике.

Подведение промежуточных итогов конкурса пройдет в последних числах марта на фестивале фантастики «Аэлита-2000», куда уже приглашены самые известные и самые популярные российские писатели-фантасты: Кир Булычев, Владислав Крапивин, Сергей Лукьяненко, другие.

Окончательные результаты будут объявлены в конце мая.

Свои работы присылайте по адресу: 620142 г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67. На конкурс ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

ФЭНДОМ-ИСТОРИИ

Много забавного происходит на фестивалях фантастики, а иной раз и в поезде по пути туда или обратно. всё это сразу становится фэновским фольклором, чтобы со временем попасть на страницы фэнзинов и журналов. Сегодня мы представляем анекдоты из фэнзина **СТРАЖ-ПТИЦА** (редакторы Н. Горнов и А. Диденко).

***

Однажды красноярский писатель М. Успенский, получив приз «Бронзовая Улитка», посетовал: «От нас из Сибири цветные металлы вывозят эшелонами, а возвращать приходится малыми партиями».

***

Киевский писатель Б. Штерн заснул в баре. Один из охранников узнал, в каком номере он живёт, бережно взял Бориса Гедальевича на плечо, отнёс на третий этаж и заботливо уложил в кровать. При этом тот не сопротивлялся, а тут же уснул. Каково же было удивление охранника, когда, спустившись в бар, он обнаружил Штерна спящим в том же самом кресле, в той же самой позе.

Вот это фантастика!

***

Как-то вечером вышли белорусские писатели Брайдер и Чадович на улицу. Смотрят — осадки.

— Снег, — сказал Чадович.

— Дождь, — поправил его Брайдер.

— Да, — согласился Чадович. — Но очень пушистый.

***

Утром в первый день конвента Б. Штерн спускается в бар подходит к стойке и говорит:

— Мне сто пятьдесят грамм, пожалуйста.

Барменша смотрит на него радостно и уточняет:

— Мороженого?

Продолжительная немая пауза...

Утром в последний день конвента заходит в бар москвич Кумок и хочет съесть мороженого.

— Мне сто пятьдесят грамм...

— Чего? — сразу же интересуется барменша.

— Мороженого.

— А мороженого уже нет.

Наверное, Штерн всё съел...

***

Писатель А. Саломатов только на Интерпрессконе познакомился с Б. Стругацким. Когда их представили друг другу, Андрей пожал протянутую руку и сообщил мэтру:

— Много о вас слышал...

***

Как-то вечером Борис Стругацкий подошёл к лифту, нажал на кнопку вызова и стал ждать. Лифт подъехал, двери открываются, а там А. Чертков. Ну совершенно никакой. Но мэтра он узнал сразу и даже вежливо поинтересовался:

— Борис Натанович, вам вверх или вниз?

— Вниз.

И тогда вежливый Чертков нажал на кнопку «1 этаж» и уехал, оставив растерянного писателя на площадке перед лифтом.

Наутро, когда Черткову рассказали эту историю, он долго не мог поверить. Но потом всё же решил разузнать у Бориса Натановича. На вопрос Черткова мэтр только развёл руками: «С кем не бывает, Андрюша...»

***

Питерский писатель А. Измайлов как-то зашел в туалет по малой нужде, держа в руках бокал с пивом, стал возле писсуара, задумчиво посмотрел на него и со словами «Зачем этот долгий и мучительный процесс?» вылил содержимое бокала и ушел.

***

«Какие они там все уроды!» — К такому выводу пришел московский фэн А. Синецын, побывав на Уолдконе в Глазго. «Иду я по гостинице с пивом в руках, спотыкаюсь и обливаю четверых беседующих о чем-то фэнов. Причем все четверо сказали мне: «Sorry!»

***

Во время Уолдкона в Глазго лигагент А. Корженевский решил купить в баре бокал темного пива. В это время сзади подошёл Синецын и высказал Корженевскому всё, что он думает о нём и об английском темном пиве. Причем об английском темном пиве он думал в основном в нецензурных выражениях. Бармен, не понимающий русского, внимательно прислушивался к беседе двух фэнов и когда они закончили, обратился к Синецыну, сообразив, что речь идёт о пиве:

— More dark?

На что Синецын вполне резонно ответил ему:

— Сам мудака!!!

Бармен же улыбнулся и одобряюще сказал:

— О-о!

И налил Синецыну бокал не очень темного пива, так как по-английски фраза, сказанная Синецыным, именно это и означала (some more dark). Присутствовавший при этом диалоге Корженевский попросту сполз по стенке с бокалом темного пива в руке.

***

Ночь. Поезд. Около четырех утра один из фэнов-сибиряков срочно захотел по малой нужде. Встал, подошел к двери, взялся за ручку и... Ручка осталась у него в руках. Дверь открыть невозможно. А очень хочется. Фэн в полной растерянности, и вдруг дверь открывается, на пороге стоит полностью одетый, улыбающийся московский критик Е. Харитонов и спрашивает: «Что, какие-то проблемы?» Фэну же не до разговоров, он молча бежит в туалет. Через некоторое время спокойно возвращается, захлопывает дверь, а ручку кое-как приделывает на место.

Около пяти утра с той же самой целью просыпается новосибирский писатель Г. Прашкевич, уверенно подходит к двери, берется за ручку и... Та же история: ручка в руках, дверь закрыта, а очень хочется. Понимая, что дверь ему не открыть, Прашкевич будит абаканца В. Борисова:

— Влад, я уже не могу, а тут дверь закрыта...

Все попытки открыть дверь вдвоем также ни к чему не приводят. Тут Влад вдруг понимает, что он уже тоже не может, хотя еще пять минут назад спал и вполне мог... И тогда он начинает стучать в стенки соседних купе, чтобы привлечь внимание к своему бедственному положению. Но никто на стук и крики не обращает внимание.

И вдруг через некоторое время дверь открывается, на пороге стоит полностью одетый, улыбающийся Е. Харитонов и радостно спрашивает: «Что, у вас какие-то проблемы?» Но Прашкевич с Борисовым молча бегут в туалет...

АЭЛИТА — 81

Это просто фантастика

поколение, достигшее цели

На сцене справа — В. Крапивин. Внизу: Приз «Аэлита» вручается А. Казанцеву, рядом — А. Стругацкий.

Очередь. Без комментариев.

КОНТАКТ

А. Стругацкий и А. Казанцев

Момент истины. Представителей «соперничающих миров», чуждых «рас», несовместимых мировоззрений свел вместе свердловский фестиваль. И заставил улыбаться друг другу.

люди как боги

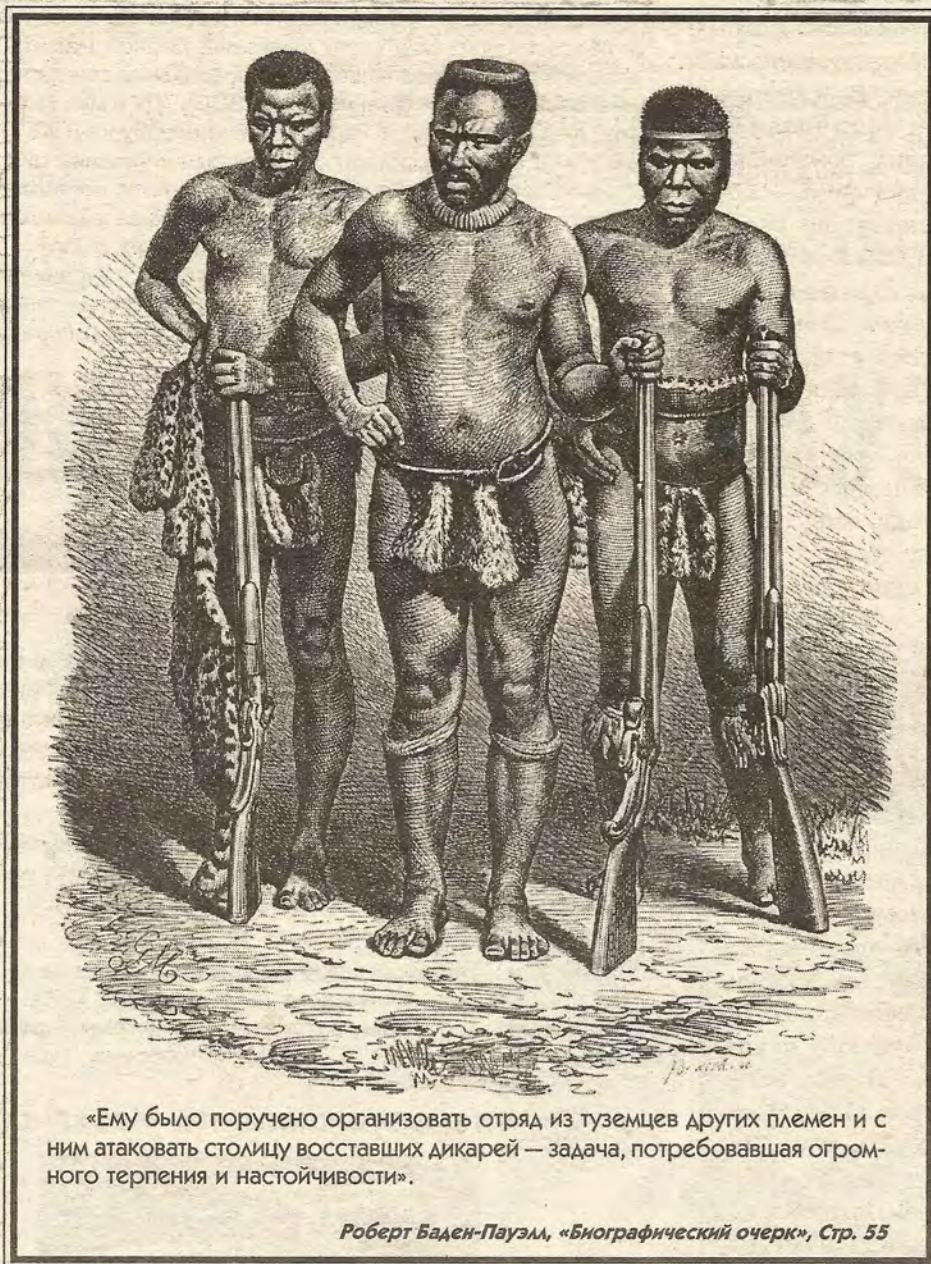
А. Стругацкий

Объектив не умеет лгать. Вот оно — документальное свидетельство поклонения писателю, олицетворяющему ум, честь и совесть эпохи.

Фотографии А. Нагибина и В. Коблова

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

«Ему было поручено организовать отряд из туземцев других племен и с ним атаковать столицу восставших дикарей — задача, потребовавшая огромного терпения и настойчивости».

Роберт Баден-Пауэлл, «Биографический очерк», Стр. 55

СОДЕРЖАНИЕ РАЗДЕЛА:

Новости	стр. 54
Роберт Баден-Пауэлл (биографический очерк)	стр. 55
5 лет школе скалолазов	стр. 65
Валерий ПЕРШИН. «Непокоренный восьмимысячник»	стр. 68
Михаил АЗЁРНЫЙ. «Каких-то сто лет...»	стр. 70
Геннадий ЧЕУРИН. «Костёр» (школа выживания)	стр. 77
Экологическая страничка	стр. 78

**О ПИОНЕРАХ И
СКАУТАХ**

Не будем спорить, обвинять и критиковать. История уже все расставила по своим местам. Всесоюзная пионерская организация им. В.И.Ленина, рожденная (если быть честными — позаимствованная) по велению партии большевиков в 1922 году и охватившая в свое время около 25 млн. советских детей и подростков, рассыпалась и ушла в прошлое. А скаутские детские и юношеские организации, возникнув впервые в Англии в 1907 году, живут в более чем ста странах мира поныне и, судя по всему, будут жить еще долго. Почему?

Не будем спорить и навешивать ярлыки «пробуржуазный» или «прокоммунистический». Оставим это политикам. В конце-концов дети сами выбирают то, что им нужно и интересно. Так уже случилось однажды, когда в 1908 году генерал-майор британских колониальных войск в отставке, герой англо-бурской войны Роберт Баден-Пауэлл впервые издал свою книгу «Скаутинг для мальчиков». Через пять лет он стал кумиром, учителем, другом и наставником для семисот тысяч девочек и мальчишек, а сегодня для 20 миллионов бой- и герлскаутов всего мира. Они полюбили его тогда и любят теперь. Почему?

Не будем спорить...

Благотворительный фонд «Дети России» (Президент — Андрей Козицын), учрежденный в ноябре 1999 года в г. Екатеринбурге по инициативе «Союза предприятий металлургического комплекса Свердловской области», объявил о своей поддержке российского детского и подросткового скаутского движения. Первой масштабной акцией фонда в этом направлении станет проведение совместно с межрегиональной скаутской организацией «ВОСХОД» в мае этого года открытого фестиваля скаутов России в г. Екатеринбурге и его окрестностях. «ВОСХОД» (Всероссийская Национальная Организация Скаутов) — одна из трех, действующих в России скаутских организаций — объединяет сегодня более 4000 молодых скаутов-разведчиков и около 200 скаут-руководителей и инструкторов скаутских групп. В рамках подготовки к фестивалю планируется издание известной во всем мире книги основателя скаутского движения генерала Баден-Пауэлла «Скаутинг для мальчиков», которая не переиздавалась в России с 1916 года. Журнал «Уральский следопыт» предлагает всем заинтересованным организациям, которым небезразличны судьбы российских детей, присоединиться к инициативам фонда: **Телефон Благотворительного фонда «Дети России» в Екатеринбурге — (3432) 74-28-15.**

ПРОЕКТ - 2000

«УРАЛ-ТРОФИ 2000»

Содержание проекта: 20-дневный спортивно-туристический и краеведческий автомобильный рейд по Среднему Уралу. Рейд включает в себя спортивное прохождение «категорийных» участков на внедорожниках, путешествие по знакам границы Европы-Азии, по пути Ермака (вдоль рек Серебрянка и Чусовая), посещение памятников природы и истории Урала, заповедных мест и аномальных зон.

Организаторы проекта: Общественная Региональная Молодежная Организация «Уральский Клуб Приключений», журнал «Уральский Следопыт», издательство «БАСКО».

Сроки проведения: ежегодно с 1 по 20 июля.

Условия зачисления экипажей в команду: Решение по зачислению экипажей в команду принимает только оргкомитет «УРАЛ-ТРОФИ» при обязательном успешном прохождении экипажем-кандидатом «подготовительного этапа» (до 01.05.2000), «отборочного тура» (08.05.2000) и «проверки готовности» (01.07.2000).

НИ ОДНОГО КИЛОМЕТРА АСФАЛЬТА!

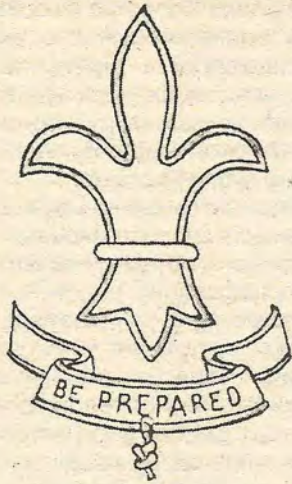
Более подробная информация о маршруте будет опубликована в ближайших номерах «УС».

Полный пакет информации для участников-кандидатов размещен на сайте www.off-road.basko.ru

Оргкомитет «УРАЛ-ТРОФИ 2000». Тел.: (3432) 33-00-83, 23-02-45.

«Будь готов» (Девиз скаута)

«Если бы мне нужно было определить высший идеал для моей родины, я выразил бы пожелание, чтобы все мужское население ее состояло из людей, прошедших ряды бойскаутов или воспитанных сообразно с их теорией. Такая нация была бы украшением человечества и представляла бы такую моральную силу, какой мир еще не видел».

(Лорд Розберри о Баден-Пауэлле)

РОБЕРТ БАДЕН-ПАУЭЛЛ

(биографический очерк)

«Впервые мне пришлось видеть генерала Баден-Пауэлла в 1911 году в Гайд-парке, где он проводил смотр своим лондонским скаутом в присутствии японского адмирала Того. Сухой, как большинство англичан, с энергичным профилем, с усами, подстриженными по военной английской моде, генерал казался моложе своих 54 лет. Легкость движений и эластичная поступь говорят о человеке с заботливой физической тренировкой, проводящем много времени на открытом воздухе, на просторе природы. Что особенно поражает в БП, так это его неизменно бодро-веселый вид и та необыкновенная простота, с которой он обращается со своими скаутом. Его глаза постоянно смеются. Он весь полон сдержанного юмора как в своей речи, так и в своих литературных произведениях. Мальчики его просто обожают, в чем я убеждался не раз, и никто его не боится. Это самое лучшее условие возможности личного влияния на детей. БП пользуется громадным влиянием среди подрастающей английской молодежи, и этого влияния он достигает без напускного величия, точнее именно благодаря простоте и непринужденности своего обращения. Он близок и понятен детям. В этом тайна его личного обаяния».

Сэр Роберт Баден-Пауэлл (1857-1941)

Из очерка В.С.Преображенского
в книге «Бойскауты», Москва, 1917 г.

ДЕТСТВО И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Сэр Роберт Стефенсон Смит Баден-Пауэлл родился 27 февраля 1857 года в Лондоне в семье видного ученого Роберта Стефенсона — изобретателя первого английского паровоза. Мать его принадлежала к потомству героя Елизаветинской эры, капитана Смита, известного своими приключениями среди краснокожих дикарей Северной Америки. Ученый профессор менее всего заботился о том, чтобы посадить своих детей за книжки как можно раньше, и первые годы маленького Роберта и его братьев были полны уроками жизни на открытом воздухе: поиски редких растений, цветов и бабочек, знакомство с деревьями, с жизнью птиц и животных — таковы стали ранние интересы жизни БП. Как большинство маленьких англичан, Сти — так звали его в семье — рано начал обнаруживать признаки самостоятельности. Еще не будучи трех лет, он мог одеться и раздеться без чужой помощи. В пять лет он ведет счет своих расходов. Ездить верхом он начал учиться вскоре после того, как выучился ходить. Часто его можно было видеть в самодельной лодке, отважно исследующим берега острова Уайта (к югу от Англии) вместе со своим старшим братом Генри. Так протекало детство Роберта до 12 лет, когда он был отдан, наконец, в пригосударственную школу, а оттуда, годом позже, вместе с другим младшим братом переведен в знаменитую школу Чартерхауз, где учились Теккерей, Бауэн и многие другие выдающиеся люди Англии.

Поступив в школу Чартерхауз, в январе 1871 года, Роберт Баден-Пауэлл скоро сделался любимцем товарищей, благодаря своему прямому открытому характеру и неизменно бодро-веселому настроению духа. Вряд ли есть необходимость упоминать, что

энергичный мальчик обнаруживал большую любовь к спорту и атлетике, чем к академическим дисциплинам. В футбольной команде своей школы он стал голкипером — надежным и хладнокровным в критические минуты. Занимался он также ружейной стрельбой, часто показывая приличные результаты в открытых состязаниях для публичных школ.

К числу разнообразных талантов Баден-Пауэла, нашедших впоследствии весьма своеобразное применение, надо отнести также его актерский талант. Следует заметить, что разыгрывание различных пьес на школьной сцене и по сей день занимает видное место в воспитательной программе больших английских школ и колледжей. Еще Бэкон видел в этом одно из лучших воспитательных средств для детей, и этот взгляд сделался широко распространенным в Англии, особенно благодаря поддержке королевы Виктории, придававшей большое значение детским спектаклям. Видным членом маленькой школьной труппы Чартерхауза был Баден-Пауэлл, имевший обычно большой успех у зрителей.

Здесь, кстати, можно привести один эпизод, характеризующий находчивость БП.

Однажды на школьном литературном вечере один из исполнителей смутился до такой степени, что в последний момент отказался показаться на эстраде. Наступила длинная, неловкая пауза. Тогда начальник школы обратился к БП с просьбой заменить очередного исполнителя и занять внимание публики. Без колебаний БП вышел на эстраду и совершенно экспромтом импровизировал в течение нескольких минут забавные сценки из школьной жизни, вызывая взрывы хохота молодой аудитории. Положение было спасено.

В мае 1876 года, хотя уже в эту пору им была окончательно избрана карьера военного, он предпринял попытку выдержать частным образом экзамен в одном из колледжей Оксфордского университета. Его экзаменатор профессор Джоветт, нашел, однако, его познания «не совсем на уровне требований колледжа». В этом нет ничего удивительного, так как БП никогда не был тем, что английские школьники называют «книжным червем», и довольно сухой курс маложизненных наук, требовавшийся по программе для вступительного экзамена в университет, вряд ли был особенно по сердцу живому юноше, обнаруживающему большую склонность к реальной жизни.

КАРЬЕРА ВОЕННОГО

В июле того же 1876 года в Лондоне был объявлен открытый экзамен на офицерский чин для английской армии. Так как Баден-Пауэлл

Мальчики начальной школы. Англия. Конец XIX века.

избрал уже для себя военную карьеру, он решил держать этот экзамен и прошел конкурс с блестящим успехом — пятым из 718 кандидатов. Назначенный суб-лейтенантом 13 кавалерийского гусарского полка, он вскоре был отправлен на Восток, в Индию, накануне двух исторических для Англии событий: провозглашения королевы Виктории императрицей Индии и первой английской аннексии Трансвааля (юго-западная Африка). Так началась военная карьера Баден-Пауэлла.

О жизни БП в Индии, где он пробыл восемь лет (1876-1884), известно сравнительно мало. Как и большинство деятелей английской истории, будущий шеф скаутов не любил много говорить о себе, и лишь в печатных беседах с маленькими скаутами он рассказывает, в виде иллюстраций, эпизоды из своей богатой приключениями жизни. Несомненно одно: что именно в Индии, под влиянием своеобразных условий военной жизни, у Баден-Пауэлла зародились первые идеи о лучшей постановке разведочной службы и о значении этой службы для индивидуального развития.

Индия конца XIX века с ее полувцивилизованным (с точки зрения европейцев) населением, с ее бесконечными джунглями, опасностями и приключениями поставила военную службу нации, решившей здесь господствовать, совершенно в новые условия. Она потребовала от кадровых военных, и особенно

Воины-зулусы. (С гравюры 1911 года).

от разведочной службы, таких качеств, которые не могли развиваться в обстановке цивилизованной Европы. Чтобы сравнительно незначительная горсть европейцев, поставленная в чрезвычайно неблагоприятные, чуждые ей условия, могла импонировать и управлять почти 300 миллионным населением туземцев, для этого требуются недюжинные качества характера и воли. Требуется страшная, настойчивая энергия, хладнокровие, решительность, постоянная осмотрительность и наблюдательность, умения вовремя по ничтожным признакам предвидеть грозящую опасность и вовремя ее избежать. Одним словом, здесь нужны те черты характера, которые в молодости пленяют уже не одно поколение в героях Майн Рида и Фенимора Купера.

Баден-Пауэлл не уклонился от уроков этой суровой школы. Для него казалось прямо непостижимым, как многие европейцы, заброшенные судьбой в Индию, не хотят покинуть своих комфортабельных салонов и веранд и добровольно лишают себя наслаждений той жизни с природой, которую он любил так страстно с детства. И он отдался ей со всем увлечением недавнего английского школьника, для которого жизнь такого рода с ее приключениями в таинственном мраке джунглей, с опасностями охоты на крупного зверя и т.д., представляет всегда необъяснимую, романтическую прелесть. Именно в дневниках и брошюрах-наставлениях Баден-Пауэлла впервые высказывается мысль о влиянии охоты, отслеживания зверя и разведок в обстановке лесной жизни на развитиесообразительности, находчивости и остроты мысли, на формирование «мужского» характера в его понимании.

Служебная карьера складывалась успешно: в сентябре 1876 года он произведен был в лейтенан-

Нападение отряда зулусов на лагерь английских колониальных войск. (С гравюры 1879 года)

ты, в 1882 году стал адъютантом своего полка, а в следующем 1883 году получил чин капитана. В 1884 году БП впервые познакомился с тем уголком Южной Африки, где впоследствии, в период англо-бурской войны, он завоевал себе громкую славу национального героя, как защитник Мэфкинга. К этому году относится восстание туземцев в Бечуанланде, и Баден-Пауэлл, как зарекомендовавший себя в колониальной службе офицер, был прикомандирован к экспедиционному корпусу, сформированному для подавления восстания. Здесь же, в Южной Африке, он участвовал в 1888 году в зулусской экспедиции в качестве адъютанта командующего отрядом и начальника разведочной службы. Здесь же в 1887 году он получил чин бригад-майора.

В начале 1890 года, как адъютант и военный секретарь генерала Смита, Баден-Пауэлл был переведен на остров Мальту и пробыл там три года. За короткий срок он завоевал любовь гарнизона тем, что чаще его можно

было видеть в казармах и гимназии для солдат, чем в офицерских собраниях или в парадных покоях губернаторского дворца. Он работает без устали для солдатского читального зала, для солдатского театра, внося разнообразие и разумный интерес в скучные будни солдатской жизни.

Во время своего пребывания на Мальте он внимательно изучил романтическую историю этого острова и рыцарей ордена Иоаннитов, которых в своей книге «Скаутинг для мальчиков» он не раз ставит перед своими маленькими читателями, как пример, достойный подражания.

ШКОЛА РАЗВЕДЧИКОВ

Баден-Пауэлл всегда сначала производил опыт, и только потом делал выводы. Точно также его идеи, послужившие толчком к образованию громадной организации бой-скаутов, представляют собой результат практического опыта, который он предпринял первоначально с солдатами своего полка в 1884 году, а затем его гвардейскими драгунами в Мееруте в 1897-1898 годах. Здесь он сформировал отряд разведчиков, тренировке которых посвятил свой богатый накопленный опыт. Но перед этим ему пришлось вплотную столкнуться с проблемой обучения и воспитания в 1895 году, когда он принял участие в экспедиции против племени Ашанти. Ему было поручено организовать отряд из туземцев других племен и с ним атаковать столицу восставших дикарей — задача, потребовавшая огромного терпения и настойчивости. Описывая позже в своем обычном юмористическом тоне свои отчаянные усилия пре-

Пленные англичане. Англо-бурская война, 1896 год.

вратить чернокожих жителей африканских лесов в сколько-нибудь дисциплинированное воинство, Баден-Пауэлл прибавляет: «Нужно было видеть эту картину, как мы пытались всунуть каждого воина на его настоящее место... Озабоченные, непонимающие негры становились бестолковее быка. Для английского дога понадобилось бы вдвое меньше времени, чтобы сообразить, чего мы от него хотим. Если бы не серьезность положения, можно было сесть на землю и хохотать до слез над абсурдностью этой картины. Но нашим девизом служила старая поговорка Западного берега: «Тихонько, тихонько лови обезьяну». Другими словами — не горячись. Терпение все преодолевает».

Если организация негритянского отряда была для БП суровым испытанием в терпении, то нужно сказать, что он выдержал этот экзамен блестяще. Ценой бесконечного терпения и чисто английской выдержки и настойчивости он сформировал-таки туземский отряд, провел его через дебри и лихорадочные болота туземских лесов и захватил врасплох столицу Ашаитов, выполнив, таким образом, поставленную перед ним задачу. За эту экспедицию БП получил чин лейтенанта-полковника.

В 1896 году Баден-Пауэлл принял участие в войне против племени Матабелов. Разведочная служба, полная приключений и неожиданностей, требующая хладнокровия и смелости, по-прежнему представляла для него главную прелесть всех этих многочисленных экспедиций. Он лично вел ночные разведки, определял местонахождение неприятеля, лично составлял военные карты малоизвестной страны. Матабелы прозвали его за эти ночные экс-

курсии «волк», что по толкованию мальчика-туземца, слуги Баден-Пауэрлла, означало — «зверь, который не спит, но рыскает везде по ночам».

В 1897-1898 годах в Мееруте из числа драгун-гвардейцев БП впервые сформировал специальный отряд разведчиков, тренировке которых посвятил свой обширный и разнообразный опыт. Начав с небольшой группы из шести волонтеров, он скоро довел их число до тридцати. Чтобы возбудить в них интерес к своеобразному делу разведчиков, он предложил им читать известные рассказы Конан Дойля о сыщиках, главным образом, знаменитые приключения Шерлока Холмса. Интересно, что этой книжке, забравшей в то время многими педагогами, как чтение, неподходящее для юношества, БП придал известное воспитательное значение. Разумеется, не головокружительные приключения Холмса, но общий тип этого человека с его острой проницательностью, с его умением ориентироваться в самой сложной и загадочной обстановке, с его тонкой и настороженной наблюдательностью и невероятной способностью заметить массу мелких признаков, ускользающих от обычного взора, и на основании их сделать выводы.

Главным средством тренировки Меерутского отряда для БП была ночная разведка. Выбрав особенно темную ночь, он рассылал свой отряд отдельными группами по окрестностям с короткой инструкцией приблизительно такого рода: «Отъехав на семь миль в определенном направлении, вернуться, найдя дорогу обратно к сборному пункту». В чернильной темноте южной ночи, в дикой, незнакомой местности разведчики должны были полагаться только на свою наблюдательность и сообразительность. Единственный напутственный совет, который давал при этом БП, был: «Осматривать при проезде каждый предмет, который мог бы послужить путеводной вехой для обратного пути, с задней стороны, чтобы опознать его при возвращении».

ОСАДА МЭФКИНГА

В 1899 году началась англо-бурская война. Мало-помалу политические отношения Англии с Трансвалем и Оранжевой республикой запутывались все больше и больше, пока, наконец, не разрешились вооруженным столкновением. На некоторое время центром внимания всего цивилизованного мира стала осада бурами Мэфкинга — маленького города, затерянного в пустынях Южной Африки. До начала войны Мэфкинг почти не был укреплен, так как не многие оценивали его стратегическое положение. А между тем он представлял из себя хорошую опорную базу для операции против Трансваала и позволял контролировать возможные перемещения среди туземцев Родезии, для которых падение Мэфкинга послужило бы сигналом к общему восстанию.

Верным взглядом БП оценил значение этого города, совершенно правильно учитывая возможность его захвата, и немедленно приступил к его укрепле-

нию. Эти-то своевременно и энергично проведенные приготовления и позволили БП в течение 270 дней с гарнизоном в 1700 человек защищать город против осадного бурского отряда, численность которого простиралась порой до 12000 человек.

При незначительности осажденного гарнизона каждый взрослый мужчина, способный владеть оружием, был необходим в передовой боевой линии. Поэтому возникла мысль воспользоваться услугами мальчиков, преимущественно для тыловой службы, чтобы освободить занятых там взрослых мужчин для фронта. Мысль эта принадлежала лорду Эдуарду Сесилю, который собрал всех мальчиков Мэфкинга и сформировал из них кадетский отряд.

В книге «Скаутинг для мальчиков» Баден-Пауэрлл с удовольствием вспоминает о смелой и самоотверженной деятельности Мэфкинских кадет. «Они были проворные, полезные и сметливые ребята», — говорил он. «До того времени много взрослых мужчин было занято передачей и разносной приказаний, а также сторожевой и тыловой службой; теперь все эти обязанности были возложены на кадет, и кадеты под начальством своего сержант-майора, мальчика по имени Гудиер, оказали, действительно, огромную пользу. Они вполне заслужили те медали, которые даны им были после окончания войны. Многие из них умели ездить на велосипедах и, таким образом, мы имели возможность создать своего рода почту, через которую желающие могли посылать письма своим друзьям в различных фортах или в городе не выходя из-за прикрытий и не подвергаясь опасности привлечь на себя неприятельские выстрелы. Мы наделали для этих писем почтовых марок с изображением вестового кадета-вело-

Почтовая марка
кадетского отряда Мэфкинга

сипедиста. Однажды я сказал одному из мальчиков, который привез мне письмо, проскочив через усиленно обстреливаемую зону: «Когда-нибудь тебя хватит пульей, если ты будешь ездить под таким огнем». На что он мне ответил: «Никак нет, сэр, я так

быстро еду на велосипеде, что ей меня не догнать.» Эти мальчики ничуть не боялись пуль; всегда были готовы отвезти любое приказание, хотя это всегда было связано с риском для жизни».

Отзываясь с гордостью и похвалой о смелости маленьких кадет, в течение всей осады БП сам был образцом спокойного мужества. Он не щадил себя, бежа в траншеях вместе с солдатами в моменты самой жаркой перестрелки. Он брал на себя самые ответственные и рискованные поручения, лично производя ночные разведки неприятельских позиций.

Прекрасно зная, как легко настроение лидера передается подчиненным и солдатам, Баден-Пауэлл не обходил своим вниманием и невоющее население Мэфкинга. 21 января 1900 года он устроил в осажденном городе конкурс среди детей, причем были присуждены призы самым здоровым и румяным бэби, рожденным во время осады. Одним словом, Баден-Пауэлл делал все, чтобы поддержать бодрость среди осажденных, наполнить чем-нибудь их досуг и отвлечь, главным образом их мысли от ужасов войны.

Когда 18 мая 1900 года осада Мэфкинга была, наконец, снята, и бургские войска оттеснены к северу, БП уже был знаменитостью. «За отменно-отличную службу» он произведен был в чин генерал-майора, но остался прежним скромным и суровым солдатом, которого тяготила и эта известность и восторженные оvationи, устраивавшиеся в его честь во многих городах. «Мы исполнили только свой долг

перед королевой и перед родиной», — говорил он. Но благодаря установившейся известности героя Мэфкинга у него впервые завязываются и потом широко развиваются отношения с мальчиками его далекой, любимой родины. Из числа многочисленных поздравительных писем по поводу успешного исхода обороны Мэфкинга он получает немало писем от детей. В Англии довольно обычное явление, когда люди, совершенно неизвестные обращаются с вопросами, заявлениями, выражениями симпатий и т.д. даже к видным государственным деятелям, и при этом хороший английский тон требует, чтобы на каждое письмо был непременно дан ответ. Этим правом обращения к незнакомым людям свободно пользуются и маленькие граждане Великобритании. И нет ничего удивительного, что у Баден-Пауэлла, ставшего после осады Мэфкинга национальным героем, завязалась обширная переписка с мальчиками Англии.

АНГЛИИ НУЖНЫ МУЖЧИНЫ

1903-1907 года стали поворотным пунктом в жизни и карьере Баден-Пауэлла. С 1903 года в его деятельности, до этого всецело отданной военной службе, замечается наклон к более широкой общественной деятельности, и мысль о необходимости для блага империи создать новую систему воспитания подрастающего поколения Англии или, по крайней мере, внести в нее новые элементы — эта мысль

Лондонская детвора. Начало XIX века.

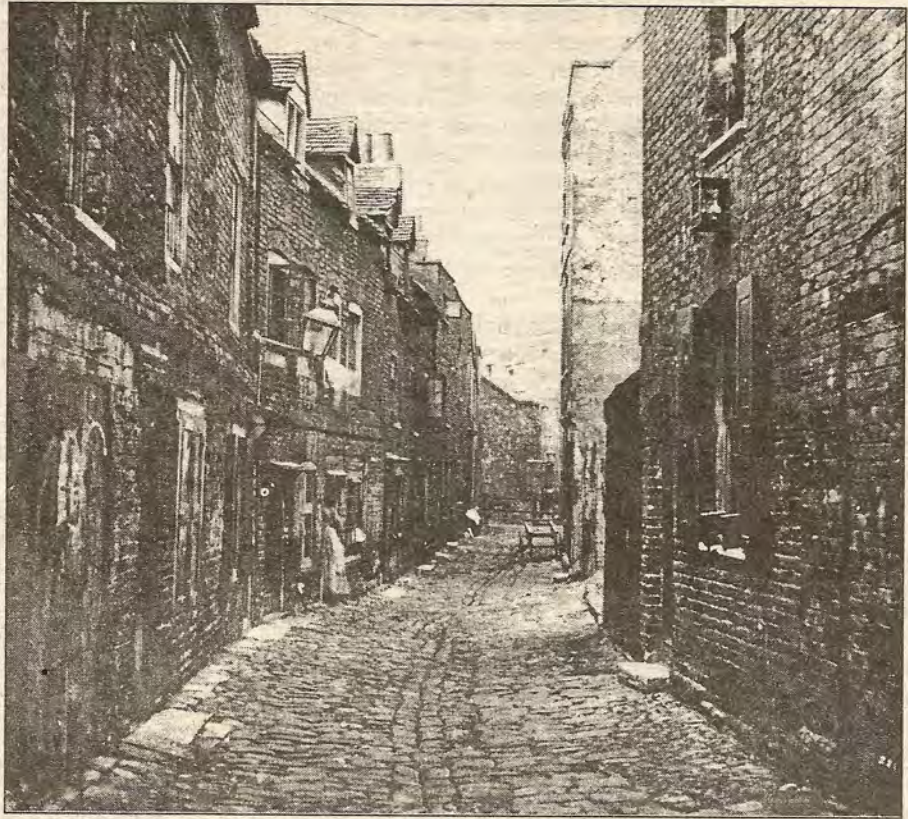

становится для него все яснее и определеннее. Два обстоятельства дали конкретный толчок к новому уклону его деятельности: одно, связанное с его профессией, другое — более или менее случайного характера.

Уроки англо-бурской войны не прошли для БП даром. Начатая несколько самонадеянно, война эта принесла англичанам целый ряд тяжелых разочарований. Буры оказались более сильным противником, чем их считали в английском министерстве колоний, и сильным именно индивидуальными качествами своих солдат, развитых с детства в бюргерах Трансвааля и Оранжевой республики, благодаря своеобразным условиям африканской жизни. В находчивости, изобретательности, умении пользоваться особенностями местности и ловко дурачить противника, наконец, в меткости стрельбы буры значительно превосходили англичан. Представляя из себя превосходный строевой материал, английские солдаты, при всей своей энергии, смелости и упорстве, часто оказывались в совершенно беспомощном положении в борьбе с ловким, почти неуловимым врагом. Баден-Пауэлл пришел к выводу, что качества, которыми должен обладать настоящий солдат, нужно воспитывать еще с детства. Поэтому, если Англия хочет иметь хороших колониальных солдат, то должна позаботиться о воспитании своей молодежи.

Другое обстоятельство, остановившее на себе внимание БП и вызвавшее в нем невеселые думы, было чрезмерное увлечение подрастающего поколения спортом, или, точнее, страсть к спорту, как к зрелищу, когда он превращается лишь в увеселение праздной толпы зевак, лично в состязаниях никогда не участвующих.

«Лично я сам люблю смотреть на эти великолепные экземпляры нашей расы», — пишет он одному из своих корреспондентов, — «на этих атлетов, вытренированных в совершенстве и играющих безошибочно. Но сердце сжимается, когда взглянешь на оборотную сторону медали — на тысячи мальчиков и молодых людей — бледных, узкогрудых, сутулых, жалких, курящих бесконечные папиросы. Многие из них с азартом бьются об заклад, проигрывая последние пенни, и все без исключения превращаются мало-помалу в истериков, когда они стонут от не-

Типичная улица на окраине Лондона.

рвного ожидания или вопят от восторга. Особенно режет ухо тот истерический, визгливый смех, которым неизменно встречается неудачное падение кого-либо из игроков. Невольно удивляешься, ужели это та самая нация, которая приобрела репутацию бесстрастной, невозмутимой, не поддающейся ни панике, ни возбуждению, спокойно-самоуверенной в самые критические минуты. Гоните мальчиков прочь от этих зрелищ, учите их быть деятельными, в чем бы не пришлось, а не зеваками и фланерами».

Эти наблюдения на футбольном поле над толпами лондонских юнцов, которые, конечно, должны были показаться истеричными человеку стальной выдержки, с нервами, закаленными походной жизнью в колониях, поставили для Баден-Пауэлла более общие вопросы и заставили его глубже задуматься над тем, как живет и воспитывается английская молодежь. Предоставим ему самому говорить о его размышлениях и о тех выводах, к которым он пришел:

«Упадок гражданского сознания; разрушивший когда-то римскую империю, вкрадывается в настоящее время в нашу среду...

История показывает нам, что почти без исключения каждая великая нация, достигшая после долгих усилий зенита своего могущества, оказывается истощенной этими усилиями, и для нее наступает пе-

риод реакции, состояние отдыха и ленивого существования; развивается полное безразличие к тому, что другие нации продолжают идти вперед, грозя разрушить истощенное государство или силою оружия, или более мирными, но одинаково фатальными средствами экономического порабощения. В каждом случае мы находим, что причину этого падения был недостаток энергичного патриотизма; в каждом случае вердикт истории гласит: «Смерть от упадка гражданского духа и дурного исполнения долга».

...Мы страдаем от увеличивающегося числа «отлынивателей» во всех классах общества — людей, которые отлынивают от их долга и ответственности перед государством и своими согражданами, людей, которые отлынивают от любой, какой бы то ни было работы. Одним из признаков болезни является масса безработных, ведущих жалкую, никчемную жизнь. — громадная армия трутней в нашем улье. Их много везде в государстве. Это уже не временное явление. Это — все более увеличивающийся гнойный нарыв, опасный для нации.

...Наш злейший враг — не иностранцы, но бесполезные люди внутри страны. Если рассматривать вопрос с христианской точки зрения, то как можем мы оставаться в стороне со спокойной совестью, видя, как много кругом нас бедности, горя, загубленных человеческих жизней, тогда как немного лишнего труда с нашей стороны могло бы предотвратить все это хотя бы для будущих поколений.

...Вполне естественно, что средства для излечения общественного недуга мы должны применить прежде всего к подрастающему поколению в области его воспитания. Если мы хотим развить в среднем человеке что-нибудь прочное, мы должны начать прежде, чем он стал взрослым. Залог успеха лежит в работе над детьми, а не взрослыми».

«СКАУТИНГ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ»

Обязательный переход от слов к делу — основная черта характера Баден-Пауэлла. И в 1907 году БП делает первый опыт личного сближения с подростками. На острове Банси он устраивает лагерь для 20 мальчиков — детей его друзей и знакомых. Успех первого опыта превзошел его ожидания. В детях пробудился живой интерес к этой своеобразной лагерной жизни на открытом воздухе. Вслед за Банси появились лагеря и в других местах.

Мы уже упоминали о книгах-брошюрах БП, написанных для молодых солдат. Эти книги скоро приобрели известность и за пределами того военного круга, для которого предназначались, и были использованы некоторыми школами и существующими организациями для мальчиков в воспитательных целях. Главным образом, заимствован был материал для устройства детских игр на открытом воздухе. Но, предназначенные для солдат, эти брошюры мало годились для школьной практики. Ввиду этого, а также ободренный удачей первого лагерного опыта, БП

Вожатый скаутского патруля и его разведчик.

основательно переработал свое произведение, применительно к потребностям и вкусам детей школьного возраста. В результате появилась его новая книга «Скаутинг для мальчиков», изданная впервые в 1908 году. За короткое время книга выдержала 6 переизданий общим тиражом более полумиллиона экземпляров и была переведена почти на все европейские языки.

Успех книги и результат воздействия этой книги были поразительны. Предназначенная для инструкторов зарождающегося движения и написанная в виде достаточно бессистемных бесед возле костра, она вобрала в себя весь богатый и полный приключениями опыт жизни БП, который, как он считал, может придать воспитательную ценность новому движению и сделать его привлекательным в глазах английской молодежи. При этом ему удалось изложить свои идеи и опыт чрезвычайно интересно с примесью своеобразного юмора и обилием живых примеров.

То, что произошло далее, до сих пор является исключительным случаем в практике организации детских и молодежных движений. Идеи, положенные в основу «Скаутинга для мальчиков», сразу нашли такой жизненный отклик в обществе и привлекли такую массу молодежи, не принадлежавшей к существующим ассоциациям, что очень скоро необходимость объединения ее в новую самостоятельную организацию стала очевидной и безусловной.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Во главе этой организации встал, конечно, сам Бадер-Пауэлл и двое его друзей. Первое помещение для собраний этого «штаба» (как назвал его БП) было предоставлено частными лицами. Лорд Стратема положил основание фонда новой организации, пожертвовав 500 фунтов стерлингов. Первый отряд скаутов-мальчиков был организован в Гампстеде (одно из наиболее бедных предместий Лондона), через месяц образовался второй в Патни.

В какие-то четыре месяца движение охватило почти всю Англию и перекинулось в колонии. Мальчики сами создавали повсюду отдельные группы скаутов — патрули, увлекаясь «новой игрой, в которую могут играть все». Чтобы движение не стало хаотическим, пришлось организовать заведование отрядами на местах и связать его с Лондонским управлением. План этой сети местных комитетов и организаций центрального «Управляющего Совета» был также разработан Баден-Пауэллом, который в 1909 году окончательно бросил военную службу, чтобы всецело посвятить остаток своей жизни новому делу.

В том же 1909 году на движение обратил внимание король Эдуард, лично присутствовавший на первом общем смотре 14000 скаутов на поле лондонского Кристалл-Паласа. Результатом этого смотра было следующее письмо, полученное Баден-Пауэллом из королевского дворца и дающее оценку движению:

«Пожалуйста, сообщите мальчикам, что король принимает в них живейшее участие, и что, если ему придется призвать их позднее, он уверен, что патриотическое чувство ответственности и привычка к дисциплине, приобретенные ими теперь, сделают их способными исполнить свой долг, как следует настоящим мужчинам, в случае, если какая-нибудь опасность будет угрожать империи». Как знак королевской признательности Баден-Пауэлл получил баронетство, а организация бой-скаутов была признана специальной королевской хартией в следующем 1910 году учреждением государственным.

С тех пор прошло девять десятков лет. Сегодня скаутские организации действуют почти в ста странах мира и объединяют более 20 млн. детей и подростков. Об их жизни, увлечениях и мероприятиях мы расскажем в одном из номеров «УС» этого года. Что же касается России, то судьба российского скаутского движения была куда короче и печальней и нашла свое продолжение лишь совсем недавно — в 1993 году.

Первые российские скаутские отряды возникли в 1909 году в Царском Селе, а общество «Русский скаут» было учреждено в 1914 году по указу Николая II. К 1917 году российская скаутская организация насчитывала около 50000 скаутов и скаутмастеров (руководителей скаутских отрядов). Подавля-

Королева Виктория награждает офицера — участника колониальных войн. (С гравюры 1879 года).

ющее большинство из них, воспитанные на идеях верности долгу и служению царю и отечеству, в годы гражданской войны приняли сторону Белого движения и погибли в сражениях или оказались в эмиграции. Наиболее последовательно боролся со скаутизмом комсомол. По некоторым данным, последний действующий российский бойскаут был расстрелян в 1922 году — в год, когда Н.К.Крупская в своей работе «РКСМ и бойскаутизм» полностью отвергла принципы и цель скаутской системы воспитания и указала комсомолу на необходимость создания детской организации нового, коммунистического типа, т.е. пионери.

В течение последующих десятилетий Всесоюзная пионерская организация им. В.И.Ленина была единственной массовой детской организацией России и стран социализма. Ее историю знаем мы все. Вот только мало кто из нас догадывался, сколь многое было заимствовано при ее строительстве из той самой книги «Скаутинг для мальчиков» генерала Баден-Пауэрлла. Ведь все русские ее издания были изъяты и уничтожены, а на само скаутское движение были навешаны ярлыки «милитаристическое, шовинистическое и буржуазное».

Не будем спорить. Просто дадим слово самому Баден-Пауэрллу.

«Двое или трое выдающихся авторитетов написали неодобрительные отзывы о моей попытке «воспитать в юношах Британии кровожадный и воинственный дух.

На это я могу ответить только сожалением, что эти господа недостаточно внимательно прочитали мои труды, или же, что я недостаточно ясно выразил свою мысль, так как вся цель «юных разведчиков» заключается в подготовке мирных граждан.

Но даже в том случае, если бы я проповедовал подготовку юношей к военной деятельности (чего на самом деле совершенно нет), я не могу сказать, чтобы я и тут видел основание раскaiваться; я лично не замечал, чтобы отставные солдаты были более других склонны к совершению убийства. Наоборот, я скорее замечал в них, что они научились самообладанию, умению жертвовать в случае нужды собою для других, умеют повиноваться приказаниям, умеют быть выдержанными, чистоплотными и деятельными, извлекать наилучшее из обстоятельств, быть верными себе и преданными своим офицерам. Все это представ-

ляется мне довольно ценными качествами в характере гражданина, к какому бы он званию или делу ни принадлежал.

Тот факт, что владельцы промышленных предприятий теперь предпочитают нанимать в качестве рабочих бывших солдат, говорит в пользу значения военного воспитания для мирного времени. Но, когда выдающийся общественный деятель написал мне, что я не должен обучать мальчиков военному делу, потому что он, по его собственному выражению, «ненавидит войну, как дьявола», я счел себя обязанным ответить ему, что если бы он видел войну вблизи, то возненавидел бы ее, как это делают большинство военных, более чем дьявола.

По этому-то случаю офицеры, почти все без исключения, настойчиво указывают на необходимость их согражданам быть готовыми защищать свою родину. Это делается вовсе не для развития кровожадности, а для предотвращения от своей родины худшего из всех анахронизмов — ужаса войны, происходящей «дома», среди наших женщин и детей.

Сторонники системы закрывать глаза на то, что всем зрячим очевидно, будут сами виноваты в соблазне неприятеля явиться и будет причиной возникновения войны в пределах их родины; на их головы пусть падет ответственность за кровь и разорение, которые неминуемо последуют — если только можно верить истории.

Между тем, если воспитывать в подрастающем поколении чувства истинной гражданственности, с сознанием своих ответственностей и обязанностей взамен преимуществ, которыми им предоставлено пользоваться в свободной стране — не было бы никакой опасности для государства.

Без мужества с одной стороны и без хорошей гражданственности с другой — мы неминуемо должны пасть!

Мужеству могут обучать только настоящие мужчины, а не существа недостойные называться таковыми».

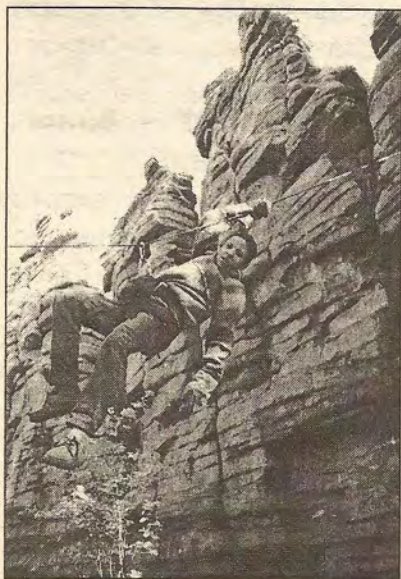
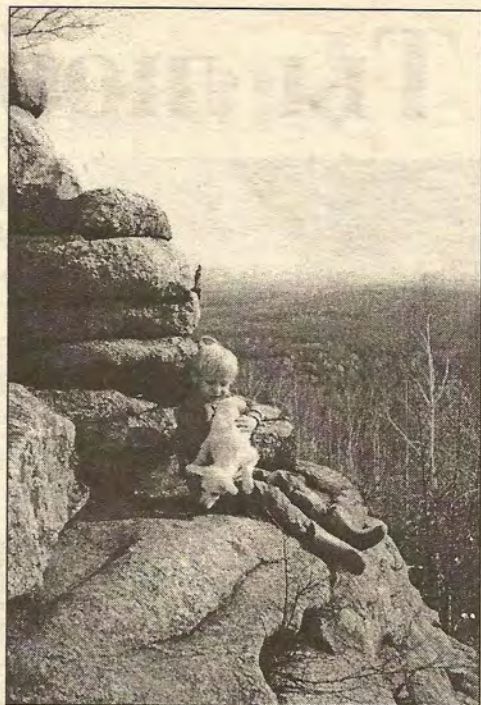
Из книги «Скаутинг для мальчиков»
(Издание «Русская скоропечатня», Спб., 1911), с.350 глава «Милитаризм».

5 ЛЕТ

Специализированная детско-юношеская школа олимпийского резерва горных видов спорта (скалолазание) г. Екатеринбург

Муниципальная СДЮШОР горных видов спорта основана в мае 1995 года по инициативе городского клуба альпинистов «Урал» при поддержке городской администрации и финансируется из муниципального бюджета г. Екатеринбурга.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ: СКАЛОЛАЗАНИЕ И АЛЬПИНИЗМ; ГОРНЫЙ ТУРИЗМ; ГОРНЫЕ ЛЫЖИ.

За пять лет СДЮШОР подготовлено:

- мастеров спорта международного класса — 3 человека;
- мастеров спорта — 6 человек;
- кандидатов в мастера спорта — 87 человек;
- I разряд — 138 человек;
- массовые взрослые и юношеские разряды — более 400 человек.

Последние достижения воспитанников школы (1999 год):

- II место на этапе Кубка мира среди взрослых по скалолазанию (Субботин Яков, 17 лет);
- IV место в абсолютном зачете Кубка мира по скалолазанию (Субботин Яков, 17 лет);
- II место в молодежном Чемпионате мира по скалолазанию (Осташов Игорь, 14 лет);
- I место в Чемпионате России по альпинизму (Першин Михаил, 26 лет).

ПРИЕМ НОВИЧКОВ-СКАЛОЛАЗОВ ПРОИЗВОДИТСЯ ЕЖЕГОДНО В СЕНТЯБРЕ ПО АДРЕСУ:

620019, г. Екатеринбург, ул. Московская, 28, б,
СДЮШОР горных видов спорта. Тел.: (3432) 12-76-77.

Ты любишь лазать?

*Костя НАГИБОВИЧ, Алма-Ата,
горный район Туге-Ксу.*

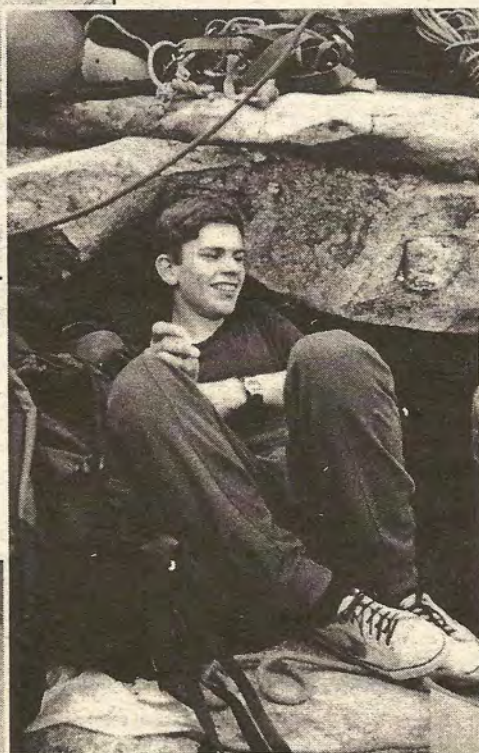
ТРЕНЕРЫ И НАСТАВНИКИ:

Директор — Останин Виктор

(мастер спорта по альпинизму, 4-х кратный чемпион СССР по альпинизму)

Зам. директора по учебно-воспитательной работе — Першин Валерий

(заслуженный мастер спорта по альпинизму, восходитель на 6 «восьмитысячников»)

Старший инструктор-методист — Демура Николай

(1 разряд по альпинизму)

13 тренеров-преподавателей, в числе которых 3 мастера спорта по альпинизму международного класса.

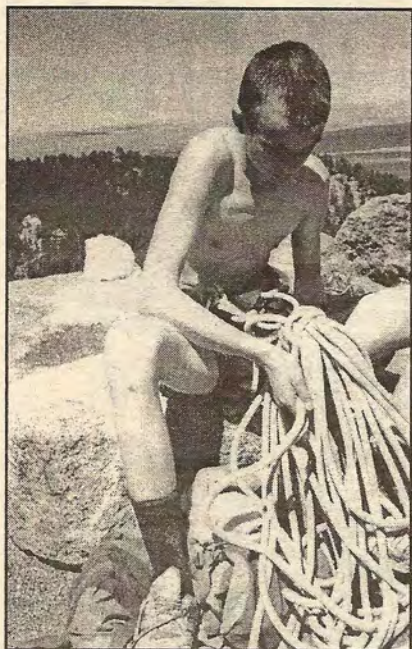
Врач СДЮШОР — Виноградский Евгений

(заслуженный мастер спорта по альпинизму, восходитель на 10 «восьмитысячников», «Снежный барс» и самый титулованный альпинист России).

Полезли с нами!

*Денис МОРОЗОВ,
Северный Казахстан,
Боровое.*

Ежегодно школой организуется 4-5 выездных спортивно-оздоровительных лагеря на скальных массивах Крыма, Северного Казахстана, Алтая, Тянь-Шаня и Северного Урала.

ПОКОРЕННЫЕ ВЕРШИНЫ:

- Фаросский Кант** (Крым)
- Серебряный Камень** (Северный Урал)
- Конжаковский Камень** (Северный Урал)
- Чимган** (Тянь-Шань)
- Ак-Таш** (Тянь-Шань)
- Белуха** (Алтай)

*Саша КЛЁНОВ, победитель
соревнования по туристскому
многоборью на приз газеты
«Вечерний Свердловск»,
Екатеринбург.*

ОСВОЕННЫЕ СКАЛЬНЫЕ МАССИВЫ:

- Чертово Городище, Семь Братьев** (Средний Урал)
- Боровое** (Южный Урал)
- Карадаг** (Крым)
- Каменный город Чуфут-Кале** (Крым)
- Кошка, Лебедь, Караул-Аба** (Крым)

После окончания СДЮШОР лучшие воспитанники поступают на факультет физического воспитания УГТУ-УПИ, где продолжают свой спортивный рост и получают профессию тренера-преподавателя по скалолазанию.

НЕПОКОРЕННЫЙ ВОСЬМИТЫСЯЧНИК

Безымянные вершины Гималаев ждут своих восходителей. Фото 1996 года.

Лхоцзе — четвертый восьмитысячник планеты, «Южный шин» (в переводе с непальского) соединен «пуповиной» Южного седла с Эверестом. Наличие именитого соседа обусловило более позднее альпинистское освоение этого гигантского массива. В нем три самостоятельные вершины, превышающие 8 тысяч метров — Лхоцзе Главная — 8516 метров, Средняя — 8426 метров и Восточная (Лхоцзе Шар) — 8398 метров. Первое восхождение на Главную вершину совершили швейцарские альпинисты Ф. Лухсингер и Э. Рейсс в 1956 году. После первовосхождений на все 14 восьмитысячников взоры альпинистов обратились к их «второстепенным» собратьям — восьмитысячникам в массивах некоторых главных вершин. Таковых в мире насчитывается девять.

Первым из таких гигантов подвергся массив Лхоцзе — его непокоренная Восточная вершина. 12 мая 1970 года члены австрийской команды С. Майерл и Р. Валь-

тер стояли на его вершине. Был покорен 15-ый восьмитысячник, первый из девяти неосвоенных гигантов гор.

2000 год — рубеж тысячелетий. 50 лет прошло с покорения французами первого восьмитысячника Аннапурны и 30 лет после первовосхождения на восьмитысячник «второго эшелона» — Лхоцзе Шар. Это целая эпоха великих открытий и завоеваний в Гималаях. Многие первооткрыватели стали национальными героями, именами-легендами: Меллори, Эрцог, Тенцинг, Хиллари, Месснер.

Першин Валерий Николаевич.

Заслуженный мастер спорта, восходитель на шесть гималайских восьмитысячников (Эверест, Лхоцзе Главная, Чо-Ойю — 2 раза, Дхаулагири, Шиша, Пангма), старший тренер сборной команды Свердловской области по альпинизму.

В часы отдыха в уют-кампании в базовом лагере. Экспедиция 1997 года.

После непогоды палатки в промежуточном лагере приходится освобождать от спрессованного ветром снега. На эту неприятную процедуру уходит много сил и времени (порой 1,5-2 часа). Экспедиция 1997 года.

Российские альпинисты, стремительно осваивающие Гималаи в последнее десятилетие XX века, к сожалению, опоздали к эпохе великих завоеваний. И хотя пройдены многие самые сложные пути, остается мечта «заполучить» свой «русский восьмитысячник», на который еще не ступала нога человека. К счастью таковой до сих пор сохранился. Лхоцзе Средняя — 8426 метров, «белое пятно» на карте Гималаев, вершина, занесенная в «Книгу рекордов Гиннеса» как самая высокая непокоренная вершина. Отвесные северная и южная стены, сложные и опасные гребни между Главной и Восточной вершинами послужили на протяжении последних пятидесяти лет самой надежной охраной от посягательств человека. Воплощение в жизнь идеи «русского восьмитысячника» началось в 1997 году, когда сильнейшие альпинисты-высотники России под руководством В. Башкирова попытались достичь Средней вершины со стороны Главной. В тяжелых погодных условиях удалось совершить восхождение только на Главную вершину и просмотреть путь дальнейшего траверса. В 1998 году было решено зайти с востока, со стороны Лхоцзе Шар. Опять погодные условия помешали осуществить заветную мечту, хотя сама Восточ-

ная вершина с невероятными трудностями была покорена.

Продолжением проекта «Непокоренный восьмитысячник» является экспедиция «Лхоцзе-2000», подготовку к которой ведут сейчас грузинские и российские альпинисты.

В составе российских альпинистов заслуженные мастера спорта из Екатеринбурга Е. Виноградский и В. Першин, мастера спорта А. Фойгт (Новокузнецк) и Г. Соколов (Новосибирск). Все они уже участвовали в предыдущих попытках восхождения на Лхоцзе Среднюю. Информацию о ходе подготовки, интересные подробности из спортивной биографии участников экспедиции читайте в следующем номере (номере) журнала.

По материалам подготовки и проведения экспедиции будет создан видеофильм, представление его на фестивалях горных фильмов в России и за рубежом, постоянная информация в средствах массовой информации, организация фотовыставок, выпуск фотоальбома и книги. К осуществлению проекта «Непокоренный восьмитысячник» приглашаются все заинтересованные организации в части финансовой и материальной поддержки на взаимовыгодных условиях.

Преодоление глубоких трещин на леднике с помощью мостиков из дюралевых лестниц. Экспедиция 1997 года.

ОТ РЕДАКЦИИ «УС»:

Есть люди, о которых говорят, что они вошли в Историю. Есть такие, о которых говорят, что они стали ее частью. Кристиан Кристианович Вейланд (цирковое имя ШУЛЬЦ) заслуживает большего. Его долгая (103 года) жизнь и есть сама История — история зарождения российской борцовской школы, ее удивительного взлета в начале этого века и уверенного мирового лидерства сегодня.

Нам повезло. Жизненный путь Шульца завершился у нас, на Урале, где судьба свела его со спортивным журналистом Михаилом Азёрным. Их многочасовые беседы и записанные на диктофон воспоминания легли в основу книги, главы из которой любезно предоставлены автором для публикации в этом и следующих номерах «УС».

Перед тем, как предложить Вам обратиться к чтению, нам хотелось бы высказать несколько слов благодарности в адрес Михаила Азёрного. Его уважительное и тактичное отношение к воспоминаниям и думам богато годами старца сделало присутствие автора в книге почти неощутимым. Но именно его высокий профессионализм, дал нам возможность остаться наедине с человеком удивительным, соединившим в себе вековой жизненный опыт, мудрую наивность старости и оптимизм юности.

Михаил АЗЁРНЫЙ

«КАКИХ-ТО» СТО ЛЕТ...

Жизнь К.К. Вейланд-Шульца, рассказанная им самим

- Сто лет...
- Сто лет!
- Сто лет?

Интонации в голосе у моих собеседников самые разные — задумчивые, восторженные, вопросительные. Вижу устремленные на меня взгляды, в которых читаю удивление и недоумение одновременно: «Неужели?..»

Не верят глазам своим.

В одном письме есть строчки: «Вы прожили целый век. Это надо уметь. Поделитесь опытом...»

— Да, надо уметь. Согласен. Сто лет — это, действительно, звучит. Особенно, если судить со стороны. На самом же деле я прожил «каких-то» сто лет. Сейчас мне кажется, что это совсем немного. Когда окажетесь на моем месте, вы тоже будете так думать.

И все равно два чемодана писем требуют, просят, советуют: «Расскажите!»

В связи с этим вспомнился один старый-престарый анекдот, рассказанный нам в Бухаре в 20-х годах:

— Насреддин, почему у тебя чай лучше, чем у богатого соседа-бая? — интересуется путник у фольклорного героя узбекского народа. — Ты обладаешь каким-то секретом?

— Никакого секрета! — отвечает щедрый и мудрый Насреддин, все богатство которого — один мул. — Просто я не жалею заварки.

Мы этот анекдот-шутку положили в сценку, которую играли на цирковых аренах Средней Азии. О своем путешествии в этот «край света» я еще расскажу, а сейчас, как и Ходжа, замечу: никаким секретом я не обладаю. Поэтому

Михаил Лазаревич АЗЁРНЫЙ — заслуженный работник культуры РФ, профессор Российско-Американского гуманитарного университета в Атланте (США), известный и уважаемый спортивный журналист, корреспондент газеты «Советский спорт», проживает в г. Екатеринбурге.

«рассекретить феномен векового возраста Шульца» (строка из письма) мне легче-легкого. «Феномен» (так сказать) — в самом образе жизни, в ее «заварке». "Это:

- повседневный труд,
- разумный отдых,
- активные физические упражнения,
- умеренное питание,
- самовнушение (сегодня это называют психотерапией, а в спорте — аутогенной тренировкой). Вместе взятое — и есть режим.

Мы чаще говорим о режиме дня. Мне хочется сделать одно уточнение: надо говорить о режиме жизни. То есть о нормах логического существования человека. Полагаю, что в этих вопросах было бы интереснее прочесть мнение социологов, физиологов, герантологов. Они знают больше. У меня же — лишь опыт собственного бытия. Начинается оно, это бытие, 19 февраля 1885 года... Вот первая страница чудом, с помощью друзей, отыскавшегося недавно «гражданского документа»:

Паспортная книжка.

Бессрочная.

Выдана

Ауэрмюндским волостным правлением
Добленского уезда Курляндской
губернии 1909 г., 14 сентября.

Владелец книжки:

1. Имя, отчество, фамилия:
Кристан Кристанов Вейланд
2. Звание: *крестьянин*
3. Время рождения: *19 февраля 1885 г.*
4. Вероисповедание:
еванг.-лютеранское
5. Место постоянного жительства:
Ауэрмюндская волость.
6. Состоит ли или состоял в браке:
не состоит.

19 февраля 1835 года... Неужели действительно прошло сто лет! А ведь кажется все было так недавно... Помню не только людей и события — даже камни-валуны, от которых очищали с отцом поле за домом...

Глава 1. ИЩУ СЕБЯ

«КОРЕНЬ УЧЕНЫЯ...»

Дореволюционный атлетический журнал «Геркулес», редактором которого был популярный в кругах русской интеллигенции Иван Владимирович Лебедев («дядя Ваня»), поместил в одном из своих номеров очерк «История жизни маленького Вейланда Шульца». Написан роман от моего имени — «дядя Ваня» любил, когда герои его статей сами рассказывали о себе. «Журналистами на час» становились Поддубный, Гаккеншмидт, Лурих, Шемякин, Заикин, Крылов, Вахтуров, Кашеев... Так читатель узнавал «истории» своих кумиров из их собственных уст.

Чемпион-борец Владимир Шульц. — Рига.

История жизни маленького Вейланда Шульца.

Вот из нашей семьи близки люди маленького роста, — только дядя мой со стороны матери был неслыханно великаном, в 2 1/2 вершка ростом. Среди моих товарищей по детским играм меня по-только признавали «маленьким». Вот это обстоятельство и желало, но что бы ты ни сказал, отягощенность обидчиков и истинная вина виноватых являются чуждыми. Когда меня в первый раз очень больно стукнул по шее товарищ толстак Гансу Ниландер, после того как я, обидевшись его словами по моему адресу «дядя Ваня», нахлебавшись предмета, — подарил ему язык, и пообещал, за покаяние к моему отцу его горькими словами и дядю, не помню.

«Что горько», — сказал мне отец, — что тебе клужукин не задался теперь ты поймаешь, что на охоту лучше себя найдешь дружить... Устрашен был язычок Ганса,

чтобы обязательно потом стукнуть его по заднице. Удья было тогда 9 лет, а он так и порхал и ухаживал за несомненно причудливо «зрелищем спартаки». И начал кричать: «Слово свое» тем, что подымал убранные лавины и тащил их в комнаты мажора дома. Это было довольно заманчиво, но омарилось тем, что, когда я вылезал из комнаты и кинул в грядку грязный бумажный мячик, прибежал мажоран.

Потом он и начал шептало, то мог бы утешать себя последним, что терять ученые труды, — но тогда мудрой еею поощрил: и не шептал, и был очень скоро, как законченная часть, тем, а в духе молодежи, «завыл обиды». Язык, как в восточной манюной усадьбе Гравера (Курляндия), велены отъезжалой дороги. Удья желтилокоричневого цвета вылезал русым. Вот тут то и стала ежедневно приходить, чтобы тренироваться, или, как говорили мои товарищи, «метаться». Подымал камни до земли, носил их, — завлаив в келью (столовую дома), — их сбиря и старался оторвать от земли, то обиды, когда рождал. Должно быть, Бог, особенно был добр ко мне, потому что мой ударом, не заворотился, а в конях пошол, хотя за этому себя знаешь был.

Днем, за зимы, делало время, и вот я, одно прекрасное утро, мне ударом икнул, релелю до каляны. Мне было тогда 12 лет, и я уже считался почти как и вришский, среди всех моих сверстников на деревне. Толстым Гансу Ниландеру, не только не сказал меня жалостно по поводу, а даже икнул, но домъ решил порвать, веревка для моего боковой кресты. Наказав меня отцу, в азиатскому лакеу в Доблене. Черный видъ, четверных первоначальных, хулящих свалить лиг, какъ кончалось всякъ развешать, а языкъ, а языкъ... Гансу на языкъ моим протывиковъ сплалли меня очень поударили, вь шель. Пока и доконец, наступит лавны, ибравно расла по-

Страница из журнала «Геркулес»

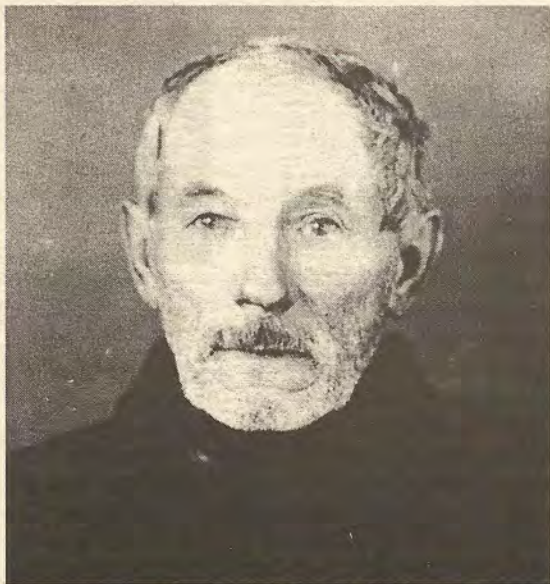
Каждый из названных здесь борцов — настоящая легенда русского спорта и цирка. Мне посчастливилось быть их современником, наблюдать их не только со стороны, заниматься одним делом, выходить плечом к плечу в «парад алле».

Мой путь в борьбу мало чем отличался от того, который прошли они. Пожалуй, каждый из них — из бедной (чаще крестьянской) семьи. А что касается «маленького Вейланда», то мать моя была крестьянкой, а отец, разочаровавшись в земельных трудах, подался на железную дорогу — благо, она проходила невдалеке от нашей усадьбы в Граверах. Хутора этого и на картах старой-то Курляндии не сыщешь, а сейчас тем более. Сохранился ли?

«Чип» — так звали меня в детстве, полного имени я удостоюсь лишь когда уйду из родных мест. А пока с восьми лет в батраках, за харчи. Вот где натерпелся. От хозяйина — само собой. Тут уж никада не денешься, порядок такой. А вот чем не понравился толстяку Гансу Ниландеру?! То подзатыльника мне даст, то начнет дразниться: «Два вершка от...» (известного предмета).

Ростом я действительно не вышел к тому времени — «лилепут», так меня и звали до поры до времени. Переживал. Но «право сильного» можно было опровергнуть лишь собственной силой. До этого понимания мы

Отец Кристиана Вейланда

доходили через синяки и шишки, которые приносили домой.

«Если бы я был постарше, то мог бы утешить себя пословицей, что «корень ученья горек», но тогда мудрой сей пословицы я не знал...», — привожу строчки из «Геркулеса», которые я написал свыше 70 лет назад.

Учиться пошел поздно — на девятом году. Первая часть дня — в элементарной школе в Дублине, что в пяти верстах от Гравер. Вернувшись домой, спешил в дом хуторского кузнеца — отец определил меня на новое место работы. Сначала раздувал мехи, таскал воду в бочки.

А потом — в подручные. Мне нравилось быть у огня. Раскладываешь ровненько на угли металлические заготовки, смотришь, как они набирают цвет, хватаешь длинными щипцами — и на наковальню, под кувалду, которой размахивает дядя Гунар. Бух — искры во все стороны! А я должен успеть повернуть поковку пока новый удар последует по ней. И так у нас складно получалось! Школы мне никакой не надо, лучше бы в кузнице с утра до вечера. Гвозди, подковы, грабли и вилы, колесные облучки, плуги, засовы... Что мы только не ковали!

В Дублин ходили вдоль железной дороги. На полустанках тяжелых предметов валялось уйма. Идешь, бывало, в школу или из нее — обязательно остановишься у кучи металла. Поднимешь один предмет, другой. Бросишь, чтобы пролетел дальше, чем у приятеля.

Сейчас бы это назвали «игровой тренировкой». А тогда — баловство. Забава. Сторож застанет за таким занятием — уши надерет, ранец отнимет, да еще заставит металлолом снести в кучу со всей станции. Возмущаешься «несправедливостью», а руки между тем становятся крепче.

Ганс Ниландер ездил в школу на отцовской пролет-

ке и не видел, как я «тренируюсь». И когда однажды по старой привычке наскочил на меня во время перемены, то сам же оказался сбитым на землю. Насторожился. И подговорил сразу четверых одноклассников, чтобы сделать мне «смаз вселенную» — была такая мальчишеская «экзекуция», после которой оставались отпечатки от медных блях на одном месте, что пониже поясицы. Дело кончилось тем, что каждый из них получил по синяку под глазом, а я стал очень популярным среди моих ровесников.

Каждый год учебы отмечался тем или иным кулачным событием. Я знал, это проделки Ганса — не зря он привозил из дому целую сумку пирогов и раздавал их «нужным людям». Верховодил в школе белобрысый Вайцур — на два года старше меня. Каждый день он получал «заказы» — кого-то отлупить, кому-то пригрозить. На меня тоже «заказ» был сделан.

Вайцур пришел в наш класс сразу после последнего урока, в сопровождении дружков и подхалимов, и на глазах у всех ребят хотел привести меня в «христианский вид» — поставить на колени перед кретином Ниландером. Дело, однако, кончилось тем, что Вайцура я загнал под парту и, ухватив его за волосы, заставил при всей честной мальчишескою братии произносить угдные мне слова о помиловании.

Так я получил первый (!) неофициальный титул «славного силача школы». Ганс Ниландер стал заезжать за мной по утрам, чтобы вместе ехать в Дублин на уроки. Его пироги теперь ел я. Вайцур тоже искал моего расположения.

Но в один прекрасный день на построении всей школы огласили приказ о моем исключении — «за тихие успехи и громкое поведение». У отца была тяжелая рука, а в гневе он ею пользовался очень умело. Но я чувствовал себя счастливым.

Мне исполнилось в ту пору 14 лет...

Несколькими годами позже я узнаю истинную причину негодования отца по поводу моего исключения из школы в Дублине. Дело, оказывается, не только в том, что я мог остаться неучем. Но еще и в том, что периодически отец давал мне как бы между прочим небольшие задания: сгонять, скажем, на соседний полустанок и отвести мешок картошки по адресу. В мешок засовывался небольшой сверток, обмотанный холстиной. Я не знал, что в том свертке, но был научен, как отвечать в случае, если сверток будет обнаружен. Дескать, мешок оставил на несколько минут у станционного забора, сам в буфет заглянул (или в билетной кассе стоял), а вернулся — картошку кто-то за угол затащил, видать, хотели унести, да не успели. А сверток внутри — так я его и в глаза-то не видел — наверное, кто-то засунул, когда я отлучался. Вот такая «легенда».

Откуда отцу поступали «тайные бумаги», не знаю, этим он со мной не делился. Полагаю, что кто-то из большевистских связников доставлял их из Риги на разъезд, а в глубинку, в массы они проникали с помощью добровольных, надежных курьеров. Среди них были и подростки. Внимание полиции, жандармов и сыщиков мы привлекали меньше, чем взрослые. Тем и были удобны подпольщикам.

ФЛАГ НАД ДАУГАВОЙ

Четырнадцать лет по сегодняшним меркам — совсем ничего. А тогда дом держался на детях этого возраста.

Отца мы видели редко, разве что по церковным праздникам, когда он приходил из города, где работал на железнодорожной станции. Кем — не помню. Бога и святую Деву Марию он на словах уважал, но слушался их заветов плохо. Засветло принимался за дела по хозяйству, а на молитву к священнику являлся последний.

Мы еще спали, когда отец в понедельник утром, забросив за плечо котомку с нехитрой снедью на неделю, уходил из дому.

Однажды он взял меня с собой. То были годы — конец столетия — когда хуторская система окраинной России все более приходила в негодность; город, этот «черный монстр», без разбору разорял малоземельные крестьянские хозяйства и делал несчастными и без того бедняцкие судьбы.

Железнодорожные мастерские, куда меня определил отец в ученики, были местом моей новой работы. Предстояло стать слесарем. Специальность интересная, для жизни нужная, и ... одинокая. Не по моему характеру. Заскучал я. А тут узнал: требуется учетчик на полустанок, что невдалеке от Гравер, в каких-то пяти верстах в обратную от Доблино сторону, стало быть, можно в родном хуторе жить — матери облегчение, какой ни есть, а мужчина в доме.

Свели десятнику бычка-годовичка, подарок «произвел впечатление, так стал я учетчиком на разъезде. Грамоты для этой должности хватало.

«Мой» разъезд — это из конца в конец — девятнадцать километров, а на них — пять полустанков. Каждый день надо побывать на них, собрать сведения, составить рапорт. От точки до точки, как правило, пешком. Выходило, с учетом дороги от дома и обратно, до пятидесяти километров в день, только успевай пошевеливаться. А еще назначали на другие работы: менять шпалы и рельсы, крутить гайки на стыках, катать колесные пары. 16 лет — уже не мальчик по тем временам, однако и людям постарше было не просто справиться с такими нагрузками. Выручала привычка к труду. Да и пример был перед глазами: отец небольшого роста, но здоровяк; дядя со стороны матери — косая сажень в плечах, шесть с половиной пудов весил, ладони величиной со сковороду, подсядет под лошадь и поднимет ее на плечах. Помнится, коровью тушу, ухватившись одной рукой за рога, а другой — за задние ноги, выносил из сарая и вскидывал на телегу, да и ростом его природа не обидела — «настоящий великан — 2 аршина 14 вершков», как было написано в «истории маленького Вейланда».

В 16 лет я уже считался силачом, поднимал 4-5-метровую рельсу над головой. Этот «номер» проделывал еще один рабочий, но ему шел 25-й год.

Служба была маятная, уставал сильно. Думал, как бы до дому добраться — там тоже дел невпроворот: то сенокос, то лен дергать, то дрова на зиму заготавливать. Но все эти заботы то и дело приходилось переносить

«на потом», особенно когда начальник разъезда приказывает свезти его на дрезине в станционную контору.

Сидит себе барином, семечки грызет, а ты ручку крутишь и в сердцах клянешь «наездника». И так километров десять, глаза на лоб лезут. Возвращаешься домой поздно, видишь мать, она тоже еле на ногах стоит, одних детей у нее — пять ртов... И такое отвращение к жизни!.. А плакаться некому.

Жалованье платили — полтину за смену. Летом добавляли двадцать копеек — длиннее рабочий день. Каторга. Сколько же можно терпеть! Подумал, посоветовался и взял расчет. Подался в Ригу — сестра вышла замуж, переехала туда жить и «сманула» в большой город. Мать согласилась.

Пристроили меня на механический завод «Братья Клейн» учеником молотобойца. Что-то похожее на то, чем я занимался в кузнице у дяди Гунара. Но у него все вручную делалось, а здесь посложнее — кнопки, рычажки, рубильники. Одной силы мало — голову надо иметь на плечах.

Таких как я подростков в подмастерьях было несколько. Однако рабочей специальности мастер не спешил нас учить — не хотел делиться своими секретами с новичками. Заставлял выполнять обязанности мальчика на побегушках: сходи туда, принеси то, подай это. Терпел я, терпел, да и возмутился: «В холуях ходить не собираюсь». Мастер — затрещину мне. За стропильность. Я не смолчал — дал сдачи, да видать не рассчитал силу удара — обидчик не устоял на ногах. Этот день был последним моим днем на заводе «братишек» — уволили «за непочтение старших и рукоприкладство». Без выходного пособия.

Безработному дни всегда кажутся долгими. Не знаю почему, но мне они запомнились еще хмурым низким небом, обильными дождями и дырявыми штиблетами, которые негде было высушить. У сестры я старался быть как можно реже. Они с мужем были очень добры ко мне, но молодоженам хватало трудностей и без меня. Перебивался случайными заработками — красил крыши, стягивал железными обручами бочки в бондарной мастерской, разгружал вагоны и корабельные трюмы, колот дрова, был истопником в бане, развозил на тележке продукты из магазина по адресам, месил тесто в пекарне... Нередко после дневной работы отправлялся ремонтировать мостовые — благо, это надо было делать по ночам.

Счастьем было, когда по чьей-то протекции меня взяли на Балтийский вагоноремонтный завод — «вагонку», как тогда называли в Риге крупнейшее предприятие. Работал на молотах. Подручным. Но тоже недолго. В феврале по России прокатилась волна стачек. Пролетарская Рига тоже вышла на улицы. Расклеивала листовки. Организовывала сходки. Предприятия остановились. За исключением одного заводика за Даугавой. Решено было направить туда рабочую делегацию вагонников — «поговорить по душам», объяснить, что такое пролетарское единство.

«У тебя руки крепкие, неси флаг», — сказали товарищи и поставили меня в первый ряд.

Мы пошли по понтонному мосту на другой берег реки. А навстречу — кавалерийский полк, он квартировал в казармах старой Риги. Металлический прут, вплетенный в полоски сыромятной кожи, с гайкой на конце — оружие казаков. Кое у кого в руках обнаженные шашки. Винтовки за плечами. А у нас даже булыжника в кармане нет. Только древки от лозунгов и флагов. Но все равно идем вперед. Не думали, что начнется рубка. Казаки медленно нам навстречу. Стенка на стенку. И вдруг они взяли в галоп. Понеслись на мост. Кричат, матом ругаются. Хотят устроить. Непростое это дело идти на лошадей, которые мчатся на тебя. Хочешь поосторониться — и некуда. Среди наших были убитые, много раненых.

Казацкая нагайка полоснула меня по правой руке, отхватила кусок мышцы на груди. Шрам так и остался по сей день — память о революционном крещении.

К врачу не пошел — нельзя, иначе полиции стало бы известно о моем участии в походе за Даугаву. Лечимся частным порядком — у фельдшера, с которым как бы невзначай свели дружба по цеху.

И все же в 1906 году попал под увольнение. Кто-то донес заводскому начальству. Хорошо еще, хозяева предприятия не дали знать в полицию — видать, боялись, что запоздалый донос сочтут за укрывательство.

В армию служить не пошел — оказывается, числился среди неблагонадежных.

ИСКРА СОМНЕНИЯ И НАДЕЖДЫ

В то время я уже второй год состоял во «Втором Римском атлетическом обществе». Членский билет № 21 храню поныне. Он объединял гимнастов, велосипедистов, поклонников других видов спорта, в том числе борьбы и штанги.

Свои чувства к подниманию тяжестей я стал проявлять еще в доблинской элементарной школе, к чему меня невольно принудили «милые дружки» Ниландер и Вайцур, о которых я уже говорил выше. На работе, куда меня определил отец после школы, молодые пар-

ни тоже любили побаловаться гириями. Не стоять же мне в сторонке от них! Потом кому-то пришла идея создать кружок. Мы выгородили угол прямо в мастерской, вкладчину купили несколько гирь разного веса, гантелей и «бульдогов», сами сделали штангу, деревянные мостки и пирамиду, шведскую стенку и даже подвесили к потолку канат. Мастер нашим забавам не способствовал, но и не препятствовал им, потому что были мы у него на виду, а стало быть, под контролем. Так он полагал, по крайней мере.

Бывало, явисься на работу раньше времени, а в углу кто-то балуется гириями. Присоединяешься и начинается маленькое соревнование: кто кого? В обеденный перерыв «козды» не забивали — пустым считалось делом, а снова принимались за «железную игру». Сигнал об окончании смены подавался ударом металлического костыля о подвешенную рельсу. И снова идешь «копить силу» перед тем, как отправиться по домам, и так каждый день.

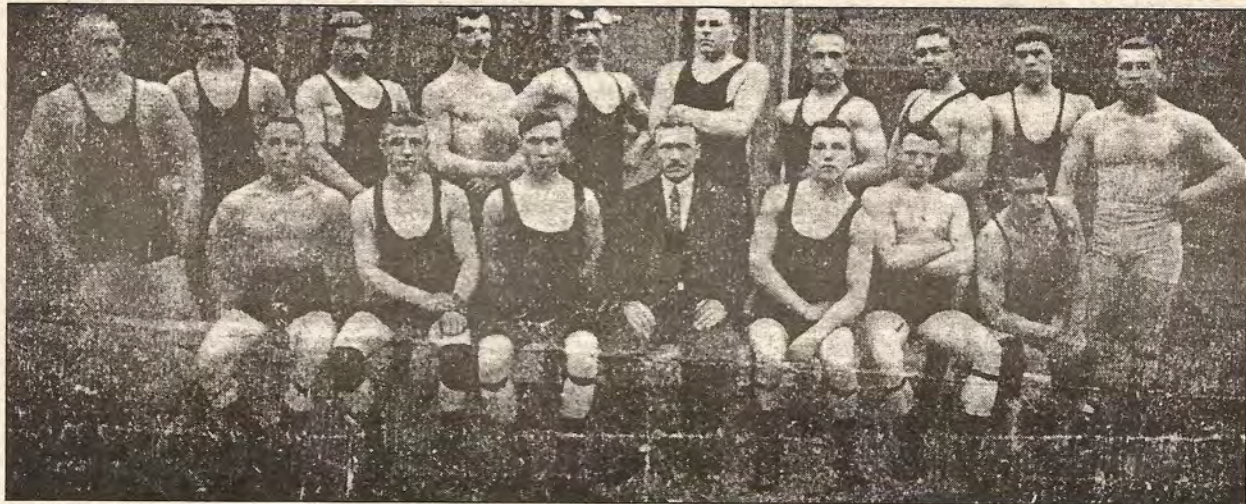
В 1902 году в Доблине были назначены соревнования по поднятию тяжестей. Я участвовать не собирался, для этого надо было потратить целый воскресный день, бросить все домашние дела, накопившиеся за неделю, да и путь из Гравер в уездный центр и обратно тоже неблизкий. Одно дело, когда на работу, а совсем другое — если на развлечение. Нет, мать и сестры меня не поняли бы. Да и в мыслях я не держал такого — состязаться с людьми, которые старше меня.

Но перед воскресеньем подходит ко мне приятель и говорит:

— Слышал, пять целковых тому, кто окажется всех сильнее!

Пять целковых для меня — это уже сумма. Двухнедельная плата за жилье. Словом, в Граверы я в тот вечер не пошел — решил попытать счастья на помосте.

Предлагалось каждому участнику выполнить комбинацию из пяти обязательных упражнений: продемонстрировать попеременно силу одной и другой рук, потом — обеих, приседания с весом, выжимание гирь (или

Псковское атлетическое общество «Vis». Фото из журнала «Геркулес».

штанги) лежа. А еще атлет должен был показать свой, фирменный номер — сам придумай, чем сразить соперника и завоевать симпатии жюри, в состав которого входили школьный учитель, станционный бухгалтер, полицейский, буфетчик, фотографический мастер и учредитель приза.

Придумал я «фокус» на равновесие: пройти туда и обратно по наклонной доске, уложенной одним концом на табуретку, держа в разведенных в стороны руках по двухпудовой гире. Для взрослых атлетов, наверное, не ахти какой труд, но в свои 17 лет я был самым юным из участников, самым легким, меньше всех ростом. Победитель определялся по особой формуле. Поднятый в каждом упражнении вес умножался на число повторений. Все показатели суммировались, потом делились на личный вес атлета. У меня итоговый результат оказался самым высоким. Тут же получил призовые пять рублей и жетон.

Ту первую награду бережно храню — с нее началась моя «вечная любовь» к атлетизму. Небольшая серебряная подвеска с изображением миниатюрной гантели, к обоим концам ее крепится цепочка, посредине которой подвешена миниатюрная гирька. И надпись на пластинке: «Сила и ловкость. 1902». Никогда не думал, что такими словами будут оценены мои первые силовые опыты.

В Ригу в 1904 году я приехал с этой «наградой местного значения». Но она сыграла решающую роль, когда пошел записываться во «Второе Рижское атлетическое общество».

Существовало еще «Первое общество» — для тех, кто побогаче, для состоятельных поклонников атлетических упражнений. Так сказать, мажорская ложа. Там театральности было больше, чем спорта, хотя сильные парни тоже встречались.

А наше общество объединяло чисто рабочий люд — мастеровых, мелкую интеллигенцию, приходили к нам портовые грузчики, «студенты без имени» (им университетское начальство строго наотрез запрещало состоять в подобных организациях, поэтому своей фамилии они не называли, а сильными быть желали). Гимнастика, велосипед, бег на быстроту и выносливость, борьба, штанга — вот репертуар предлагаемых занятий. Не за бесплатно! Платили членские взносы. Небольшие. Но обязательные для всех! Выбирали правление, казначея. Им доверяли вести переговоры об аренде помещений для клубов и собраний. Они же назначали соревнования и учреждали награды. Помню, солидную сумму, уже будучи чемпио-

ном, передал обществу Иван Романов. Я тоже отчислял из своих заработков, когда стал профессиональным борцом. Карл Микул, перейдя в «Первое общество», и зная о нашем недовольстве этим его шагом, тем не менее, из рекордсменских гонораров выделял средства в казну своей «альма-матер».

Наш атлетический клуб был, пожалуй, самым популярным в Риге, хотя размещался он в ...подвале.

Над нами была бондарная мастерская Карла Завицкого. Делали здесь бочки для засолки морской рыбы, огурцов и капусты. А после работы бондари спускались в подвал — в свой «клуб».

Помните пословицу: «Знал бы, так соломки бы подстелил...»? К нашему «клубу» она имела самое прямое отношение. Правда, подстилали мы на земляной пол не солому, а стружку и тырсу. Сверху покрывали брезентовое полотно — и ковер готов! Синяков не получали, а вот ссадин хватало. В углу — гири, самодельные штанги, чугунные шары разного веса. Вот и весь наш нехитрый инвентарь. Тренеры — каждый себе.

Поначалу я увлекался подниманием тяжестей. При

**КОВЕНСКОЕ
ЛЮБИТЕЛЬСКОЕ АТЛЕТИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО.**

№ 1904

Свидѣтельство.

Дано сіе Ковенскимъ Любительскимъ Атлетическимъ Обществомъ профессиональному борцу Шулцу, Райману въ томъ, что въ чемпионатѣ французской борьбы Чарльсомъ Норрманомъ устроенномъ для членовъ и сезонныхъ гостей въ 1904 году онъ Шулцъ, Райманъ получилъ золотой призъ за лучшее исполнение въ видѣ сумо и сицилианскаго въ и падении за ловкость и тактику.

Председатель Общества Шулцъ
Товарищъ Председателя Шулцъ
Члены Технической Комиссіи Шулцъ, Райманъ
Секретарь Шулцъ, Райманъ

Такие «Свидѣтельства» вручались победителямъ чемпионатовъ

тогдашнем весе в 70 кг брал в каждую руку по две-три двухпудовки, связанные ремнем, и поднимал. На левую руку — она у меня была сильнее — добавлял гантель в десять фунтов и выталкивал над головой. Двумя руками выбрасывал вверх штангу в шесть с половиной пудов. На десяток метров толкал от груди двумя руками 15-килограммовый чугунный шар — соревновались и в таком упражнении.

Много крепких атлетов вышло из нашего подвала. Например, ученик печатника Александр Лапчинский и кузнец Альберт Спрингис уже тогда хорошо были известны в борцовских кругах. Профессионалами они, правда, не стали, но постоянно занимали хорошие места в различных турнирах. О Карле Микуле (Карлуша!) в старых газетах и изданных позже книгах больше писали как о рекордсмене-штангисте. А он, между прочим, был и отменным борцом, побеждал на крупных международных и всероссийских турнирах. Ян Краузе — гордость «Второго общества», в клуб пришел он позже, я с ним был мало знаком, но внимательно следил за его победами. Особенно много шума наделал этот ученик бухгалтеря своим мировым рекордом в толчке правой — 283 фунта, 1913 год. Тогда же он стал абсолютным чемпионом России в тяжелом весе. И это — в 19 лет!

Как ни обидно, но с «красавчиком Яном» нашему клубу пришлось расстаться, так как «Второе общество» не располагало достаточными средствами для отправки своих атлетов на соревнования.

В Бреслау, на чемпионате мира, Краузе занял почетное третье место. Случай неслыханный в его возрасте. Российские газеты с удовольствием печатали перевод статьи из немецкого журнала «Атлетик», известного своей сдержанностью, когда речь шла о спортсменах других стран. А здесь — столько восторга в адрес юного геркулеса! И главное, никакого преувеличения. «Представитель России Ян Краузе отличается корректностью и замечательной легкостью работы. Красивый молодой атлет, он возбуждает всеобщее изум-

ление своими ритмическими темпами и той феноменальной силой, которую проявляет во всех упражнениях». Наверное, его ждали лавры чемпиона мира, предпосылки для этого были: в 1915 году в конкурсе петербургского «Геркулес-клуба» он поднял в общей сумме 481 кг — первое место. К сожалению, вскоре талантливый атлет заболел, врачи ничем помочь не могли, и в 1913 году Яна не стало.

Нередко захаживал к нам в подвал добрейший Ваня Романов, высокий, хорошо сложенный молодой человек, уже широко известный не только в Риге, но и в России и даже в других странах. Он был «из наших» — с машиностроительного завода Мантеля, где работал после окончания горного училища. Вот он-то и дал мне первые напутствия к борьбе. Без преувеличения великий спортсмен. Из одной шеренги с Гаккеншмидтом, Поддубным, Шемякиным, Заикиным, Лурихом. Из числа тех, кто первым прорубал окно в Европу. Популярности Романова за рубежом мог позавидовать любой из самых сильных атлетов. Жаль, в спортивной литературе о нем упоминается явно меньше, чем о других его современниках по спорту.

Посмотрев как-то мою тренировку, он посоветовал:

— Оставь штангу. Все равно чемпионом не станешь. Руки длинные, трудно тянут вес вверх. А для сильного борца у тебя все есть, попомнишь Ивана Романова...

Вот такую искру сомнения и надежды заронил в мою душу этот чудесный человек и спортсмен...

Продолжение в следующем номере.

ВЫЖИВАНИЯ

Лес всегда окружал русского человека, был его сущностью, стенами его естественного природного дома. Лес предлагал суровые зимние испытания, но и давал идеальный материал для крова и тепла. Он

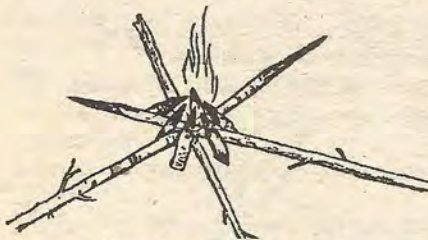
грозил карой в виде диких зверей за неумное рядом с ними существование, но он же укрывал в своей безбрежности от врагов. Поражая воображение своей холодной бескрайностью, он давал человеку, изначально доброму, возможность прикоснуться к духовному могуществу мира и за многие века стал для русского, российского человека неотъемлемым элементом его культуры, культуры общения с окружающим миром.

Как это ни парадоксально, но, на взгляд автора, именно утрата культуры общения с лесом и огнем становится причиной многих бед, связанных с лесными пожарами, и трагедиями людей, оказавшихся в зимнем лесу в экстремальной ситуации. А ведь в дореволюционной России, когда приемам выживания и самосохранения в экстремальных ситуациях обучали со школы, этой проблемы практически не было.

Применительно к теме разведения костра следует сказать, что способов, приемов и методик поддержания огня в сложных условиях великое множество. И хотя, теоретически их можно изучить и даже освоить некоторые на практике, многолетний опыт автора показывает, что зачастую даже в не очень сложной ситуации (сырая погода, ветер, снег) попытки бывалых тури-

стов разжечь спасительный костер не всегда бывают успешны.

Причина, на мой взгляд, в отказе (или незнании) от основного культурного принципа, традиционного и естественного

Костёр «Ленивый»: гибрид «Звезды» и «Шалаша»

именно для северных народов, к которым относятся или близки многие из российских. Окружающий мир, лес и огонь не являются чем-то противостоящим и враждебным человеку. Они, так же как и человек, изначально добры, и отсюда следует все остальное.

Костер следует считать полноправным членом группы, а еще лучше — новорожденным. Проникнувшись этим чувством, вы, даже впервые в жизни приступив к разведению огня под дождем и из сырых дров, все сделаете правильно. По крайней мере, не допустите грубейших ошибок; и костер у вас обязательно получится. Вот несколько моментов, особо важных как в

сложных условиях (с сырыми дровами под дождем), так и в пожароопасном смысле.

1. Новорожденный никогда не начинает ходить сразу. Не торопите его. Даже профессионалы в сложных условиях тратят на разведение костра, способного дарить тепло, не менее 1-1,5 часов.

2. Новорожденный требует особого ухода и особой пищи. Кормите его тем, что он способен съесть и только в необходимом ему количестве.

3. Вы никогда не положите новорожденного на холодную землю. Именно поэтому под заготовку для костра вы обязательно сделаете подстилку — помостик из плотно сложенных поленьев. Иначе испаряющийся снизу холодный влажный воздух загасит ваш еще слабый костер в самом начале.

4. Вы никогда не станете общаться с новорожденным ребенком (а тем более — принимать роды) в неухоженном, неподготовленном месте, т.е. на нерасчищенной площадке или среди завалов сухого хвороста.

5. Ребенка, еще слабого, вы ни на минуту не оставите без присмотра. Ваш костер не должен загаснуть или перекинуться в лес незаметно для вас.

6. Попробуйте после нескольких рюмок спиртного пообщаться с ребенком (а еще лучше вспомните, как с вами в детстве разговаривали и вели себя пьяные) — и вы поймете, каково костру в окружении нетрезвой компании.

7. И наконец: вы никогда, ни при каких обстоятельствах не оставите своего ребенка в лесу одного! И именно поэтому вы никогда не оставите в лесу непотушенный костер! Ни зимой, ни летом, ни в какую погоду!.. Даже если вам что-то будет угрожать!.. Любая спешка, любая потеря времени — ничто в сравнении с этим страшным преступлением.

Пусть вас не удивляют такие призывы к сентиментальности. Нравственность и сострадание на Руси всегда были необходимейшими элементами даже обыденной жизни. Именно они в конечном итоге «включают» у человека его естественный способ мышления, в том числе, и знаменитую «русскую смекалку».

Геннадий Чеурин

КОСТЁР

«Американский» костер

Костёр «Нодья»

Виктор ГРЕБЕННИКОВ

ВЕЧЕР НА СВАЛКЕ

(в духе Шарля Бодлера)

В лилово-синюю дымку, за дальние колки степные
Спускается вечное Солнце багровым сияющим шаром.
Над ним в зеленеющем небе как золото вдруг засияли
Вечерние редкие тучки. А Солнце все ниже и ниже.

И вот оно стало такое, что можно уже и не щурясь
Глядеть на него — на святыню, родившую нашу планету,
Создавшую жизнь: и растенья, и те золотые озера,
И птиц, что сейчас вот над ними в закатных лучах
пролетают,

И вот эти легкие тучки, что медленно форму меняют
И цвет: фиолетовый, алый, багровый,
а снизу — жемчужный.

А Солнце все ниже и ниже — огромное наше Светило —
Коснется вот-вот горизонта... Божественны эти минуты,
Когда мы выходим за город, затем, чтоб опять

поклониться
Святыне своей величавой — который уж год! — в эти
степи.

Но здесь вот, у ног, да и дальше — до самых озер, что
блистают

В закатных лучах золотистых — огромная гнусная свалка
Раскинулась, степь осквернивши. Курятся повсюду
Холмы безобразные. В ближнем — и рвань, и гнилье,
и бутылки.

Скелет проржавевшей кровати воздел к небесам
золотистым

Кривые премерзкие ноги, а рядом ботиночек детский
Лежит на каких-то бумагах. Тихонько его отодвинув,
Читаем: «...прошу Вас, Директор, простить мне
последнюю пьянку,

Оставьте меня на работе: куда мне, несчастному, деться
С женой-инвалидкой и с дочкой, поскольку, родившись,
страдает

Она слабоумием — это, как знаете, неизлечимо...»
Глядим в уголок заявленья, где пишут «Оставить»,
«Уволить» —

Он пуст, и тут нет резолюций. Неужто пьянчуге-отцу
отказали?

А Солнце все ниже и ниже, но свалочный холм озаряет:
Вот валенок рваный; обтянута кожей засохшей
Облезлая мумия кошки, ослабившись бело клыками,
Смеется над нами, над Солнцем, над всем нашим
миром чудесным:

«Глядите вы, глупые люди, и вы, созерцатели Солнца:
Мы, трупы, вас выживем вскоре и вашу планету
захватим —

Да так, что ни метра на ней, ни клочка не оставим
Для ваших цветочков, и птиц, и шмелей, и зверушек.

Мы будем расти, и смердеть, и куриться премерзко
Дымами такими вот едкими вечно, и небо
Из синего сделаем серым, убого-крысиным,
И мгла та закроет так вами любимое Солнце.

Мы, Свалки, покроем такими своими холмами
Все ваши селенья, поля, города и дороги;
На кладбища ваши наступим, и горы таких вот
кроватей,
Бутылок, сапог, и трепья, и скелетов собачьих,

(Которых при жизни прозвали вы «меньшие братья»)
Возвысятся слоём толстенным над вашими, люди,
гробами.

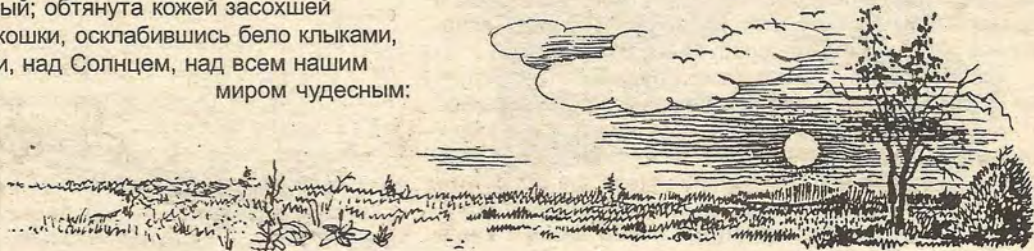
И полчища крыс мы напустим теперь уж на нашу
планету, —
Без живности этой чтоб нашим Холмам не скучалось».

...С трудом отрываем свой взор мы от свалочных
гнусных останков
И вдаль устремляем его — эх, как жаль: мы сейчас
прозевали
Минуты, когда величавое наше Светило коснулось
своим нижним краем
Далеких степей горизонта, уйдя под него незаметно.

Хотя — погодите! — вдруг некая искра золотая,
Как будто бы брызга огня или капля какая
Чистейшего золота в жидком металла расплаве,
Меж дальних-предальних лесов свой привет нам
прислала —
Частицу священного, чистого, алого, мудрого Солнца.

И отсвет Его в вышине так сияет красиво
Среди облаков фиолетовых, алых, багровых, а снизу —
румяных,

Которые, тоже прощаясь с Светилом великим,
священным,
Сияют на небе высоком вечернем зелено-жемчужном.

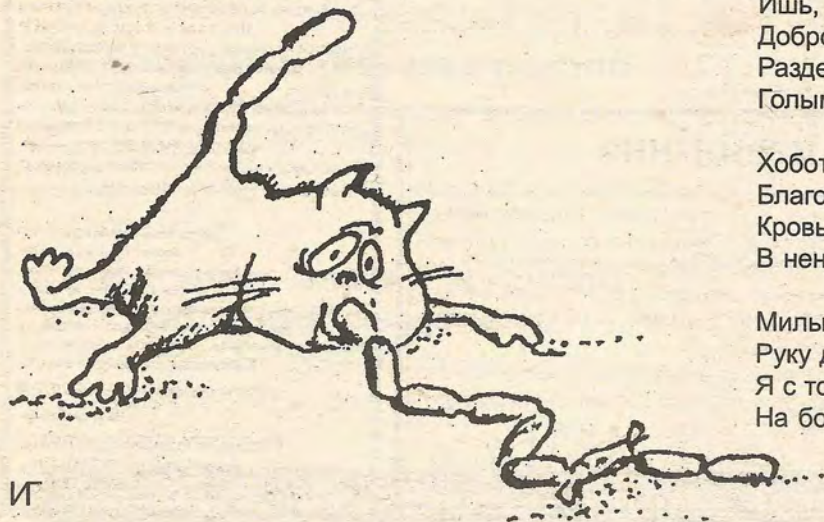

Игорь ГОЛДЫРЕВ

**БАЛЛАДА О
БЕЗДОМНОМ
ЖИВОТНОМ**

Отряд пионеров по улице шел,
Бездомную кошку в канаве нашел.
— Животное мы спасем из беды, —
Сказал председатель отряда Бельды.
До ночи ходил отряд по дворам,
Пытаясь пристроить животное там,
Но слышали всюду лишь дружный ответ:
— В кошке бродячей нужды у нас нет!
Вот полночь настала и стих городок.
Под дождиком вымок отряд и промок,
Но громко кричал председатель Бельды:
— Животное выручим мы из беды!
Наш долг пионерский так нам велит.
И девочка Маша ему говорит:
— Конечно, Бельды, мы согласны с тобой!
Сегодня мы все не вернемся домой,
Пока не пристроим бродячую кошку —
Пусть кошка домашней побудет немножко.

Остерегайся же черных ночей
Ты, алкоголик, и ты — книгочей,
Видишь: по стертым камням мостовых
Мчит вереница скелетов живых,
С воплем и плачем влача за собой
Страшного зверя с поникшей главой.
«Это твое! Забери, забери!» —
Голосом грозным вещают они.
Прочь, о прохожий! Иначе — беда.
Ибо добро побеждает всегда.

Игорь ГОЛДЫРЕВ

ТАРАКАНЫ

Идут тараканы
И бьют в барабаны,
Идут тараканы в поход.
С горки на кочку,
С кочки на бочку,
А с бочки никто не сойдет!

Пришли тараканы,
Построились прямо.
Закончился славный поход.
«Сказали, на бочку
Залезем, — и точка!
С пути нас никто не собьет!»

— Ох, вы, тараканы,
Глупы, как бараны —
Ведь в бочке никто не живет!
Закончится пища —
И станете нищи,
И слез вам никто не утрет!

Сергей ВАСФИЛОВ

КОМАРЫ

Я хожу на край болота,
Наблюдаю комаров:
Им ведь тоже есть охота
И нужна им наша кровь.

Ишь, летят, как на заправку...
Добротой своей горжусь:
Раздеваюсь и на травку
Голым донором ложусь.

Хоботки в меня вонзите!
Благодать какая... ах!
Кровь моя рубином стынет
В ненасытных животах.

Милый мир живой природы,
Руку дай твою пожать!
Я с тобой согласен годы
На болоте пролежать.

Министерство связи РФ
«Роспечать»

7 3 4 1 3
(подписной индекс)

АБОНЕМЕНТ на журнал

«Уральский следопыт» (наименование издания)												Количество комплектов:	
на ----- год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
(почтовый индекс)						(адрес)							
Кому													
(фамилия, инициалы)													

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал **7 3 4 1 3**
(подписной индекс)

ПВ	место	лит-тер												
«Уральский следопыт» (наименование издания)														
Стои-мость	подписки пере-адресовки	руб.	руб.	Количество комплектов:										
на ----- год по месяцам														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда														
(почтовый индекс)						(адрес)								
Кому														
(фамилия, инициалы)														

Уважаемые читатели! Вы можете подписаться на журнал «Уральский следопыт», начиная с любого номера в любом отделении связи России. Жители Екатеринбурга могут подписаться на журнал также в редакции и в киосках «Роспечать» Кировского района.

Редакция гарантирует новым подписчикам высылку недостающих номеров второго полугодия наложенным платежом по их заявке.

ИЗВИНЕНИЯ

Редакция журнала «Уральский следопыт» приносит искренние извинения председателю Художественно-экспертного совета по народно-художественным промыслам Свердловской области ГУБКИНУ Олегу Петровичу за ошибку, допущенную в написании его фамилии в «УС» № 11, 99, в заглавии статьи «100-летие Каслинского павильона».

Просим сотрудников библиотек, выписывающих наш журнал, учесть нашу ошибку при составлении картотеки публикаций.

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
1 '2000

Учредитель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакция:
Игорь КОЛЕСНИКОВ
(директор)
Олег ВОДОПЬЯНОВ
(зам. директора, редактор)
Юний ГОРБУНОВ
(зав. отделом истории и краеведения)
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор)
Евгений ПЕРМЯКОВ
(зав. отделом фантастики)
Дмитрий БАХТЕРЕВ
(Интернет-версия журнала)
Налля СТАРИКОВА
(координатор проектов)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЁБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

Компьютерная вёрстка:
Анна КОСТРИКОВА,

Адрес редакции:
620142, Екатеринбург, ул. Декабристов, 67
Телефон редакции: (3432) 224-501
E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com
Адрес в Интернете:
<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 Министерством печати и
массовой информации РСФСР.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением автора статей.
ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом собственности
на логотип и название журнала.
По вопросам подписки и доставки обращаться
в районные отделения «Россвязьинформа».

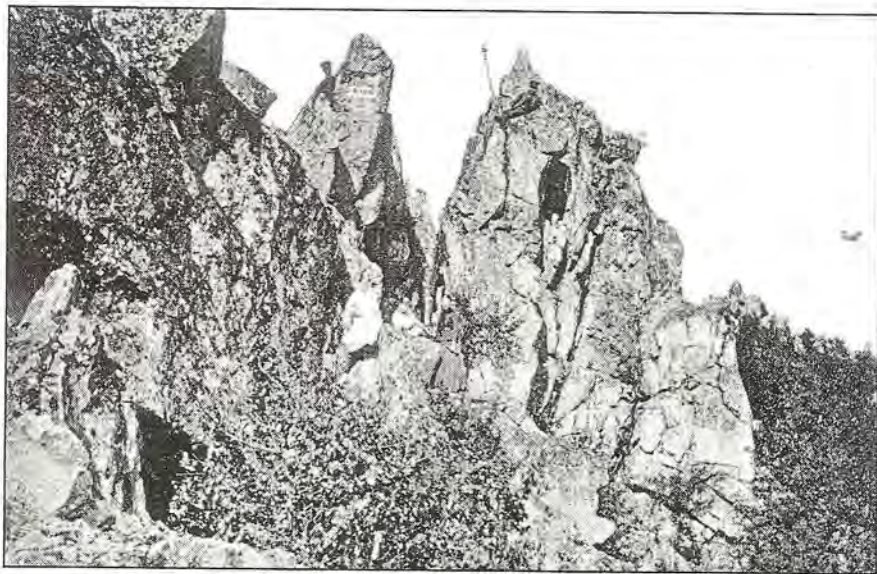
Подписано к печати 24.01.2000
Формат бумаги 84x108/16.
Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 1 700. Заказ № 44.
Все претензии по ошибкам в тексте предъявлять
редакции журнала «Уральский следопыт».
Отпечатано в типографии «Уральские военные вести».
Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.
Рисунок на обложке Ольги СТУЛОВОЙ

Цена свободная.
© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1-2000

Александровская сопка

Поднявшись на скалистую вершину хребта Урал-Тау, великий князь Александр Николаевич (будущий русский царь Александр II) был покорен ее величием и видом, открывшимся ему. Он поинтересовался узнать ее название и получил немедленный верноподданнический ответ: «Александровская». Так с 1837 года и закрепилось за сопкой, что вознеслась на границе Европы и Азии, это название.

Урал. Александровская сопка на границе Европы и Азии.

У подножия сопки недалеко от станции Уржумка меж городами Миассом и Златоустом стоит один из более чем двадцати обелисков «Европа-Азия»: четырехгранный каменный столб, увенчанный усеченной пирамидой. К нему ведет гранитная лестница с 26 ступенями.

Высота вершины 845 метров. Ее скальные выходы сложены из прочнейшей породы - разновидности кварцитов — авантюрина. Издали вроде бы неприглядный камень, прой-дешь, не повернув головы. А если авантюрин отполировать, он вспыхивает и перелива-

ется золотистыми и красными искрами — глаз не оторвешь. В авантюрине много включений железной гематитовой слюдки и гётита. Горщики в старину называли авантюрин «искряком».

Представьте себе отполированной в «искряк» всю вершину Александровской сопки — действительно, по-царски смотрелась бы она.

Урал. Александровская сопка.

Олег ЩЕТИНИН

Фото из архива редакции и из коллекции Евг. Бирюкова (музей фотографии).

